

Игорь Бурдонов

том 7:

«КАРЬЕРА ИОГАННА БУРА»

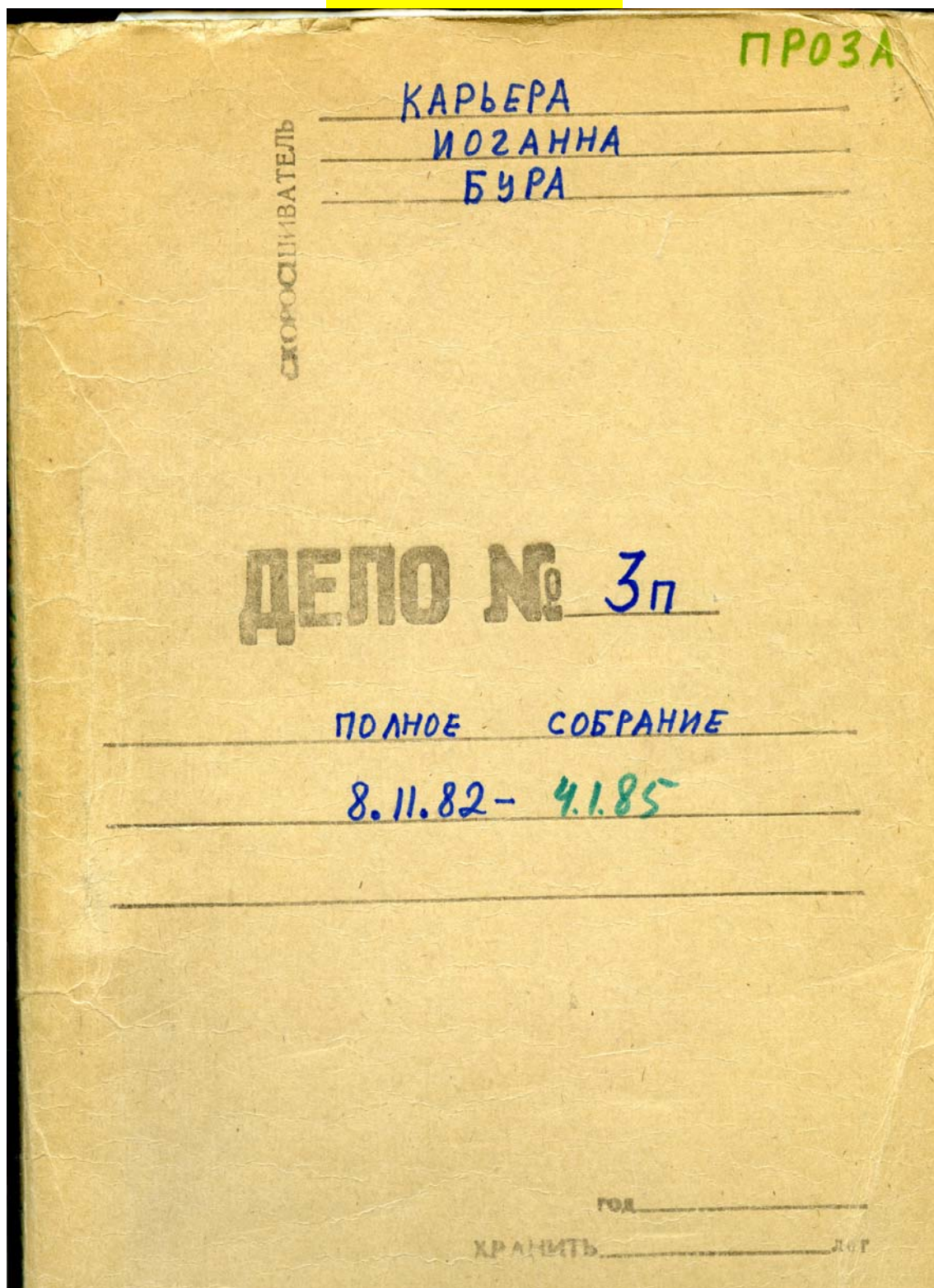
Полное собрание
ПРОЗА 3

8.11.82 – 4.1.85

«Карьера Иоганна Бура» Полное собрание. ПРОЗА 3. 8.1.82–4.1.85 ...3

1.	Плоды сидения. Вынужденное предисловие.....	4
2.	СУЩЕСТВУЕТ ЛИ БОГ?	6
3.	АРИФМЕТИЧЕСКАЯ СКАЗКА ПРО ЗМЕЯ-ГОРЫНЫЧА	11
4.	ГРИБЫ ДОЛЖНЫ ПАХНУТЬ ГРИБАМИ.....	18
5.	ТРАКТАТ О ВЕРЕ	37
6.	В субботу утром долго звенел телефон.....	40
7.	ИСПОВЕДЬ	43
8.	ПЕЛЕНА (первая редакция)	48
9.	ПЕЛЕНА (вторая редакция).....	61
10.	1. Кто мы?	68
11.	2. Высшая инстанция дела нашего – ЦЕНТР.....	70
12.	3. Наша цель – Процветание в широком смысле	72
13.	Важная весть	75
14.	Повсеместно сушится живое начало	80
15.	О НРАВСТВЕННОМ АНТРОПОЦЕНТРИЗМЕ.....	82
16.	Я вышел в парк	88
17.	Выписки из СМИ.....	96
18.	Отчего так? Душа переполнена	102
19.	О, ТРАНДАГОР!	103
20.	Литературная импровизация	113
21.	ТЕТРАДЬ ДЛЯ ЗАПИСОК	116
22.	ГОЛОС В ТИШИНЕ.....	131
23.	Возлюби ближнего своего.....	133
24.	Первый снег жёстко стелет землю	134
25.	ПУТЬ НА РАБОТУ.....	137
26.	Старинные вещи	139
27.	Кондратий Михайлович и его живот.....	141
28.	Итальянские песни несут тоску	143
29.	Есть женщины	144
30.	Это здание – в виде раскрытой книги	145
31.	НЕНУЖНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.....	146
32.	Древние греки знали, что корни сущего свисают в хаос	150
33.	И всё же меня тянет к этим людям.....	160
34.	ЛЮДИ И ИГРЫ	162

«Карьера Иоганна Бура»
Полное собрание. ПРОЗА 3.
8.1.82–4.1.85

1. Плоды сидения. Вынужденное предисловие

Дата неизвестна

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ В ИЮЛЕ 1971 ГОДА

Вынужденное предисловие

Разбирая старые бумаги, я наткнулся на несколько машинописных страниц, содержащих странные «протоколы совместных сидений». В сущности, это были пьянки, но какие-то необычные: мы пили пиво, а потом и вино, и водку, слушали музыку, но вместо беседы поочерёдно садились за пишущую машинку...

Июль 1971 года. Тогда мы были молоды. Это значит: мы были переполнены здоровьем, юмором, энергией, желанием что-то сделать, что-то понять. Наши души терзали вечные вопросы, на которые мы не находили ответов, или, вернее, мы находили слишком много разных ответов. Всё у нас ещё было впереди. Мы не знали, что это время – время нашей молодости – назовут началом эпохи застоя.

Вообще-то, это было не только развлечением. Все мы тогда пробовали свои силы в литературе и нам хотелось написать что-нибудь совместно. Конечно, ничего из этого не получилось. Но сейчас, перечитывая эти странные «плоды», мне подумалось, что они могут представлять некоторый интерес как мгновенный снимок какого-то кусочка того времени. Что изображено на этом снимке? Если честно – чёрт знает что! Иногда это откровенный пьяный бред. Иногда – какие-то странные откровения. Иногда – попытка поделиться своими мыслями. И всё это предельно непосредственно, с хохмами, взаимными подначками, без всяких правил и границ. Писали всё, что взбредёт в голову.

Мне не хотелось нарушать этот цельный сумасшедший мир, я оставил всё как есть, включая намеренные орфографические ошибки, я только убрал имена и заменил их номерами: Первый, Второй, Третья и Четвёртый.

Далее идут тексты, почему-то помеченные неверными датами:

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ ПЕРВОГО, ВТОРОГО И ТРЕТЬЕЙ СОВМЕСТНО С
ПИВОМ

5 июля 1971 годв

А на самом деле:

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В., Бурдонова И.Б. и Трофимовой Л.В.
СОВМЕСТНО С ПИВОМ

26 января 1971 года

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО СОВМЕСТНО С ПИВОМ

13 июля 1971 года

А на самом деле:

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Бурдонова И.Б. и Щучкина Н.В. СОВМЕСТНО С
ПИВОМ

13 января 1971 года

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В. и Бурдонова И.Б. ОТДЕЛЬНО ОТ ПИВА

26 июля 1971 года.

А на самом деле:

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В. и Бурдонова И.Б. ОТДЕЛЬНО ОТ ПИВА

Или

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В. и Бурдонова И.Б. СОВМЕСТНО БЕЗ
ПИВА

5 июля 1971 года.

2. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ БОГ?

8.11.82

Этот вопрос сам по себе не только не имеет решения, но и не имеет смысла.

В действительности мы хотим ответа на другой вопрос: Нужен ли Бог? Если Бог нужен, то его существование есть вопрос веры, а не науки. Наука отвечает на вопрос «Что есть?». Вера отвечает на вопрос «Что должно быть?». Существование предмета веры не нуждается в доказательствах; именно в этом и заключена специфика веры, её отличие от знания. Существование того, что «должно быть», отличается от существования того, что «есть». Для второго нужно доказательство того, что оно есть, для первого – что оно должно быть.

Итак: Нужен ли Бог? Или иначе: Для чего нужен Бог? Или ещё иначе: Что такое Бог? Какой нужен Бог?

Вспомним Лемовского профессора Коркорана с его ящиками. Может ли Коркоран считаться Богом? Представим себе, как и делает Ийон Тихий, что и наша Вселенная создана таким Коркораном. Появится ли у вас желание молиться такому богу, думать о нём, признавать его Богом? Нет! Ведь не считает же Ийон Тихий (а с ним и читатель), богом «настоящего», «нашего» профессора Коркорана! Он вполне материален, его «ящики» также вполне материальны и тут нет ничего «божественного». Всё объясняется вполне естественными причинами, хотя Вселенная и оказывается сотворённой, но сотворена она вполне естественным образом самым естественным человеком в его естественном мире. Правда, этот последний мир так сказать более высокого порядка, но что с того? Некоторая проблема возникает при предположении (а его тоже делает Ийон Тихий), что такая «вложенность» миров бесконечна. И проблема эта заключается в следующем: Есть ли бог у этой бесконечной иерархии? У «всего этого» в целом?

Задумаемся над вопросом: Почему профессор Коркоран не кажется нам богом? Наверное, потому, что он «бог» лишь для части Вселенной, заключённой в его «ящики». Это не «настоящий» бог. «Настоящий» Бог должен быть богом для всей Вселенной!

Профессор Коркоран для своих ящиков это то же самое, что инопланетяне, проводящие эксперимент по эволюции жизни и разума на одной из планет, называемой Земля. «Верить» в это бессмысленно: это либо так, либо нет. Вы можете лишь принять это в качестве рабочей гипотезы, если вам это нравится. Но учтите, что эта гипотеза может и не подтвердиться.

А теперь такой вопрос: Если вы верите в бога, верите ли вы в чудо? В частности, в чудо откровения, то есть непосредственного контакта с богом? Иными словами: Нужен ли вам бог, который ни в чём себя не проявляет? И никогда не проявит? Думаю, что нет. Такой бог всё равно что не существует. Но дело тут не в существовании, а в том, что такой бог не нужен человеку. От него нет никакого толку! Верите вы в него или нет – ничего не меняется. Вам нужен бог, за которого можно было бы хоть как-то «уцепиться»: сейчас (откровение) или хотя бы после смерти (спасение).

Ещё раз обратимся к профессору Коркорану. Почему он не «тянет» на бога? Естественность и ограниченность! Собственно, естественность и ограниченность – одно и то же. Вся суть в том, что такой бог не может ответить нам на все наши глобальные проблемы. В частности, в чём смысл нашей жизни? В чём смысл нашей смерти? Он и сам не знает! Бог нам нужен именно для ответа на эти вопросы. Для окончательного ответа! Правда, один окончательный ответ существует; смысла нет! Но этот ответ нас не удовлетворяет, мы не хотим, чтобы не было смысла.

Итак, бог не должен себя проявлять в чём бы то ни было, но должен активно вмешиваться в наше существование (до или после смерти), чтобы ответить нам на наши вопросы. Если бы бог «проявился», это стало бы фактом науки со всеми вытекающими отсюда последствиями. А последствия эти катастрофичны для идеи бога: бог стал бы объектом исследований, как атомное ядро или квазар. Откровение стало бы неким эффектом вроде сигналов внеземных цивилизаций. Но самое главное: В чём могли бы заключаться его ответы? Приняли бы мы их? Если да, то это означало бы конец цивилизации, ибо жизнь имеет смысл лишь до тех пор, пока не получен «окончательный» ответ на вопрос о её смысле. Если нет, то это не бог – такой бог, которому мы не верим, нам не нужен.

Но если бог не «является», то как он вмешивается в наше существование? Такое вмешательство, которое мы не можем идентифицировать как явление бога, не есть вообще вмешательство.

Итак, нам нужен такой бог, который не является, но явится в будущем. Причём это будущее не должно наступить. Даже явление бога в момент нашей смерти (спасение) не помогает делу, так как явление бога есть смерть для человеческого сознания, для его науки, искусства, морали и т.п. Нам нужен бог, который не является, но может явиться в любой момент! Это означает, что нам нужен не бог, но идея бога. В момент смерти мы хотели бы слияния с богом, хотя это слияние и есть смерть нашего «я». Рая существовать не может.

Попробуйте задать себе другой вопрос: Хочу ли я стать богом? Не торопитесь отвечать: хочу! Что вы будете делать, став богом? Ничего! Ведь бог заключает в себе всё, ему всё известно и всё доступно. Его удел, следовательно; ничегонеделанье, неподвижность. То есть смерть. Но все мы стремимся именно к этому: знанию, могуществу, абсолютной истине, абсолютной красоте, абсолютному добру. К богу. К смерти.

Мир нашего знания, нашего эстетического чувства, нашего понимания и умения творить добро ограничен. За его пределами лежит бесконечный мир наших «не»: незнания, неумения, непонимания, неспособности... Именно туда, в этот запредельный мир мы и помещаем бога. Но этот мир НЕ пограничен с нашим миром ДА и оттуда к нам постоянно поступают сигналы: мы всё время сталкиваемся с тем, что мы не знаем, не понимаем, не умеем. Кое-что из этого постепенно, медленно, мучительно переходит в наш мир. Но человек нетерпелив, ему хочется получить сразу всё или хотя бы побыстрее. Долго и трудно идти путём познания, куда проще откровение, мгновенная интеллектуальная интуиция! Как в «Формуле Лимфатера» Лема. Да, мы знаем, что удовлетворение даёт не результат сам по себе, а путь пройденный и приведший к результату. Но на этом трудном пути мы хотим знамений, намёков, таинственных сигналов. Пусть не открывают они нам ни истины, ни, красоты, ни добра, но пусть будут! Пусть посещают нас озарения, откровения! Но не говорите, что это такая форма работы мозга, сознания и подсознания, такая реакция на длительный труд размышлений, не объясняйте естественными (или по крайней мере известными) причинами. Мы хотим не причин, но целей!

Мы хотим таинственности! Но зачем? Что мы делаем, получив её? Мы начинаем работать: изучать, исследовать, анализировать и препарировать эту таинственность. И в конце концов мы добиваемся успеха: уничтожаем таинственность, объясняя её естественными причинами. А затем требуем новой таинственности. Что такое эта таинственность? Не синоним ли она неизвестности? Неведомого? Непознанного? Но такого, чтобы нельзя было объяснить известными причинами, чтобы требовалось открытие! Чтобы оно переворачивало все наши представления, ошеломяло!

Мы любим наши идеи, наши дела, наши достижения. Мы их любим, но они скучны нам. Мы хотим, чтобы бог открыл нам всю бездну нашего заблуждения. Чтобы случилось «вдруг» и мир в одно прекрасное мгновение был уничтожен и создан заново: иным, новым!

Стремление к чуждому. Чтобы сделать его своим. И снова стремиться к чуждому. Мы хотим изменяться. Самоуничтожение и самосоздание. Истина – процесс. Истина – событие. Мгновение, которое прекрасно! Идея должна быть безумна! Мир следует перевернуть вверх дном!

Но движение невозможно без покоя. Будущее без прошлого. Бог должен утешать. Зачем нам утешение? От чего утешение? Таинственность утомляет, потому что она бесконечна. Мы кажемся себе такими маленькими, конечными. А мир такой большой, бесконечный. Пусть движение бесконечно, но пройденный путь – конечен, и впереди всё та же бесконечность. Сизифов труд. Утешение – это обещание. Бог должен обещать конец пути. Конец бесконечного пути. Можно ли не думать о белой обезьяне, если это запрещено? Вы может быть не думали о ней всю жизнь, но теперь, прочитав эти строки, будете регулярно вспоминать белую обезьяну, хотя и знаете, что это совершенно бессмысленно, что не нужна она вам, эта обезьяна, даже во вред, но вы будете страстно желать белую обезьяну. Бог – это конец бесконечного пути, который очень хочется увидеть в начале шрпл пути, хоть это и бессмысленно.

Абсолютное утешение – это смерть. В действительности мы хотим утешения временного, суррогатного. Но мы не должны догадываться об этом, мы должны верить! На следующий день мы двинемся дальше, но сегодня мы должны верить! Пусть бог откроется нам сегодня и утешет, но пусть завтра мы об этом забудем.

Пусть бог будет и пусть бога не будет.

Бог нужен даже в науке. Как единство Вселенной. О таком боге писал Эйнштейн. Единство Вселенной есть простое следствие её единственности. Но единства мало, нужна тотальность Вселенной. В каждой травинке заключена вся Вселенная. Не какая-то «малая» Вселенная наряду с окружающей «большой» Вселенной, а та же самая. Принцип Маха: любое явление объясняется влиянием всей Вселенной. Электрон неисчерпаем. Бог – это тотальность Вселенной. Фихтевское Я. Гегелевская абсолютная идея. Материалистическая материя. Но такая тотальность, что и я – тоже Вселенная. Та же самая. Я – Бог. Вселенная – Бог. Пантеизм. Солипсизм. Всё вместе. В абстрактном плане такая тотальность должна вести к тавтологии, к абсурду. Конкретно – это всегда связь, взаимодействие. Биометеорологи говорят о «научной астрологии»! Бог есть материя, поскольку в тотальности Вселенной снимается противоположность субъекта и объекта, устанавливается тождество мышления и бытия. Такой Бог – не бог.

Пусть бог будет и пусть бога не будет!

3. АРИФМЕТИЧЕСКАЯ СКАЗКА ПРО ЗМЕЯ-ГОРЫНЫЧА

9.11.82

Это случилось давным-давно. В прошлый четверг. Дождя не было, и доктор Айболит сидел под большим баобабом в кресле-качалке и играл в шахматы с Бармалеем. Надо сказать, что Бармалей с прошлого раза совсем исправился, бросил разбойничать и теперь работал в зоопарке сторожем. Он сам кормил зверей и следил, чтобы маленькие дети не бросали в клетки конфеты. Потому что от конфет у зверей болят зубы. Когда какой-нибудь непослушный ребенок бросал тигру конфету, Бармалей входил в клетку поднимал конфету и съедал ее.

Итак, доктор Айболит играл в шахматы под баобабом. Он делал свой ход и начинал качаться на кресле-качалке. Взад-вперед, взад-вперед. При этом он подсчитывал: Одно качание! Другое качание! Третье качание! Кресло-качалка была вместо шахматных часов. Бармалей проигрывал и очень нервничал. Над первым ходом он думал всего одно качание. Над вторым ходом – уже два качания. Над третьим ходом – три качания. И так далее: над каждым следующим ходом Бармалей думал на одно качание больше. Когда пришла телеграмма, Бармалей только что кончил думать над двенадцатым ходом, и сделал очень ловкий ход конем. Ясно, что Бармалей оказался в цейтноте, но все-таки интересно, сколько же качаний прошло от начала игры? Тут конечно нужно сказать, что сам Айболит думал над каждым своим ходом ровно три качания. А первый ход делал Айболит. 1: Так сколько же качаний прошло от начала игры, когда пришла телеграмма? И сколько качаний за всю игру думал Айболит, а сколько – Бармалей?

Телеграмму принес Белый Аист. Он торжественно вручил ее Айболиту, попросил расписаться в квитанции, важно поклонился и улетел.

Вот что было написано в телеграмме:

«ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ ЗПТ БЕДНЫЙ ЗМЕЙ-ГОРЫНЫЧ ПОПАЛ БЕДУ ТЧК ОЧЕНЬ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ ТЧК ЖДЕМ НЕТЕРПЕНИЕМ ТЧК БАБА ЯГА ЗПТ КОСТЯНАЯ НОГА ТЧК»

Добрый доктор Айболит быстро собрал свой медицинский чемоданчик, сел в самолет и полетел на помощь. А с ним вместе полетел и Бармалей, который с прошлого раза всегда помогал Айболиту лечить больных зверюшек.

И полетел Айболит за тридевять морей, за тридевять земель. Тридевять – это, конечно, трижды девять. А каждое море было длиной 300 километров, а каждая земля – в два раза длиннее. 2: Сколько же всего километров пролетел Айболит? А если я тебе скажу, что самолет летел со скоростью 900 километров в час, то ты можешь узнать, 3: сколько часов летел Айболит. Правда?

Когда самолет, наконец, прилетел, доктор Айболит с Бармалеем сразу взяли такси и поехали в Дремучий Лес. А в Дремучем Лесу на большой поляне стояла Избушка На Курьих Ножках. И было в той избушке 5 стен. А в каждой стене – 5 бревен. А в каждом бревне – 5 сучков. Очень была сучковатая избушка! 4: А сколько все-таки сучков было в Избушке На Курьих Ножках?

Баба Яга Костяная Нога очень обрадовалась гостям и напоила их чаем с малиновым вареньем. И выпил доктор Айболит три стакана чая, а в каждый стакан положил он по три ложки варенья, а в каждой ложке было по три ягодки, а в каждой ягодке – по три косточки. Вот сколько косточек съел доктор Айболит! 5: Сколько?

И рассказала Баба Яга грустную историю.

Жил-был Иванушка-дурачок. Делать ему было нечего, сидел он целый день на печи и точил свой меч-кладенец. Люди на него и внимания не обращали. Пусть себе сидит на печи! Пусть себе точит меч-кладенец! Дурачок – что с него взять! Но вот однажды, в прошлую среду, услышал Иванушка-дурачок, как люди за столом про Змея-Горыныча говорят. Мол, старый стал Змей-Горыныч, уже и огнем не пышет – один дым идет. Мол, надо бы Змея-Горыныча врачу показать, да больно темный Змей-Горыныч, необразованный. Не хочет к врачу идти, боится.

Слушал, слушал Иванушка-дурачок, да вдруг соскочил с печи и в лес побежал. Люди на него и внимания не обратили. Пусть себе в лес бежит! Дурачок – что с него взять! А Иванушка-дурачок прибежал в лес, разыскал Змея-Горыныча и отрубил ему все головы своим мечом-кладенцом! Вот какой дурак!

Испугались люди за Змея-Горыныча. Ведь умрет и не будет больше Змеев-Горынычей – последний остался. Что же делать? Тут и вспомнили про доброго доктора Айболита и решили телеграмму ему послать. Так, мол, и так, помоги добрый доктор Айболит Змея-Горыныча спасти. Пришей ему, пожалуйста, головы обратно, которые Иванушка-дурачок по глупости своей и неразумению отрубил. А меч-кладенец мы у него отобрали и в музей отдали, цепью железной к стене приковали, чтобы никому больше головы не отрубал.

Как услышал это доктор Айболит, сразу вскочил, чай не допил, чемоданчик медицинский схватил и хотел к бедному Змею-Горынычу бегом бежать, головы пришивать. Но Баба Яга Костяная Нога его останавливает: Подожди, доктор Айболит! Дальше послушай! Не так просто те головы пришить. Заколдованные они, только специальной иглой можно эти головы пришить.

А где ж та игла? – спрашивает Айболит.

А Баба Яга отвечает:

– А для каждой головы своя игла нужна, особенная. А найти их можно вот как. Пойди, доктор Айболит, в Чистое Поле. Найди там Одинокый Дуб. На том дубу, на самой макушке висит Стекланный Сундук. Откроешь сундук – выскочат из него два волка. Ты тех волков не убивай, а попроси их по-хорошему зайцев отдать, которых они сто лет назад съели. Отдаст каждый волк по два зайца. Ты тех зайцев не убивай, а попроси по-хорошему селезней отдать, которых они двести лет назад съели. Отдаст каждый заяц по два селезня. Ты тех селезней не убивай, а попроси по-хорошему яйца отдать, которые они триста лет назад снесли. Отдаст каждый селезень по два яйца. Ты те яйца не разбивай, а попроси по-хорошему цыплят отдать, которые из тех яиц четыреста лет назад вылупились. Из каждого яйца выйдут по два цыпленок. Ты тех цыплят не убивай, а попроси по-хорошему иголки отдать, которые они пятьсот лет назад склевали. Отдаст каждый цыпленок по две иголки. Вот теми иголками и пришьешь головы Змею-Горынычу. Да только не перепутай: для первой головы нужна первая игла, для второй головы – вторая игла, для третьей головы – третья игла. И так далее: для каждой головы своя игла.

Сколько же всего голов у Змея-Горыныча? – спросил Айболит.

Баба Яга отвечает:

– А вот столько и есть. В Чистом Pole растет Одинокiй Дуб. На том дубу висит Стеклянный Сундук. В том сундуке сидят два волка....

И так далее, рассказала Баба-Яга все сначала.

А доктор Айболит опять спрашивает: Сколько же мне катушек ниток брать? Надо знать, сколько всего голов у Змея-Горыныча?

Баба Яга отвечает:

– А вот столько и есть. В Чистом Pole растет Одинокiй Дуб. На том дубу висит Стеклянный Сундук...

И опять рассказала Баба-Яга все сначала. Понял тогда доктор Айболит, что Баба Яга считать не умеет. А ты умеешь считать? Ну-ка помоги Айболиту, сосчитай, 6: сколько голов у Змея-Горыныча?

И отправился доктор Айболит в путь. Подошел он к Чистому Pole и видит: от края поля до Одинокого Дуба ровно 60 шагов. Но не простое было Чистое Pole, а заколдованное: чем ближе к Одинокому Дубу, тем медленнее двигалось время. Первый шаг Айболит сделал за одну секунду, второй шаг – за две секунды, третий шаг – уже за три секунды. Так и дальше: каждый шаг приходилось делать на одну секунду дольше, чем предыдущий шаг. 7: За сколько же времени Айболит доберется до Одинокого Дуба? А может быть, вообще не доберется? Ну-ка, сосчитай!

Скоро ли, долго ли (ты уже сосчитал?), подошел Айболит, наконец, к Одинокому Дубу. Видит: на вершине Стеклянный Сундук на цепях висит. Как добраться туда? И вдруг заговорил Одинокiй Дуб человеческим голосом:

– Помогу тебе, Айболит, если отгадаешь мою загадку.

– Загадывай свою загадку быстрее! – отвечает доктор Айболит. – А то меня бедный Змей-Горыныч дожидается.

И загадал Одинокiй Дуб такую загадку:

– Ты, Айболит, конечно, знаешь, что у каждого дерева каждый год образуется новое годовое кольцо. Если меня распилить, то ты увидишь, что все мои годовые кольца одинаковой ширины. Каждое кольцо имеет ширину в 2 сантиметра. А теперь посмотри, какой у

меня большой ствол: целых 3 метра в ширину! Вот тебе и моя загадка: 8: сколько мне лет?

Давай поможем Айболиту отгадать эту загадку, и тогда сказка двинется дальше. Сколько же лет Одинокому Дубу?

Отгадал Айболит загадку, потрянул Одинокий Дуб своими ветвями, и свалился Стекланный Сундук на землю. Но не разбился. Подошел Айболит к сундуку, стал его вертеть во все стороны. Со всех сторон сундук одинаковый – настоящий стеклянный кубик. Ни замка не видно, ни замочной скважины. Как его открыть? Тут видит Айболит на сундуке надпись:

9: «СОСЧИТАЙ, СКОЛЬКО У МЕНЯ УГЛОВ, СКОЛЬКО РЕБЕР И СКОЛЬКО ГРАНЕЙ. ТОГДА Я И ОТКРОЮСЬ».

Сосчитал? Постарайся – надо помочь Айболиту.

Раскрылся сундук, и выскочили из него два волка. Попросил их Айболит отдать зайцев, которые волки съели сто лет назад. А волки говорят:

– Отгадаешь, Айболит, нашу загадку – отдадим зайцев. А нет – обратно в сундук залезем.

И загадали волки такую загадку:

– Мы братья-близнецы. Сто лет назад моему брату было четыре года. А пять лет назад мне было восемьдесят восемь лет. Но мне никто не верит. 10: Почему?

Отгадал загадку? А можешь сказать, сколько лет волкам?

Айболит оказался смекалистым – отгадал загадку, и каждый волк отдал два зайца, которых он съел сто лет назад. Выскочили зайцы и загадали доктору Айболиту такую загадку:

– Жили-были десять зайцев: мальчиков и девочек. У каждого мальчика было две сестры, а у каждой девочки – три брата. 11: Сколько было мальчиков и сколько девочек?

Ну, как? Сложная задача? Подумай, пошевели мозгами! Помоги Айболиту.

Отдали зайцы каждый по два селезня, которых они съели двести лет назад. Взлетели селезни и загадали Айболиту такую загадку:

– Летят навстречу друг другу две стаи гусей. В одной стае гусей больше, а в другой – меньше. В каждой стае гуси летят гуськом друг за дружкой. В каждой стае один гусь белый, один черный, а остальные серые. В каждой стае впереди белого гуся летят 7 гусей, а сзади черного гуся летят 6 гусей, да между белым и черным гусем летят три гуся. 12: Сколько гусей в каждой стае?

Не торопись, подумай. Нарисуй эти стаи гусей.

Отдали селезни каждый по два яйца, которых они снесли триста лет назад. Покатались яйца и загадали Айболиту такую загадку:

– Однажды Курочка-Ряба сошла с ума и вместо яиц внесла деньги: пятаки и трехкопеечные монеты на общую сумму 34 копейки, причем пятаков было больше, чем трехкопеечных монет. 13: Сколько было пятаков и сколько трехкопеечных монет?

Подумай! Нарисуй разные наборы монет.

Отдали яйца каждый по два цыпленка, которые из них четыреста лет назад вылупились. Запищали цыплята и загадали Айболиту такую загадку:

– В курятнике восемнадцать наседок высидели двадцать цыплят. 14: Есть ли среди этих цыплят братья и сестры?

Ну, совсем простая задача. Айболит быстро ее отгадал.

Отдали цыплята каждый по две иголки, которые они склевали пятьсот лет назад. Взял доктор Айболит иголки и побежал к Змею-Горынычу. Пришил Айболит все головы на место, и стали они как новые. Обрадовался Змей-Горыныч и на радостях загадал доктору Айболиту такую загадку:

– В детстве я ел очень много конфет, и зубы мои испортились. И теперь на все мои пасти у меня осталось всего 60 зубов. 15: Как ты думаешь, доктор Айболит, есть у меня беззубые пасти?

Доктор Айболит отгадал загадку и заодно вставил Змею-Горынычу новые зубы: по двадцать зубов в каждую пасть. 16: Сколько зубов стало у Змея-Горыныча?

А потом доктор Айболит и Змей-Горыныч веселые и довольные вернулись в Избушку На Курьих Ножках. Ты спросишь, а что делал все это время Бармалей? Бармалей все время играл в шахматы с Бабой Ягой Костяной Ногой, потому что больше он ничего делать не умеет. Шесть раз выиграла Баба Яга, пять раз выиграл Бармалей, а всего было двадцать партий – 17: как так могло быть?

Ты спрашиваешь, что было дальше? А ничего не было? Почему? А вот почему:

18: КОРОЛЬ - РОЛЬ + СТОН - 100 + ДВОРЕЦ - ДВОР

ОТВЕТЫ:

1. 144 качания, 36 качаний, 78 качаний
2. 24300 км
3. 27 часов
4. 125 сучков
5. 81 косточка
6. 64 головы
7. 30 мин. 30 сек
8. 75 лет
9. 8 углов, 12 ребер, 6 ггранных
10. Зайцу не 88, а 99 лет: $100+4-5=99$
11. 6 мальчиков и 4 девочки
12. 18 и 10 гусей
13. 5 пятаков и 3 трехкопеечных монеты
14. Да
15. Да
16. 1340 зубов
17. 9 ничьих
18. КОНЕЦ

4. ГРИБЫ ДОЛЖНЫ ПАХНУТЬ ГРИБАМИ

29.-30.1.83

Утром просыпаюсь от щебета птиц.

За окном покачиваются верхушки елей с крупными шишками. Они покачиваются на фоне синего неба. Необыкновенно высокого. Где-то справа, за кадром, плавает солнце. В приоткрытую форточку тянет свежим воздухом.

Я встаю и выглядываю в окно. С этой стороны расстилается лес – насколько видно с высоты моего третьего этажа. Закрываю форточку и иду в комнату сына. Тот ещё спит. В его окне тоже лес, но вдалеке возвышается город. Над городом плавает что-то полупрозрачное и розовое. То ли туман, то ли облако. От дома к кольцевой дороге и дальше – вглубь жилого массива – тянется широкий чёрный след. За эту ночь дом ушёл необычно далеко. Чтобы успеть на работу, придётся выйти на двадцать минут раньше.

Ставлю греться чайник и отправляюсь прогуливать Лешего. Около дома уже суетятся рабочие из ЖЭКа. Тянут тросы от тарахтящего трактора и прицепляют их к крепёжным кольцам в торцевой стене. Метрах в ста, прямо посреди болотца, стоит шестнадцатизэтажная башня. Она всегда ходит вместе с нашим домом. Жильцы этой башни балансируют на мостках, проложенных от подъезда до сухой земли, и чертыхаются. Кругом валяются покорёженные деревья, вывороченные с корнем или просто переломленные посреди ствола. В глубоких рытвинах, оставленных прошедшими домами, уже собралась грунтовая вода. Жильцы спешат по своим делам, рабочие покрикивают на них, чтобы не мешались, повсюду бегают мальчишки и звонкими голосами спорят, чей дом раньше вернётся на прежнее место.

Всех их Леший старательно облаивает.

Мы углубляемся в лес. Там тихо, ничего не повреждено, и я спускаю собаку с поводка. Стоит оттепель. Леший с наслаждением пачкается в чёрной земле. Я дышу воздухом, рассматриваю деревья и всё удивляюсь, какое сегодня высокое небо.

Я сочинил четверостишие про оттепель.

В Институте день зарплаты. Поэтому народу много, все ходят, разговаривают, хлопают по плечу, зовут покурить. Разбираюсь со всякими мелкими вопросами. Работать невозможно. К тому же стульев не хватает.

После обеда иду с аспирантом к начальнику. Аспиранту пора писать диссертацию. Обсуждаем план.

Когда я сам защищался, начальник мне хорошо помогал. Главное: заставлял писать. Ну и пробивал, конечно. Он прекрасный специалист, только сильно увлечённый своей работой. Когда-то давно, на товарищеской вечеринке, его жена, которую все не любят, кричала: он из-за вас ночами не спит, переживает, а вы неблагодарные, и так далее. Теперь начальник уже защитил докторскую, и аспиранту придётся заставлять себя самому. Я заставлять не умею. Сплю я хорошо.

К концу разговора подошёл заместитель и сказал, что сверху спущена разнарядка: двадцать человеко-дней отработать на сорок третьем этаже на уборке мусора. Заместитель – дурак, это всем известно. Начальник говорит, что ему нельзя доверять никаких бумаг: потеряет. Заместитель замещает неизвестно кого, во всяком случае, не начальника. Он толстый и очень важный человек.

Завтра придётся идти убирать мусор. Что особенно неприятно – к началу рабочего дня, вставать нужно в шесть утра.

На сорок третьем этаже стоит автоклав с МАРКом. МАРК – это АБСОЛЮТНЫЙ РЕЛЯТИВИСТСКИЙ КИРПИЧИК МИРОЗДАНИЯ. Нашему Институту удалось наконец выделить один МАРК в чистом виде, и теперь он замурован в автоклаве. Плавает в магнитном поле. Один МАРК способен разнести вдребезги всю нашу планету. Заодно Луна расколется пополам, а на Марсе, если он окажется в положении Великого противостояния, пройдут трещины. От Северного полюса к Южному. Страшно много энергии сконцентрировано в одном МАРКе. И взорваться ему ничего не стоит – достаточно соприкоснуться с веществом.

Никак не могу понять, почему на этом этаже всегда столько мусора? Третий год убираем, а меньше не становится.

Возвращаюсь с работы вечером. Дом уже стоит на прежнем месте, только почему-то развёрнут на сорок пять градусов. Окна мигают

разноцветными огоньками, как лампочки на пульте МАРКовского автоклава. Подъезд похож на большую резиновую кнопку под пультом. Нажмёшь – и ничего не станет. Только красанцы из созвездия Водолея занесут в свои толстые астрономические книги новую Сверхновую. Небо над домом низкое и грязное.

На кухне жена лепит котлеты из мясного фарша. Справа сидит Леший и неотрывно смотрит на её руки. Хвост у него виляет. Слева, на холодильнике, разместился Шипун: выгибает спину и шипит. Шипун – это огромный чёрный кот, от рождения лишённый голоса, а заодно – к великой нашей радости – инстинкта продолжения рода.

– Ой, совсем забыла! – говорит жена. – У меня в сумке мороженое. Вынь, пожалуйста.

Я вынимаю мороженое, и на пол выкатываются мелкие блестящие пульки. Моя жена делает на работе пули. Вместе со всем заводом, конечно.

На кухню врывается сын, видит пули и требует их себе.

– Как зачем? Как зачем? – кричит он. – Играть буду!

– Они не взрываются? – спрашиваю я.

– В том-то и дело, – говорит жена, укладывая котлеты на шипящую сковороду.

Шипун разочарованно фыркает, прыгивает с холодильника и уходит в большую комнату драть мебель. Леший всё ещё на что-то надеется.

– В том-то и дело, – говорит жена. – С этими пулями у нас целый скандал. Меня, наверное, посадят.

– За что, – спрашиваю, – посадят?

– Представляешь? Целая партия пуль оказалась бракованной. Их делали ещё летом, они разошлись по всей стране и даже за границу попали. А теперь их вылавливают по всем воинским частям, и у нас, и ещё в пяти странах. Военпреды рвут и мечут. Начальство ходит мрачнее тучи. А виноваты калильщики из ночной смены.

– А ты тут при чём? – спрашиваю.

– Я ни при чём, – говорит жена. – Я в это время в отпуске была. Только меня всё равно посадят, потому что я за этот участок отвечаю.

– Не посадят, – говорю я. – Ужин скоро? А то есть хочется.

– Ты же видишь! Готовлю.

Я сижу за столом и играю круглой тёплой пулькой. Она приятно катается по ладони.

– А в чём, собственно, брак?

– Так я же и говорю! Эти пули должны взрываться. Попадают во что-нибудь и сразу взрываются. Делается большая дырка. А они не взрываются! Калильщики виноваты – перекалили.

Снова прибегает сын и задаёт вопрос:

– А что такое амбразура?

– Амбразура, – говорю я, – это такое отверстие в доте, из которого стреляют. Из автоматов, из пулемётов.

– Ну и ну, – удивляется сын. – Вот это да! Я бы ни за что не стал закрывать эту амбразуру грудью.

– И не надо. Зачем её закрывать?

– Ну как же! Вон Александр Матросов подвиг совершил!

– Это вы в школе про Матросова проходите?

– Ага! По чтению. А ты, папа, смог бы закрыть грудью амбразуру?

– Конечно нет. Ладно, иди учи уроки.

– А я уже выучил. Можно я во двор пойду? Мы с ребятами в войну собирались играть.

– Валяй.

Приходит наш общий старый приятель. Садится за стол со своим вечным кроссвордом, водит по нему карандашом и бурчит себе под нос: «Евреи, евреи, кругом одни евреи!» Вроде как песню поёт.

Я, говорит он, не признаю национальный вопрос. Нет такого вопроса. Все мы теперь одинаковые: и русские, и евреи, и татары. (Моя жена татарка.) Иногда, очень редко, он добавляет: я только не люблю, когда меня жидом называют. А Достоевский – гад!

Наш общий старый приятель, посидев, попив чайку, уходит к себе домой, в свою холостяцкую комнату, которая, собственно, и не его, потому что он её снимает. У него трое детей от трёх разных бывших жён. Двум он платит алименты, а третьей просто так помогает. Последнее время им взбрело в голову опять жить вместе, но всё упирается в квартирный вопрос. Его жена живёт в другом городе, а у него только прописка, потому что он женат на четвёртой жене фиктивно.

После вечерней прогулки с Лешим, перед сном, выхожу покурить на лестничную площадку. Из щели в углу опять появляется красанец из созвездия Водолея и начинает задавать свои бесконечные вопросы. Вообще-то он ничего: маленький, аккуратный, рыжеватый. Десять лет изучает земную цивилизацию и ничего понять не может. На свой страх и риск вступил в контакт со мной месяца два назад. Только всё равно ничего не понимает, потому что вопросы у него дурацкие.

Почему, спрашивает, своё прошлое вы изучаете, а будущее – нет? Зачем вы не живёте в лесах, ведь там воздух чище? Почему у ваших женщин длинные волосы? Почему все люди читают чужие книги, и только некоторые сами их пишут? Для чего вам нужно так много железа? Почему вы уничтожаете лишних людей такими болезненными способами и так неупорядоченно: во время войны сразу много, а в мирное время – совсем мало? И уж вовсе глупое: зачем ты куришь, если знаешь, что это вредно для здоровья?

Неужели все красанцы такие бестолковые?

Ночью я опять в Королевстве. Утром – у них там утро, когда у нас ночь – мы косим сено на лесной поляне. Косить неудобно – то и дело попадаются всякие пеньки, кочки, ёлочки. Но мы не торопимся, потому что некуда торопиться. Сено нужно не для корма, а просто так – чтобы приятно пахло зимой сушёной травой. У них там зима, когда у нас лето.

Ветра нет. Солнце припекает, и голова начинает гудеть от буйства запахов и красок. Всё вокруг зелёное, жёлтое, бурое, красное, и опять зелёное. Только небо над головой чисто синее. Но оно очень далеко.

В ушах стоит непрерывный звон кузнечиков и прочих звучащих насекомых. Двигаешься как во сне. (Я и так во сне!)

Наконец, короли, посовещавшись, объявляют отдых. Первый король уходит побродить по лесу. Второй король отзывает меня в сторонку, к старому дубу. Мы ложимся на ещё не скошенную траву и смотрим сквозь листву на небо. Потом начинаем обсуждать план создания официальной оппозиции. Я стану её Лидером и буду бороться с обоими королями за власть. Разрешаются заговоры, интриги, подкупы и одно-два покушения. Основное назначение оппозиции – способствовать укреплению королевской власти.

После отдыха мы ещё немного работаем, но становится слишком жарко, и короли, побросав свои косы, зовут всех на речку – купаться. Взобравшись на холм, я вижу, как блестит синей змейкой королевская речка Чуйка. Почти такой же синей, как небо. Короли и подданные купаются и загорают. Я не спеша спускаюсь с холма. Спешить бесполезно – всё равно не успею выкупаться – проснусь.

Просыпаюсь от занудного неумолчного шума. И сразу чихаю – пахнет бензином и гарью. Подхожу к окну: так и есть – дом продвинулся вплотную к кольцевой дороге. Своим правым углом почти задевает бензоколонку. За дорогу ему не дала перейти патрульная служба. Вовремя успели перегородить путь проволокой под током – дома этого не любят.

А башня всё же прорвалась за кольцевую, каким-то странным зигзагом пропахала кустарниковые заросли и остановилась на самом краю оврага. От неё ещё идёт пар. Подъезд завис над обрывом, в нём толпится народ и ждёт, когда трактор хоть немного оттащит башню в сторону, чтобы можно было выйти и пойти на работу.

Небо в той стороне, как и вчера, синее и высокое.

Будильника я не услышал и проспал. Теперь уж вовсе не пойду в Институт – чёрт с ним, с мусором. Наконец-то можно будет заняться делом. Завариваю чай, достаю бумаги и раскладываю их на столе. Вынимаю шариковую ручку. С наслаждением погружаюсь в увлекательнейший мир микрочастиц Вселенной. Теоретически МАРК – ещё не предел. Если верна гипотеза Мак-Бора, он состоит из ещё более мелких частиц – МАРКУШЕЙ. Один МАРКУША способен разнести вдребезги всю нашу галактику. Игра стоит свеч!

Вечером приходит другой наш старый приятель – мой сослуживец. Он приносит бутылку сухого вина – для нас с женой, и бутылку портвейна – для себя.

Зачем, говорит он мне, ты стихи пишешь? Я тебя всё равно читать не буду. Я даже великих поэтов не читаю. Написал бы ты лучше хороший детектив! Я, отвечаю, сюжеты придумывать не умею. Потом он весь вечер ругает нашего начальника. К великому удовольствию моей жены, которая начальника терпеть не может.

У этого нашего приятеля очень тонкий вкус, и вообще он человек чувствительный. Он мог бы стать знаменитым экстрасенсом, если бы меньше пил.

Провожая приятеля, заодно выгуливаю Лешего. Возвращаясь, замечаю в углу лестничной площадки рыжевато-го красного красанца.

Я понял, откуда все ваши беды, говорит он. У вас слишком много пальцев на руках. (У красанцев всего один палец. Он прорастает как бородавка то на левой, то на правой руке.) Для такого количества пальцев трудно найти разумное занятие. У вас на Земле развелось слишком много ненужных вещей и с каждым днём их становится всё больше и больше. Даже не знаю, можно ли вам теперь чем-то помочь?

По-моему, этот красанец совсем сдурел за десять лет непрерывных размышлений.

Этой ночью я беру с собой в Королевство жену. Пора представить её королям. Я долго думал, как это лучше сделать: моя жена не признаёт королей. Но всё получилось само собой. Мы оказываемся на опушке леса. Короли ведут своих подданных по грибы. Моя жена – величайший знаток грибов! Она находит их даже на окраине нашего парка, где ржавого железа, бетонных плит и старых шин больше, чем земли. Весь день короли пляшут под её дудку.

К обеду собрано великое множество грибов: от плебейских сыроежек до вельможных подберёзовиков и королевских белых. Разноцветные, прохладные, они пахнут грибами. (Как это хорошо, что грибы пахнут грибами, понимаешь только во сне.) Теперь их нужно чистить, мыть и жарить. Подданные – все как один – наотрез отказываются. Приходится королям готовить обед самим: чистить, мыть и жарить.

Остальные тем временем разбредаются по поляне искать землянику. Я набираю целую кружку и успеваю договориться с тремя подданными о принципиальном согласии участвовать в заговоре.

Моя жена валяется в траве и губами срывает ягоды с земляничных кустов. Это было десять лет назад.

Потом мы все обедаем, и короли милостиво отпускают народ по домам. Со мной они прощаются кивком головы: я теперь Лидер официальной Оппозиции, и нужно соблюдать этикет. Моя жена напоследок шушукается с королями, и все трое смеются.

– Какие они всё-таки чудные и милые! – говорит жена на обратном пути. – Зачем ты их хочешь свергнуть?

– Я вовсе этого не хочу, – отвечаю. – Просто таковы правила игры.

Просыпаюсь от прямого попадания солнечных лучей. Окно горит жёлтым пламенем. Выхожу на балкон: кругом лес. Снег свежий, блестит и пенится на солнце, как пена шампанского. Кажется, даже шипит. И воздух напоминает само шампанское – так же пьянит и возбуждает. Небо невероятно синее и высокое – в несколько раз выше обычного.

На прогулке Леший носится как угорелый. Пушистым ядром вспахивает снежную целину и чуть ли не кубарем скатывается с горки. За эту чудную прогулку славный пёс облизывает мне всё лицо.

Во время чаепития звонит по телефону начальник: просит приехать в Институт. Прибыл представитель заказчика, будет совещание.

Около подъезда стоит автобус, снятый с рейса. За ночь наш дом так далеко ушёл в лес, что до станции метро людей придётся везти на автобусе. Салон, пропахший бензином, почти заполнен. Пассажиры нервничают и поглядывают на часы.

В проходной Института вахтёр останавливает меня и записывает фамилию в свою книжку. Без пяти минут десять. С моим «свободным проходом» нужно являться на работу либо в 8.30 – начало рабочего дня, либо после 10. Иначе считается опоздание. Доложат начальнику, он отреагирует, а меня это не касается. Таковы правила игры.

Захожу в кабинет. Здесь уже все наши и несколько знакомых ребят из ведомства заказчика: в гражданской одежде. Во главе стола сидит их

генерал. В цивильном костюме он кажется каким-то ненастоящим и сильно западным: что-то среднее между старшим клерком и президентом фирмы. Начальник разговаривает по телефону. Присаживаюсь к приятелю. Тот мучается с похмелья – вчера, вернувшись домой, здорово добавил с зашедшим соседом.

Совещание длится долго и бестолково, потому что, кроме главного, обсуждаем кучу всяких мелочей, которые вполне можно решить в рабочем порядке. Наверху постановили форсировать работы по выделению МАРКУШИ. Значит, можно будет выбить аккордные. Это забота начальника.

После обеда сидим с аспирантом и уточняем план диссертации. Работать в Институте совершенно нет времени.

Дом оказывается на старом месте. Стены тёплые, ещё не остыли. Видно целый день тащили из леса. Дома, когда их тащат, упираются и от этого нагреваются. На время передвижения отопление отключают – для экономии. Небо над домом похоже на розовую опухоль. Когда я смотрю на такие вещи, у меня в животе что-то сжимается и дёргается. Быть может, душа находится в животе?

Жена неподвижно лежит на диване и слушает музыку.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Ничего. Устала.

– Ну, отдыхай. Что-то ты часто устаёшь.

– Зато ты никогда не устаёшь! Дрыхнешь до десяти часов. А я должна как ненормальная вскакивать в шесть утра и бежать на завод делать эти дурацкие пули! Не хочу делать пули! Зачем они мне нужны, эти пули? Это же с ума можно сойти – всю жизнь делать пули! Хоть бы они никогда не взрывались!

– Сколько можно говорить об этом? Уходи с завода.

– Куда уходить? У меня же профессия! Десять лет работы – коту под хвост? На заводе ко мне привыкли, я считаюсь хорошим специалистом. А кем я буду, когда уйду? Домашней хозяйкой? Ты же тогда вообще ничего дома делать не будешь. Не хочу быть домашней хозяйкой!

– А пули лучше?

Жена плачет. Леший нервничает и начинает гавкать. Непонятно только – на кого? Я успокаиваю жену. Леший тут как тут – кладёт передние лапы нам на колени, сует всюду свой мокрый длинный нос и отчаянно крутит хвостом – так, что дрожит всё тело, – вот-вот улетит.

– Лешунечка, хорошенький, красавец мой, ты меня так любишь? да? жалеешь меня? ах, ты маленький, пушистенький, хвостиком виль-виль... – приговаривает жена и успокаивается.

Появляется Шипун и нагло прыгает на диван, жмётся к нам и требует свою порцию ласки. Потом мы идём пить чай.

Вечером заходит наш новый приятель. Он работал в Институте, но начальник его выгнал – за безделье. Приятель приносит пластинки с итальянскими оперными певцами, диски «Битлз» и «Роллинг Стоунз». Ставит пластинки одну за другой и комментирует:

– Вот это они хорошо делают, это они сами придумали. А это содрали, так уже давно делают. Так ещё Моцарт делал. Ну, дальше неинтересно – дальше то же самое будет. Уже и так понятно, что они тут хотели сказать, правда?

Он снимает пластинку и ставит другую. И всё начинается сначала.

– Вот смотрите, какой у него тут голос. Всё дрожит! Но он дурак, он не понимает, что поёт. Вот смотрите: ла-ла-ла-ла... он собой любуется, своим голосом, а тут надо страдать, он же о страдании поёт. Ну, совсем дурак! Зачем такому дураку такой голос?

Он снимает пластинку и ставит новую.

Наконец, пытка музыкой кончается, и наш приятель провозглашает:

– Я открыл для себя Маяковского. У него совсем не было пыли в носу! Вот послушайте.

И он начинает читать Маяковского: по паре строк из разных стихотворений.

– Вы чувствуете? Совсем чистая речь, естественная. У большинства людей очень много пыли в носу. От этого все болезни. Пыль проникает под кожу и скапливается под глазами. Зрение портится.

Почему так мало понимающих людей? У них же все уши пылью забиты! Слушают и не слышат! Вот ваш начальник, хоть он меня и выгнал, но у него были прекрасные голосовые данные. Он мог бы петь лучше Карузо, но он не чистил нос от пыли, и вся пыль попадала в горло, оседала на голосовых связках, и, конечно, теперь ему ничего не остаётся, как заниматься микрофизикой. А сколько пыли люди съедают вместе с пищей? Нельзя есть пыльные продукты: ни мясо, ни рыбу – они почти целиком состоят из пыли. За жизнь животного у него между волокон мышечной ткани всё время скапливается пыль – животные от этого и помирают, а мы их едим!

Я провожаю нашего нового приятеля поздним вечером и заодно прогуливаю Лешего. За нами увязывается сын – говорит, что не может заснуть, не подышав свежим воздухом. Приятель идёт босиком, и сын в восторге!

– А Вам не холодно босиком?

– Конечно нет. Вот у тебя щёки и нос не мёрзнут?

– Нет.

– А почему же ноги должны мёрзнуть? От этого все болезни: на носу – ноль градусов, а на ногах – тридцать семь! Возникает разность температур и пыль так и липнет к носу.

– Папа, – говорит сын на обратном пути, – а давай тоже босиком ходить?

– Так сразу нельзя. Лучше начнём с утренней гимнастики и обтирания.

– Давай начнём! Ты поставь будильник на шесть утра. Встанем вместе с мамой и будем все вместе зарядку делать.

– Какие же шесть утра, когда сейчас уже двенадцать ночи! Надо было раньше спать ложиться, я тебе говорил.

– Ну, папа... – сын начинает канючить.

Я соглашаюсь и ставлю ему будильник на шесть утра. Самое удивительное, что он действительно вскочит по звонку и заставит встать меня – невыспавшегося. Хорошо хоть, что подобного энтузиазма моему сыну хватает только на один раз.

Перед сном выкуриваю сигарету на лестничной площадке.

– Знаешь, – говорит красанец, – а твой приятель отчасти прав. Только это не простая пыль, а космическая. Миллион лет назад ваша Земля попала в пылевое облако. И теперь вы буквально нашпигованы космической пылью. Наши учёные никак не могут установить все последствия её влияния. Быть может, эти последствия вообще непредсказуемы. Но я решился на эксперимент.

Глаза красанца сверкнули в полутьме рыжеватым светом.

– Вот!

– Что это такое?

– Это пылесос. Новейшая конструкция. Только ты сам, а то мне с одним пальцем трудновато. Вот эту трубочку запихиваешь в нос, а потом нажимаешь эту кнопку. Главное – не бойся.

– А это что?

– Это... это потом, когда очистишься. Совершенно безболезненно. Сразу заживает, никаких нагноений, никаких рубцов. Мгновенно удаляет лишние пальцы.

Я швырнул пылесосом в красанца, и он исчез.

Сегодня в Королевстве игры на свежем воздухе. Я пришёл с сыном, и он, обладавший большим опытом в таких делах, сразу взял на себя все организаторские функции. Мы разделились на две команды, во главе каждой встал король. Разбрелись по лесу. У каждого свой штаб, скрытый, замаскированный. Часовые забрались на сосны.

Мы с сыном лежим в засаде. Под прикрытием молодых ёлок, за большим высохшим пнём. Сухие иголки пощипывают кожу, пахнет хвоей, смолой, землёй. По пню ползут муравьи, протоптали тропинку – она выделяется светлой змейкой на серой коре. Сверху на пне бархатной заплаткой лежит зеленовато-рыжий мох. В ямке между двух корней лежать уютно и тепло.

– Папа, – спрашивает сын, – а почему небо синее?

– Потому что оно высокое, – отвечаю я честно.

Тра-та-та! Тра-та-та! Та-та! Та-та! Мы вскакиваем, бежим. Появился противник. Нас окружают. Мы уходим, согнувшись, под ёлками. Отстреливаемся. На поляне ныряем в траву и ползём по-пластунски, по всем правилам. Трава высокая, колыхается от ветра. Кузнечики прыгают во все стороны. Снова вскакиваем, мчимся под соснами. Здесь открытое место, много воздуха. Воздух сосновый.

Тра-та-та! Тра-та-та! С ходу влетаем во вражеский штаб. Тра-та-та! Все падают. Ба-бах! Взрывается мина, и мы тоже падаем. Все убиты, лежат в траве, дышат и смотрят в небо.

Мой сын не может долго лежать неподвижно. Он убегает вприпрыжку и скоро приводит под конвоем пленённого короля. Игра окончена. Короли раздают награды за доблесть и мужество, проявленные во время военных учений. Мой сын получает большую ярко-красную медаль «За Отвагу». По-благородному мы делим её на всех. Начинка изумительна: клюква с малиной!

Просыпаюсь от шума моторов. Сын делает зарядку и зовёт меня. За окном сосны. Широкая просека, которую дом проделал за одну ночь и по обе стороны которой лежат могучие деревья, словно колосья, срезанные острым серпом, широкая и чёрная просека уходит далеко-далеко, и конца ей не видно. Выхожу на балкон. Над крышей кружат вертолёт. Точно огромные стрекозы, набившие брюхо всякой всячиной и ошалевшие от обжорства. Железяки в синем небе. Они разыскивают нас уже давно и вот наконец нашли.

Жильцов на работу развозят на вертолётах – кругом тайга, никаких дорог.

В Институт попадаю только к обеду. И узнаю новость: пропал МАРК. Ещё вчера он спокойно плавал в магнитном поле, слегка покачиваясь, и все приборы единодушно показывали норму. А сегодня все стрелки на нуле. Показывать нечего – МАРК исчез.

Комиссия по расследованию происшествия заседает с утра. Меня там ждут. У начальника круги под глазами. Все непрерывно курят. Даже чая нет.

Микропробой в силовой защите. Микровсплеск на временной диаграмме. В 4 утра МАРК отправился в свободное плавание в атмосфере. Когда он столкнётся с веществом, неизвестно: может

быть, через миллион лет, а может быть, через секунду. МАРК очень мал, а расстояния между атомами очень велики.

Выпустили джина из бутылки. К чему теперь гадать? Если взорвётся, мы всё равно ничего не почувствуем. МАРК – это абсолютное оружие. Оно уничтожает абсолютно всё. Луна расколется пополам. По Марсу пробегут трещины: от Северного полюса – к Южному.

– Улетела моя диссертация, – вздыхает аспирант.

Генерал в гражданской одежде, как школьник поднимает руку и в который уж раз спрашивает:

– Как докладывать будем?

Мой приятель (почти экстрасенс) задумчиво рисует чёртиков на бумаге и уныло бурчит:

– Чего сидеть попусту! Сейчас бы выпить как следует. И повод есть...

Заместитель с суровым видом провозглашает:

– Так не бывает, чтоб виноватых не было. Нужно провести расследование по всей форме. Сообщить в Прокуратуру. Может быть, и ещё куда.

Заместитель сильно потеет, особенно шея.

Начальник отмахивается от заместителя. Он честно пытается найти решение, задаёт вопросы, говорит: думайте! Сильно увлечённый человек. Неужели не понимает, что без толку?..

Дом всё-таки привезли на место. Рабочие из ЖЭКа вокруг него суетятся, что-то делают. Ага! Хотят фундамент заякорить, прикрепляют стальные цепи, бетонные сваи забивают в мёрзлую землю – ограда будет. Посмотрим.

Сегодня у нас гостей нет. Спать ляжем пораньше.

Перед сном, как всегда, выхожу на лестничную площадку.

– Давай помиримся, – говорит красанец. – Наверное, я поспешил. Мы, красанцы, никак не можем понять вас, людей. Но мы очень хотим понять. Мы вам обязательно поможем, на нас можно положиться. Как только мы вас поймём, мы сразу что-нибудь придумаем, чтобы вам

помочь. Нужно только понять, чтобы помочь правильно. Мы постараемся.

Что мне ему сказать?

– Я уезжаю домой, – говорит красанец. – Повезу доклад о Земле. Я расскажу всё, что сам знаю. Может быть, все вместе мы уже сейчас сможем понять вас и помочь.

Что мне ему сказать?

– Счастливого пути, – говорю я.

– До свидания, – говорит красанец. И медленно уходит.

– Пусть ваши астрономы получше смотрят в телескопы! – кричу я ему вдогонку. – Может быть очень интересное и редкое явление!

Если бы у красанца были плечи, он мог бы пожать ими. Но он останавливается, возвращается и начинает смотреть на меня.

– Я пошутил, – говорю я.

Но красанец не реагирует. Он вдруг начинает вытягиваться вверх и становится похожим на фонарный столб. А глаза у него горят каким-то уж вовсе нестерпимым рыжим светом.

– Ай-яй-яй, – начинает он лепетать тихим голосом. – Как же вы так? Мы у себя, в созвездии Водолея, уже тысячу лет умеем выделять МАРК. Но нам даже в голову не приходило делать это. Ай-яй-яй...

– Абсолютное оружие, – говорю я ни с того ни с сего. А сам думаю: Вот те раз! Он, оказывается, мысли читает. И МАРК они тысячу лет выделяют. То есть, наоборот, не выделяют, но умеют.

Красанец вспыхивает ярким рыжим светом и вдруг потухает. Рост его опять уменьшается, весь он как-то скрючивается, сворачивается и теперь напоминает сильно обгорелое корневище. И опять лепечет совсем уж еле слышно:

– Да, да, да... оружие, оружие... как же я сам не догадался... надо спешить... МАРК летит быстро, но я полечу быстрее... перегрузки, конечно, но это ничего... надо предупредить... успеть...

Что это с ним? Заговаривается? Тут красанец как-то странно икнул и быстро проговорил своим обычным чётким голосом:

– Это совсем непредвиденное обстоятельство! Мне очень, очень жаль, но может случиться, что мы не сможем помочь вам. Вы не отчаивайтесь, мы сообщим всем мирам. Вам помогут. Если не мы, то кто-нибудь обязательно поможет. А сейчас я должен улетать. Мне срочно нужно. Прощай!

И красанец исчез. Здорово он перепугался, подумал я. Ещё бы – того и гляди будет большой ба-бах! Луна расколется пополам и так далее. Сматывает удочки. Тоже мне помощник! Понять он, видите ли, хочет! Помощь свою направо-налево предлагает. А сам драпает, заговаривается со страху!

Впрочем, что это я разозлился на красанца? Он-то тут при чём? Сами виноваты!

Я затушил окурок и отправился спать.

Во сне, перед тем, как попасть в Королевство, решаю уравнение стационарности МАРКа. Этим уравнением я занимаюсь уже два года и ни с места! Непреодолимые математические трудности. Но во сне всё гораздо легче. Я получаю решение: простое и изящное, понятное даже ребёнку. Это минута высочайшего упоения творчеством! От избытка чувств я становлюсь на голову и даже делаю сальто-мортале. Не совсем удачно – боль в коленке меня отрезвляет.

Звоню начальнику. Он не спит – мучается бессонницей – и поэтому сразу схватывает суть дела. Земля спасена! МАРК не может спокойно плавать в атмосфере: вырываясь из магнитной ловушки, он должен приобретать такую гигантскую скорость, что уже через минуту оказывается за пределами орбиты Луны. А сейчас – я смотрю на часы и мгновенно проделываю в уме вычисления – сейчас он уже за пределами Солнечной системы! Всё обошлось!

Я кладу телефонную трубку. Проверить ещё раз! Проверяю – всё правильно. Но заодно я обнаруживаю, что моё решение не скалярное, а векторное: значит, можно попробовать определить не только величину, но и направление скорости. И я определяю. МАРК летит к созвездию Водолея. Неужели?..

...В Королевство мы отправляемся всем семейством. Идём по лесной дороге. Ели-великаны, белые берёзы, дрожащие осины, прямые

сосны. Трава, хвойные иголки, заросли черники. Две колеи, сухие и твёрдые, и между ними мелкие цветочки незабудок – разбрызганы. Синие-синие.

Леший носится кругами, похожий на зайца, и громко кричит от восторга: гавкает, вспугивая мелких пичужек. Шипун ворочается на дне дорожной сумки, высовывает наружу длинные усы и влажный нос и тут же прячется от испуга. Сын распевает какие-то очень громкие пиратские песни и, время от времени, проверяет эхо – так, что ушам больно. Жена идёт спокойно, покачивает головой и загадочно улыбается. Пятнадцать лет назад.

За поворотом, на фоне очень синего неба, висит большой бумажный плакат. Большими печатными буквами выведено:

КОРОЛЕВСТВО НА РЕМОНТЕ.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН.

Вот незадача! Мы останавливаемся в растерянности. Что же делать? И мы вернулись обратно.

Я просыпаюсь по будильнику. В окне торчит шестнадцатизэтажная башня. Видно, якорные цепи оказались надёжным средством. Ничего – я сам отправлюсь за кольцевую, в лес, на прогулку с Лешим. Холодно. Дует сильный ветер и бросает в лицо снежную крупу. Леший уныло и методично отмечает деревья, не пропуская ни одного. Я стою под сосной, смотрю в поле, туда, где оно сливается с таким же белым небом, и никак не могу понять: Почему мы вернулись назад? Какие же мы посторонние? Мои жена и сын представлены королям, я сам – Лидер официальной оппозиции, третий человек в Королевстве. Может быть, в нас нуждались? Может быть, требовалась помощь?

За чаем звонит начальник:

– Приезжай в Институт! Всё в порядке! МАРК больше не угрожает Земле! Представляешь: я это вычислил во сне. Проснулся, проверил: так и есть! Всё обошлось! А решение, между прочим, оказалось векторным. И летит наш МАРКунчик сейчас далеко-далеко – к созвездию Водолея. Вот нашим астрономам сюрприз будет!

И начальник весело рассмеялся.

На кухню заходит жена.

– Проспала на работу?

– Нет, – отвечает. – Вообще не пойду. Ты же хотел совершить государственный переворот, ведь так?

– Ну...

– Хочу быть королевой! К чёрту пули!

– Да уж тут не пули, – думаю я. – Тут кое-что посерьёзнее. И ведь ничего не сделаешь, ничем не поможешь. Бедные красанцы...

– Кто?

Оказывается, я думал вслух.

– Да так – несущественно. Потом расскажу.

И я поехал в Институт.

Э П И Л О Г

С той зимы прошло уже несколько лет.

В созвездии Водолея всё спокойно. То ли МАРК промахнулся, то ли тамошние обитатели приняли соответствующие меры. Но рыжий красанец с тех пор так и не появлялся. Может быть, обиделся?

Наш приятель («пыль в носу!») женился, завёл четверых детей, продал все свои пластинки, купил костюм-тройку, галстук, ботинки, подался в политику, победил на выборах, потом проиграл и стал экстремистом. Другой наш приятель (почти экстрасенс), наоборот, развёлся, бросил пить, занялся бизнесом, обанкротился и запил уже вглухую. Третий наш приятель («евреи, евреи...») воссоединился с женой и сыном, но жильё так и не получил, и в конце концов уехал в Израиль накануне Перестройки.

Я сменил профессию и место работы. По слухам, исследования по выделению МАРКУШИ продвигаются успешно – их финансирует какая-то крупная американская фирма. Жена так и не ушла с завода, но теперь у неё куча свободного времени – завод остановился. От нечего делать она вдруг занялась живописью: пишет лес, дворцы и людей в шутовских колпаках. Сын отбился от рук и получает плохие

отметки. Шипун умер, и мы похоронили его в лесу, за кольцевой. И только Леший ничуть не изменился: всё такой же резвый.

Наши дома, кажется, смирились со своей участью: стоят неподвижно и пустили корни. По весне на них даже распускаются цветы: на нашем доме – пионы, на шестнадцатизэтажной башне – нарциссы.

По ночам мне теперь снится одно чистое синее небо.

1983 – 88 – 96

5. ТРАКТАТ О ВЕРЕ

13.2.83

Жёлтый песок вдоль заброшенной ветки железной дороги. Пахнет тёплым металлом. Пахнет шпалами. Песок сухой и мелкий, струится сквозь пальцы. Можно засыпать песком босые ноги. Можно копать вглубь: песок влажный и гораздо желтее. Белок и желток: яйцо. Это уже словесная игра. Вернёмся к началу. Рельсы стальные синие. Возложить на них руки, почувствовать ладонями пульс. Рельсы – это путь: слева рельсы скрываются за поворотом и справа рельсы скрываются за поворотом. Из ниоткуда в никуда. Или лучше: из неизвестности в неизвестность. Это то, что связывает светло-жёлтый песок со всем миром. В рациональном смысле: сеть железных дорог обладает сильной связностью. Наверное, можно попасть в Париж и можно попасть в Пекин – вот с этой заброшенной точки, где песок сухой, мелкий и светло-жёлтый. Можно ощутить себя в центре мира. Железнодорожная сеть – частный случай. Всеобщая сеть взаимосвязи явлений: во всей Вселенной во все времена. Это вера и ладони на рельсах – её символ. Боковая ассоциация: пройдёт поезд и отрежет руки. Символ с усмешкой, с червоточиной, чертовщиной. Ирония беспредельна. Убивает ли она веру? Снимем ладони с рельс, выпрямимся и перешагнём через путь. С той стороны – лес. Войдём в него.

Молодые сосны. Сухие и пахнущие шпалами. Иголки – кисло-горькие на вкус. Они колются со всех сторон и это похоже на циркулярный душ, применяемый для успокоения нервной системы. Подобные ассоциации способны разрушить любое поэтическое настроение, но они реальны. Они существуют и составляют часть мира. Его органическую часть. Всё ли в порядке с нашим поэтическим чувством? Не становится ли поэтичность разновидностью ханжества? Является ли ржавое колесо, валяющееся на обочине лесной дороги, оскорблением нашего поэтического чувства? Как же тогда почувствовать цельность мира?

Дальше начинается настоящий большой смешанный лес. Среди травы растёт папоротник. Он размножается спорами: это очень древний способ. Ему полмиллиарда лет. Когда-то (в карбоне) папоротники были гигантскими деревьями с метровыми стволами. Мы сжигаем их в виде каменного угля. Но они остались жить, хотя и сильно помельчали (эта не имеет никакого значения!). Папоротник можно

сорвать и понюхать. У него свой запах. Карбонский период – иначе называемый каменноугольным – относится к палеозойской эре. На картинке из Детской энциклопедии по жёлтым материкам (совсем иных очертаний!) ползают похожие на крокодилов стегоцефалы. Толстый парейазавр – «щекастый ящер» – напоминает бабушку в чепце, он добродушно улыбается, он растительоядный. Огромное зверозубое пресмыкающееся высоко поднимает толстую шею и крутит головой. Мелкие котилозавры – зелёные и похожи на ящериц. Хвойные деревья, похожие на сосны, и древовидные папоротники, похожие на пальмы, отбрасывают тени на светло-жёлтый песок. Вся суша покрыта сухим, мелким светло-жёлтым песком. Нынешнее положение материков показано чёрными контурными линиями – точь-в-точь сеть железных дорог. Мир палеозоя кажется уютным и солнечным, как мир детства. Может быть потому, что это картинка из, Детской энциклопедии, которую я разглядывал с своём детстве – тогда же, когда просеивал сквозь пальцы мелкий сухой песок около заброшенной ветки железной дороги. А может быть потому, что в палеозое не было ржавых колёс и многоэтажных микрорайонов? Наверное, всё же палеозой не был уютным, и мы не смогли бы там жить – хотя бы из-за другого состава атмосферы. Ностальгия по прошлому? Являются ли старые замки кощунственным нарушением красоты природы? В то время, когда их строили? Деревянное колесо от телеги на обочине лесной дороги лучше ржавого колеса от трактора на обочине лесной дороги? Естественная природа обладает безусловной красотой, а «вторая» природа – дело рук человеческих – условной? Что такое искусство? Мир детства – древний как папоротник.

В центре – колодец. В центре жёлтого песчаного круга. Слева – ветка железной дороги. Рядом – деревянное островерхое заброшенное высохшее от солнца, песка и времени здание станции, похожее на старый замок. Как странно, что здесь когда-то ходили поезда и была станция? Справа – совсем маленькие сосёнки, избегающие на песчаный холм. Рядом – дом лесника и собаки на привязи. Колодец – в центре. Загляни в колодец: в глубине его – отражение. Падает ведро. Скрипит ворот. Звучит железная цепь. Ведро полное холодной воды. Неправдоподобно много холодной чистой прозрачной воды. Но нет отражения. От воды на сухом песке остаются влажные кляксы. Тот колодец, наверное, – мой Кааба. Засохший замок заброшенной станции – храм. И я – единственный паломник, в снах совершающий обряд поднятия воды. Почему колодец? Некая глубина и таинственность. Там – в глубине – образ бога, когда отражается небо.

Но заглядывая в колодец, я вижу лишь собственное отражение. А уж в ведре – и вовсе ничего нет, кроме воды. В жару от колодезной ледяной воды ломит зубы и освежается сознание. Тот песчаный круг – в пространстве. То лето – во времени. Четырёхмерный цилиндр в четырёхмерном пространстве-времени – моя Мекка – летит по своей траватории, удаляясь. Запаянная капсула моей памяти. Тот лесник – жив ли он сейчас? – тот лесник, которого я не помню, но который был, а помню я лишь его собак на привязи, тот лесник – запаян в цилиндре, как муха в янтаре Воннегута. Я совершаю паломничество в образе мальчика, а возвращаясь и на границе становлюсь собою – взрослым, а мальчик – нет, он не остаётся в той капсуле (так обычно пишут, но у меня не так) – он где-то внутри меня. Стоит и крутит в руках цилиндр. Заглядывая в колодец, я вижу будущее – по отношению к тому лету, но каждый раз на границе настоящего ведро достигает воды и отражение исчезает. Время в той капсуле, свёрнуто в кольцо: вместо продолжения – осени – опять начало лета, а будущее – лишь отражение. На самом деле при путешествии в прошлое не возникает парадоксов: невозможно встретиться с самим собой, потому что и в прошлом путешественник во времена остаётся самим собой – каким он был в прошлом. Это путешествие проходит для прошлого бесследно. Сколько таких цилиндров оставлено позади? Гранулированная память. А ещё это похоже на сенокосилку: пройдёт по пёстрому лугу и оставит ряд копёнок. Иногда мне приходит в голову странная мысль: навести справки, собрать рюкзак, ехать сначала на поезде, потом – на перекладных... Но ведь ясно, что это невозможно: капсула памяти четырёхмерна.

6. В субботу утром долго звенел телефон

6.5.83

В субботу утром долго звенел телефон. Они проснулись одновременно: Игорь Бурдонов и его жена Кадрия Галеева. Он встал, всунул ногу в один тапочек, долго искал другой, наконец, нашел под Пушком – противный пёс грыз ночью подошву. Телефон всё звенел. Он поплёлся на кухню. Странно – обычно никто так долго не ждёт, пока они снимут трубку. Сейчас он дойдёт до телефона и звонки прекратятся, он снимет трубку и услышит длинный гудок – так часто бывает. В их квартире от кровати до холодильника, на котором стоит телефон, путь долгий и извилистый: пять шагов до двери из большой комнаты в коридор, шесть шагов по коридору, поворот, ещё четыре шага до двери на кухню, и три шага до холодильника. Но телефон продолжал звонить настойчиво и уверенно. Он снял трубку.

– Это Толя Левитов. – голос был тихий и ровный, но какой-то подозрительно напряжённый. Толя Левитов никогда не звонил Игорю Бурдонову раньше. Они были знакомы через Петю Коропа и для встреч всегда звонил Петя. Он сразу вспомнил Петю: наверное намечается какое-нибудь сборище. Но почему такой ранний звонок?

– Да, здравствуйте. Я слушаю.

– Петя умер.

– Что?! – он выдохнул это «что» сразу, не задумываясь, настолько нелепым было известие. Как если бы случилось то, что не может случиться, что противоречит физическим законам природы. Он сел на табуретку.

– Такие дела, – говорил Левитов, – сегодня в пять утра. Хорошо, что Левитов не дал ему времени опомниться, осознать:

– Надо обзвонить знакомых. Ты позвони, кого знаешь, у меня не все телефоны есть.

– Да, да, сейчас посмотрю, – он раскрыл телефонную книжку, стал её листать и называть фамилии, имена, лихорадочно соображая, кто знакомый Пети, а кто – только его, Игоря Бурдонова, одного. Это казалось очень важным: найти всех, обзвонить, сообщить. Левитов прервал это бессмысленное занятие:

– В общем, ты звони, я тоже буду звонить. Если кому-то позвоним дважды, ничего страшного.

Да, действительно, как он сам не догадался: ничего страшного, если кому-то позвонить дважды. Он положил трубку.

– Кто там звонил? – крикнула жена. Она ещё лежала в постеле.

– Толя Левитов, – крикнул он в ответ и пошёл умываться и чистить зубы. Почему-то казалось, что нужно обязательно сначала умыться, почистить зубы, причесаться, иначе потом это уже не сделаешь.

Жена молча ждала.

Он достал пепельницу, сигареты, спички, сел на кровать, не одеваясь, и закурил. Это было вопиющим нарушением им же самим введённого порядка: курить только на лестнице, в крайнем случае, если собираются гости, – на кухне. К тому же он курил натошак, не сделав зарядки, не выгуляв Пушка.

– Что случилось? – спросила жена.

– Петя умер.

Жена заревела. Какая у неё мгновенная реакция, подумал он с удивлением. И ещё он подумал, что Петя был не только у него, но и у Кадрии.

– Такие дела, – сказал он, – сегодня в пять утра.

– Дай мне сигарету.

Когда они познакомились, ему было двенадцать лет. А Пете? Так, сейчас ему должно было исполниться пятьдесят, в мае, он не дожил до своего юбилея меньше месяца. Значит, тогда ему было двадцать восемь без малого. Неужели Петя был такой молодой? Странно – для него Петя был всегда одним и тем же, некоей неизменяемой величиной, точкой отсчёта. Это он, Игорь Бурдонов, рос, заканчивал школу, учился математике, знакомился с девушками, женился, стал программистом, работал, защитил диссертацию, получил новую квартиру, разочаровался в программировании и стал писать стихи. А Петя был всегда где-то рядом. Впрочем, тогда Петя был неженат, он

тоже получал новую квартиру, у него тоже появился ребёнок. Игорь Бурдонов помнит Катю совершенным младенцем, когда они с Петей очередной раз что-то обсуждали, а этот младенец где-то рядом лежал в кроватке и пищал. Петя сказал:

– Вот вырастет, будешь учить её математике.

Он тогда ещё возразил: – Я же не учитель.

Да, если припомнить, в жизни Пети, которая прошла за последние двадцать лет их знакомства, тоже было много всяких событий, поворотов и этапов. Но для него, Игоря Бурдонова, был только Петя, сам по себе, он всегда оставался тем же самым. Менялось лишь окружение: люди, вещи, квартира, книги...

7. ИСПОВЕДЬ

18.5.83

Начальнику лаборатории
ТОМИЛИНУ А.Н.
от руководителя сектора
БУРДОНОВА И.Б.

Очень неуютно живётся мне последнее время.

Я много думаю... хотел сказать: о работе, – но нет, о работе как раз думаю мало, слишком занимают меня мысли около работы, вокруг работы. Под работой я понимаю системное программирование. А чем занимаюсь сейчас я?

Я руковожу сектором... Что же это такое? Это административная работа. Я должен быть в курсе того, что делают другие, я должен отвечать за их работу, я должен распределять работу. Не говоря уж о бесконечных бумажках и выделении людей на принудительные хозработы. Я этого делать не умею и не хочу. Я хочу разрабатывать и писать программы, Я хочу делать операционную систему. Разумеется, не один. Разумеется, не все программы, которые я разрабатываю, буду писать я сам. Разумеется, не все программы я буду разрабатывать. Короче, я хочу работать так, как я работал в ИТМиВТ.

Может быть у меня такой характер, но я не умею думать наполовину. Если я начал думать над какой-то проблемой, я додумываю её до конца: то ли до разработки программы, то ли до интерфейса. Я не умею останавливаться на уровне общих идей. Следовательно, я не умею заниматься всем сразу: и УФК, и пультом ОМ, и задачами обмена файлов и сообщений с ОМ, и питанием и охлаждением, и устройством подготовки данных, и сопровождением RSX, и, наконец, новой системой. Заниматься всем этим сразу можно только на уровне административном. По делу можно делать только что-то одно. Слишком всё это разнородно. Я вообще не понимаю, как получилось, что все эти вещи свалены в одну кучу и всем этим заниматься должна одна наша группа. Тут нет концептуального единства, и быть не может.

Наверное, Иванныков хочет, чтобы я в ДЕЛЬТЕ работал так, как он работал в ИТМиВТ. Я его понимаю. А он меня нет. Потому ¹ что я хочу работать и в ДЕЛЬТЕ так, как я работал в ИТМиВТ. Если оклад руководителя сектора слишком велик для человека, который руководит разработкой новой операционной системы, то я готов перейти на должность СНС. Хотя и жалко будет потерянных денег.

Дело доходит до того, что я начинаю испытывать отвращение к своей работе. Например, мне поручили выделить двух человек из моего сектора для отправки в пионерский лагерь. Это испортило мне настроение на несколько дней. Я не умею администрировать, а добровольцев на это дело, естественно, нет. И у каждого свои причины для отказа. И все веские. Завтра надо решить окончательно. Жребий бросать, что ли? Но главное, что из-за подобных вещей я не могу думать о главном: о новой системе.

Иванныков как-то сказал: если у тебя в группе больше 5 человек, ты не имеешь право сам писать программы. Я думаю, это не совсем верно. Вспомните Брукса с его «хирургической бригадой» – там вообще только один человек пишет программы, остальные выполняют вспомогательные функции (может быть, пишут вспомогательные программы). И опыт разработки ОС ПМ-6, да и ОС ЦП АС-6, показывает, что прав скорее Брукс. Но в том то и дело, что такой руководитель не имеет право заниматься административной работой. Или – или. Может быть, если в группе больше десяти или двадцати человек, то тогда да. Но руководитель такой большой группы будет по преимуществу администратором, либо он руководит на уровне идей, но не занимается администрированием. Я считаю вообще, что пока человек может писать программы лучше, чем он это делал вчера, он должен писать программы. Тот же Брукс жаловался, что программисты, достигшие высокой квалификации, получившие большой опыт работы, уходят на административные должности с повышением оклада и редко для кого система оказывается третьей или тем более четвёртой. Потому так опасен, кстати, «эффект второй системы».

Может быть я драматизирую ситуацию и, если с меня снять административщину, я смогу руководить на уровне идей другими работами: 1. УФК, 2. Пульт, 3. Охлаждение-питание и устройство подготовки данных (всё это «Электроника-60») 4. Сопровождение. Разумеется, с помощью Смирнова и Кузнецова, Хотя проще сказать так, как есть на самом деле: Кузнецов руководит Сухиновым по

работе с УФК, я руковожу Французовым по работе с Пультом и Юдиным по задачам обмена файлами и сообщениями с ОМ, Смирнов руководит работами по охлаждению/питанию и устройству подготовки данных, которые хотим, чтобы выполнял Маклашин. Сопровождение пока тянем мы все втроём, но больше всего Смирнов, дальше будет видно. Так есть на самом деле и для чего мне нужно (ведь чисто формально!) руководить Кузнецовым, который руководит Сухиновым, который делает матобеспечение УФК, – я этого не понимаю! Кстати, Сухинов, если он хочет защищаться, должен настолько самостоятельно работать с УФК и писать сам все программы, что к чему руководство? Если он считается неспособным, то одного Кузнецова достаточно.

Я же помню, какое руководство работой по ОС ПМ-6 осуществлял Иванников. На начальном этапе, действительно, он оказал большую помощь в разработке основных идей, понятий, объектов и т.п. Хотя разрабатывал их всё же я, а он обсуждал всё это вместе со мной. Правда, одну бумагу он написал – нечто вроде обзора основных объектов и примитивов на десяти страницах. Потом, конечно, от этого мало что осталось, но в то время это было очень нужно. Потом же, когда мы уже начали писать систему, я только советовался с ним по разным вопросам. То есть я думал, искал альтернативные решения, а он помогал выбрать вариант. Такое руководство работами (кроме новой ОС, которую я хочу сам писать вместе с другими) я могу осуществлять. Но тогда ответственным (административно) за это дело буду всё же не я. Это ведь работа чисто консультативная.

Не знаю, кто будет выполнять в нашем секторе административные обязанности. Среди наших, думаю, желающих не найдётся. Может быть, это нас в ИТМиВТ неправильно воспитали, а может быть мы просто подобрались все такие, а кто другой, тот от нас ушёл или остался в ИТМиВТ. «Мы» – это я, Кузнецов, Максаков, Косачев, Смирнов. Трое уже кандидаты, скоро будет четвёртый, пятый пишет диссертацию. А вот «руководителей» среди нас нет. Я могу руководить работой, но не людьми и, тем более, не абстрактным «сектором», от которого требуют план-графиков, соц. обязательств и прочей мурсы. В ИТМиВТ меня заботило, чтобы были сделаны и вовремя те программы, которые требовались из общей идеи, из общей технологии построения системы и из её функций. Но меня не заботило, если у кого-то при этом не оказывалось работы. Такой человек сам просил работу и при хорошо раскрученной технологии

производства системы какая-нибудь программа всегда находилась. А на начальном этапе, между прочим, мне дела не было, кто что делает, потому что всем заведомо работы не хватило бы. И уж тем более меня не заботили разные бумажки.

И ещё. В ИТМиВТ у нас был коллектив. Здесь его ещё нет. Коллектив может сложиться только на хорошей большой интересной работе. Такой работой у нас может быть только новая ОС. Всё остальное – поделки, которые не создадут коллектива. Раз нет концептуального единства в работе, нет и единства коллектива. «Закон Конвея» действует и в обратную сторону. Разнородность наших работ разобщает людей. Я уж не говорю о том отрицательном влиянии на психологический климат в коллективе, который оказывает работа на чужой системе и встраивание в неё разных довесков. На мой взгляд, это кустарщина, возведённая, правда, повсеместно в принцип. На Западе есть фирмы, специализирующиеся на такой работе (она ведь тоже нужна). Но ведь мы же делаем суперсистему, единственную в Союзе, более того – её аналог самое последнее достижение в Америке (почти последнее на сегодняшний день), а вокруг городим какой-то зоопарк из морально устаревших минимашин. Ну да ладно, аппаратура – не по моей части. Мы специалисты по операционным системам. Так может быть нам и следует делать операционную систему. А то получается, что это какая-то необязательная факультативная работа и неизвестно точно, нужна она или нет. Я говорю не о формальной стороне дела – чем меньше с нас будут требовать всяких сроков по новой ОС, тем лучше для дела. Я говорю о существе дела. У меня нет почему-то уверенности, что в один прекрасный день нам не скажут: «Бросьте, ребята, ерундой заниматься! Есть прекрасная американская система, специалисты переведут её на русский язык, так вы добавьте в неё чего там нужно и всё будет о'кэй!»

И ещё. Уже сугубо личное. Я больше не могу работать с той же отдачей сил, что десять лет на АС-6. У меня есть дело, которое для меня важнее системного программирования, но распространяться об этом ни к чему. Иногда я даже завидую Максакову, который получает столько же, сколько и я, а работы у него – всего три раза в неделю съездить в Подлипки. И главное никакой административщины. Конечно, его это угнетает. Я не понимаю, почему Иванников столь бесцеремонно отстранил его от ОС ОМ. У Вадика ведь другого дела нет. А у меня есть, я смог бы перестроиться на такое отношение к работе. Но вот на административное руководство я перестроиться, как

выяснилось, не могу. У меня к этому делу идиосинкразия. Поэтому я хотел бы иметь больше, чем раньше, свободного времени. Мне кажется, и на таких условиях я буду приносить достаточно пользы как разработчик и как программист, чтобы оправдать свою зарплату.

Мне кажется, человек важнее машины. Даже электронно-вычислительной. Всё же не человек для работы, а работа для человека. Но это уже философия, с которой большинство не согласны: не на словах, а на практике.

Последнее время я чувствую постоянное давление на себя. От меня всё время хотят того, чего я сам не хочу. Это меня угнетает всё сильнее. Иногда я даже думаю: а стоило ли переходить в ДЕЛЬТУ? Я перешёл исключительно ради коллектива. Мне нравится тот коллектив, который у нас был, я считаю, что мне сильно повезло в этом плане. Но коллектив перешёл как-то частично, а тот, что складывается в ДЕЛЬТЕ – другой. Не в лучшую сторону. А давление, которое я испытываю, передаётся через меня на мой миниколлектив. Между прочим, некоторые люди, перейдя в ДЕЛЬТУ, сильно изменились и никто – в лучшую сторону. Что-то тут не чисто. Мне кажется, надо бы внимательнее относиться к желаниям (не капризам, а желаниям – продуманным) людей. А то у нас вечная гонка.

Кстати, то, что у нас нет хотя бы маленькой комнаты, где можно было бы спокойно посидеть, или посоветоваться, или просто попить чаю, – это очень плохо. Не может быть коллектива без отдельного помещения.

8. ПЕЛЕНА (первая редакция)

26.8-18.12.83

По поводу романа Кристофера Приста
«ОПРОКИНУТЫЙ МИР».

(«иностранный литература», 1983, №8,
перевод и послесловие Олега Битова)

В романе Кристофера Приста «Опрокинутый мир» 89 журнальных страниц. На первых 60 страницах – всё как полагается. С первых же строк окунаешься в уже привычную, но такую захватывающую и каждый раз особенную, не похожую на другие, атмосферу добротной романной фантастики о космических переселенцах, робинзонах космоса, таинственных и невероятных мирах далёких планет. Сразу вспоминаются «Робинзоны космоса» Фрэнсиса Карсака и более современная «робинзонада» Робера Мерля «Мальвиль». Неважно, что в первом романе дело происходит на другой планете, а во втором – в другое время – после мировой термоядерной войны. Главное – социальный эксперимент, который: ставит автор. Можно вспомнить и «поколение достигшее цели» Клиффорда Саймака. Или, читая Пристовские описания фантастической «геометрии» планеты, «Экспедицию тяготения» Хола Клемента, хотя последний роман и не относится к социальной фантастике.

Так, вспоминая, не торопясь двигаешься вместе с Городом по поверхности чужой планеты. Переживаешь вместе с героями их трудности и радости, мучаешься над загадками и тайнами планеты, также стремишься к таинственному «оптимуму», и постепенно спадает пелена неизвестности, вместе с Гельвардом Манном докапываешься до истины. Эта истина оказывается удивительной и страшной. Ещё не всё понятно, но уже поражаешься мужеству и упорству землян, неизвестно как оказавшихся на этой странной планете, и чтобы выжить, вынужденных всё время двигаться со своим Городом за убегающим от них «оптимумом». У них не остаётся ни сил, ни времени на что-либо другое. Главное – выжить. Потому что помощь с Планеты Земля придёт, не может не придти.

Только одно вызывает сомнения, только одно не укладывается в привычную схему. Аборигены! Не то, что они похожи

на людей – бывает! Не то, что они, собственно, и есть люди и от смешанных браков рождаются дети. Тоже бывает – может быть, генетический код един во Вселенной? Конечно, это загадочно, но, так и ждёшь: наверное, автор всё объяснит попозже. Но не просто загадочно, а необъяснимо другое: эти аборигены говорят на земных языках! Испанском, английском, французском! И никакого «аборигенного» языка у них нет! Как же автор выкрутится, как объяснит необъяснимое? Может быть, аборигены – не аборигены вовсе, а тоже пришельцы с Земли, только более ранние? Такое тоже бывало в фантастике. Но нет – у Кристофера Приста приготовлен для читателя жуткий сюрприз. Нечто небывалое!

За 19 страниц до конца романа привычная схема начинает рушиться. Неожиданно появляется женщина... из Англии! Разрушение стремительно: оказывается, нет никакой другой планеты. Дело происходит на Земле! А как же Город? Как же четырёхугольное солнце? Как же страшные приключения героя в «прошлом» – далеко к югу от «оптимума»? Ещё надеешься на что-то другое, таинственное и замечательное – какое-нибудь искривление пространства-времени, чёрную дыру, нуль-переход в параллельный мир и тому подобные привычные вещи. Но нет! Автор безжалостно, разрушает весь с такой тщательностью и даже с любовью выписанный мир. Нет никакой другой планеты, нет никаких чёрных дыр и параллельных миров. Всё – обман! Жуткая иллюзия, владевшая людьми Города на протяжении двух столетий! И солнце – шарообразное! Конечно, не обошлось без небольшого фантастического изобретения – транслатационного генератора Дистейна, дающего даровую энергию, но вынужденного двигаться за потенциальным источником энергии – транслатационным окном, постоянно, хотя и медленно, перемещающимся по поверхности Земли. Опрокинутый мир оказывается обычной Землёй, просто генератор создаёт вокруг себя энергетическое поле, побочно влияющее на органы чувств горожан и вызывающее генетические отклонения. Всё – обман! Упорный, мужественный труд многих поколений жителей Города, их двухсотлетнее стоическое сопротивление враждебным силам, да что там – вся их жизнь! – оказывается ненужной, даже смешной, принесённой в жертву не великой цели выживания рода человеческого, сохранения цивилизации, а всего лишь – оптической иллюзии! Страшный конец...

О чём этот роман? Что хочет сообщить нам Кристофер Прист? От чего предостеречь? О чём напомнить?

Читаю послесловие Олега Битова. Сначала идёт подсчёт «невозможностей» романа – несоответствий науке. Затем подробно объясняется, что наука здесь ни при чём, что роман этот социальный и отвечает на вопрос «Что было бы, если?...» Что вообще дело фантастики «не предсказывать, а предотвращать» (Брэдбери). Но всё это прописные истины! Что с того, что какой-то академик до сих пор считает, что главное в фантастике «полная научная достоверность высказываемых идей». Наверняка найдётся академик, который вообще не читает фантастику и не понимает её. Из-за этого доказывать то, что уже давно доказано и неоднократно? Можно было бы понять эти рассуждения Битова как краткое «предисловие» к его послесловию. Но нет: это «предисловие» занимает 123 строки из 167 – три четверти! Что же остаётся на сам анализ романа? 44 строки, из которых мы ещё узнаём, что Кристофер Прист – последователь и ученик Уэллса, что он ещё написал «Машину пространства», причём после «Опрокинутого мира», хотя после «Машины пространства» он переделывал «Опрокинутый мир». После всего этого о самом романе Битову, конечно, приходится говорить очень коротко.

Цитирую: «Если коротко, Город – это выразительный символ научной и социальной безответственности, своего рода самодвижущийся собрат нейтронной бомбы. Любая идея, способная и призванная принести людям ещё более полную власть над природой, – в данном случае идея неиссякаемого источника энергии, трансляционных полей – в обществе, где человек человеку волк, находит себе прежде всего варварские, уродливые воплощения. Город – одно из таких воплощений. Увы, одно из многих».

И ещё одна цитата: «Мне неизвестно, какие книги читает «отец нейтронной бомбы» Сэмюэл Коэн и читает ли он их вообще. Но каждый раз, когда я, переводя «Опрокинутый мир», наталкивался на имя Фрэнсиса Дистейна, основателя Города, я вспоминал о том, что где-то за океаном бодрствует и процветает – и, самодовольно улыбаясь, заносит на бумагу многоэтажные формулы – Сэмюэл Коэн, Дистейн во плоти. Та же гипертрофия знания при атрофии совести, то же фанатичное стремление реализовать научную идею любой ценой – и наплевать на последствия, В истории науки XX столетия Дастейны-Коэны, к сожалению, встречались не раз. И какие бы «невозможности» ни выискивали в антиутопии Кристофера Приста дотошные критики, для меня несомненно одно: когда ученик Уэллса писал свой роман, им двигала осознанная потребность выступить

против дикарей с учёными степенями, маниакально ставящих на карту судьбы народов и всей Земли».

Итак, по Битову, тема романа, также как и «тема, стержневая для всей современной фантастики, – тема ответственности науки перед человечеством». Больше в послесловии к роману о самом романе нет ни строки!

Скажу сразу: на мой взгляд, Олег Битов просто не понял романа, который сам же переводил! Идея романа совсем в другом и лежит она гораздо глубже.

Однако начнём всё же с тезиса Битова. Может быть, в самом деле, хотя бы наряду с другими, в романе присутствует тема «ответственности науки перед человечеством»? Кто такой Фрэнсис Дистейн? Действительно ли это «дикарь с учёной степенью», маньяк, намеренно поставивший аморальный научный эксперимент? О Дистейне всё сказано буквально на одной странице в самом конце романа. Сказано коротко и просто. Это был физик, который «открыл процесс, при котором энергия может быть получена в неограниченных количествах и без топливных затрат. Его идея была решительно отвергнута большинством учёных». Далее «Дистейн изобрёл генератор, создающий искусственное энергетическое поле. Достаточно поместить два таких поля по соседству друг с другом – и между ними потечёт электрический ток. Критики Дистейна не замедлили указать, что открытие не имеет практического значения хотя бы потому, что два генератора потребляют энергии больше, чем производят. Дистейну отказали в поддержке – как финансовой, так и нравственной. И даже когда он обнаружил однотипное естественное поле... ему не поверили». «Мало-помалу Дистейну удалось собрать кое-какие средства за счёт частных пожертвований и построить передвижную исследовательскую лабораторию». Она-то со временем и превратилась в Город. С тех пор «Дистейн не подавал о себе вестей». «Дистейн пренебрёг побочными эффектами своего открытия, на которые ему в своё время указывали. Его предупреждали, что генератор в своём первоначальном виде неизбежно повлияет на органы чувств, вызовет наследственные недуги и генетические отклонения». А тем временем на Земле трансляция превратилась, уже без Дистейна, в «стандартный, повсеместно принятый технологический процесс».

Вот собственно, и всё. Работники лаборатории, в том числе и сам Дистейн, подверглись воздействию поля и стали жителями Города. Не совсем понятно, почему Дистейн, а с ним вместе и другие сотрудники лаборатории, решили, что они на какой-то чужой планете? «Директива Дистейна», которая мог бы пролить свет на происхождение такого заблуждения, начинается сразу же с фразы: «Мы чудовищно далеко от Земли». Наверное, это следует отнести на счёт всё того же энергетического поля, влияющего на людей. Другого объяснения из романа почерпнуть нельзя.

Так где же угроза человечеству? Где зловещие планы милитаристов? Козни Пентагона? Маньяк-учёный, размахивающий «абсолютным оружием»? Изувер-экспериментатор? Ничего этого в романе нет! Да, Фрэнсиса Дистейна можно упрекнуть в некоторой безответственности: он не прислушался к предупреждениям других учёных. Но обратите внимание, как это преподносит Прист: сначала эти другие учёные не признали открытие Дистейна, ему отказали в финансовой и нравственной помощи, его предупреждали, но изобретение его в конце концов стало «стандартным повсеместно принятым технологическим процессом». Это больше смахивает на трагическую ошибку, чем на злой умысел, безответственность. Ведь Дистейн и сам оказался жертвой эксперимента! Он не видел опасности, а вовсе не игнорировал её! Можно понять учёного, который (пусть неправильно!) игнорирует предостережения тех, кто только что с порога отвергали его открытие, отказывали ему в помощи, фактически объявили ему бойкот, а теперь «предупреждают». Но может быть, Дистейн преследовал какие-нибудь нехорошие, аморальные цели, организуя свою исследовательскую лабораторию? И об этом в романе нет ни слова! Может быть, людей насильственно заставляли ехать в Юго-Восточную Азию и работать в лаборатории? И это нет! Судя по всему, это была самая обычная лаборатория. Тогда, может быть, Дистейн захотел стать мини-диктатором? Не всей Земли, а только Города? И на это не похоже. Например, как была создана система гильдий – своего рода сословий социального общества Города: «Решено основать систему гильдий. Милый архаизм, снискавший общее одобрение. А главное – хороший способ придать нашей организации определённую структуру, не ломая уже сложившихся установлений, и я лично полагаю, что система гильдий создаст условия, при которых наше дело переживёт нас самих». Итак, «общее одобрение», «не ломая уже сложившихся установлений». Где же тут диктатура? Не принимать же всякую социальную структуру сразу за диктатуру! Правда, «ближе

к концу Директивы в ней стал всё отчётливее проступать менторский, поучающий тон». То ли это влияние энергетического поля, то ли (что вероятнее) Дистейн старел, да и обстановка требовала более жёсткой социальной структуры, и старик чувствовал себя «главным» в Городе. Но чему же «поучает» Дистейн? «Когда-нибудь, бог даст, нас отыщут посланцы Земли. До тех пор наш девиз неизменен: выжить любой ценой. Отныне решено и предписывается: Высшая ответственность за судьбу нашего наследия лежит на плечах Совета...» Где тут диктатура? Орган правления – коллективный. Он не «властвует» – на нём лежит «высшая ответственность за судьбу нашего наследия». Да что в самом-то деле! Даже в «Туманности Андромеды» Ефремова на космическом корабле структура управления была жёстче – во главе стоит один человек – капитан! А ведь там никакой робинзонады! Они летали по космосу из научного любопытства, а не чтобы «выжить»!

Я так подробно на этом останавливаюсь вовсе не для того, чтобы показать будто в Городе «идеальное» социальное устройство или что Дистейн – образец учёного. Вовсе нет! Я только хочу доказать, что Кристофер Прист в своём романе вовсе не ставил цель показать учёного-маньяка, безответственного экспериментатора, последствия разлада «науки и совести» и т.п. Я выписал здесь почти всё, что есть в романе о Дистейне. От силы наберётся страницы три, 0 чём же остальные 86 страниц? Может быть, вообще о науке, об ответственности учёных? Нет! Об этом гораздо больше написано в послесловии Битова, у Приста в лучшем случае отыщется пара-другая фраз, причём фраз без всякого «нажима».

Возьмём главного героя, Гельварда Манна. Автор, а с ним и читатель, явно симпатизирует этому человеку. Об этом говорит хотя бы тот факт, что примерно половина романа написана от лица этого героя. Ближе к концу, правда, автор чуть отстраняется от своего героя и пишет не «я», а «Гельвард». Элемент развенчания здесь определённо присутствует, но не разоблачения! И последние, строки романа по своей сути трагичны. Гельвард говорит: «Обман или не обман, а я верю тому, что вижу». Заблуждение фанатика? Тертуллиановское «верю, потому что нелепо»? Нет. Тут всё сложнее. Зачем Присту потребовалось сделать Манна художником? И что означает такой (пятый с конца романа!) абзац: «Солнце спускалось к северо-западному горизонту. Какое же это было прекрасное, своеобразное зрелище! Изящный, загадочный огненный контур, эстетически куда более привлекательный, чем безыскусный шар. Жаль, что мне так ни разу и не удалось удовлетворительно передать

красоту этих линий на бумаге». Это что – воспевание заблуждения? Как угодно можно трактовать концовку романа, но к теме «ответственности науки перед человечеством» она не имеет отношения. Как и сам роман.

Но всё же, о чём роман? Ключ к понимаю, на мой взгляд, содержится в эпиграфе. Удивительно, как Олег Битов смог игнорировать столь красноречивые (хотя и не простые) строки:

«Как оглянешься окрест,
В мире много странных мест,
А присмотришься сурово –
В мире странном всё не ново:
Труд с восхода дотемна
Да ошибок пелена.

Сэмюэл Джонсон»

В странном, «опрокинутом» мире планеты движется Город. Но если присмотреться, в самом Городе, в делах людских всё не ново. Люди работают, заводят семью, рожают и воспитывают детей, любят и расходятся. Правящий клас поделён на гильдии – по профессиям. Городом управляет выборный Совет. Всё это напоминает город средневековья, посмотрите сколько словесных совпадений: «город», «гильдия», «совет», «стражники». Присту зачем-то нужно было показать, что ничего особенного в социальном устройстве Города нет. А взаимоотношения Города и «мартышек»! Не напоминают ли они взаимоотношения средневековых городов и окружающих их сельских жителей?

Однако, аналогия эта в значительной мере лишь внешняя. Она возникает естественно и нужна именно как аналогия: мол, всё как обычно. Присмотримся внимательнее. Теперь я задам один (как выражается Битов «убийственный») вопрос: какой социальный строй в Городе? Что это? Рабовладельческая республика? Феодальная монархия? Боярский город? Буржуазное государство? Вопрос можно сформулировать ещё точнее: какова форма собственности в Городе? Есть ли там эксплуатация человека человеком? Какие классы эксплуатируют, а какие эксплуатируются? И тут мы с некоторым удивлением обнаруживаем, что в Городе есть лишь одна форма собственности: общегородская. Конечно, не считая личной. И главное: средства производства (фабрики синтетической пищи, генератор энергии и т.п.) являются собственностью Города. Никто никого не

эксплуатирует. Единственная «привилегия» «правлящих» гильдиеров – знать о страшной опасности, угрожающей Городу, и обязанность выполняют трудную и опасную работу вне Города, ставить общественные интересы выше личных. О последнем весьма красочно описано Пристом в сцене, когда глава разведчиков будущего Клаузевиц отправляет главного героя в «прошлое». Такое социальное устройство положительно смахивает на коммунизм. Правда, с явным запахом казармы. Но, во-первых, это вполне объяснимо тяжёлым положением Города. А во-вторых, по сравнению с просто «Городом» Приста «Город солнца» Кампанеллы – фашистская диктатура. Конечно, дело совсем не том, что Прист хотел пропагандировать или, наоборот, разоблачить (учитывая концовку романа) коммунистическое учение. Просто ему зачем-то понадобилось показать общество без особенных внутренних социальных противоречий. Он как бы говорит: – Да, мой роман социальный. Но это роман не о классовой борьбе. В моём Городе нет противоречий между людьми на почве собственности, власти и эксплуатации. Нет ни диктатуры, ни фашизма. Никто ни на кого не «давит». Никто никого не обманывает, ничего не скрывают от «низов»...

Стоп! Насчёт «обмана» не так просто. Как раз разведчики скрывают от остального населения положение Города. Они опасаются паники и необдуманных действий, ведь за пределами Города, особенно в «прошлом» людям грозит гибель. И эти опасения оказываются не напрасными! Противостояние «посвящённых» и «непосвящённых» показано Пристом в «любвонной» линии романа «Гельвард - Виктория». Как всё начинается? Гельвард даёт клятву о «нераспространении», ещё не будучи «посвящённым», ещё ничего не зная. В разговорах с Викторией он колеблется, он не вполне уверен в «справедливости», если можно так выразиться, своего дела. Он просто не знает правды. И он нарушает клятву, рассказывая Виктории то, о чём рассказывать нельзя. Но странно, никакими страшными карями, предусмотренными клятвой, на него не обрушиваются. Хотя его руководители – это нам даётся понять – знают о «клятвopреступлении». Похоже, это обычное дело. И страшная клятва оказывается чем-то вроде перестраховки.

Но что происходит дальше? Гельварда посылают в «прошлое». И то, что он там видит, чувствует, то, что он чуть не погибает и с большим трудом ему удаётся вернуться в Город, – всё это убеждает его: никакой «несправедливости» нет. Есть трагическая

действительность, и Совет Города прилагает мужественные усилия, чтобы сохранить Город, не дать погибнуть людям.

И вот какой диалог состоялся между Гельвардом и Викторией после его возвращения из «прошлого»:

« – А знаешь, системе гильдий скоро конец, – заявила она.

– Ну уж, не преувеличивай.

– Система разваливается. И её надо сломать до конца. Да оглянись вокруг – сам видишь, насколько всё изменилось. Каждый волен выйти за пределы Города когда угодно. Ясное дело, навигаторы будут цепляться за старое, потому что живут в-прошлом, но мы...

– Не такие уж они твердолобые, – возразил я.

– Можешь не сомневаться, они постараются восстановить секретность и гнёт.

– Ты ошибаешься, – произнёс я тихо и твёрдо. – Точно знаю, что ошибаешься.

– Допустим, ошибаюсь. И всё равно перемены необходимы. В Городе не осталась никого, кто бы не понимал, что наша жизнь под угрозой. Мы крадёмся по этой земле исподтишка, как воры, и тем самым лишь умножаем угрозу. Пришла пора, наконец, остановиться.

– Виктория, ты просто не...»

Что же Виктория «не»? Дальнейший разговор показывает: Виктория за своего рода «социальную революцию», цель которой – остановить движение Города. Для этого и нужно отменить систему гильдий, поскольку она только для организации такого движения и была создана. Но в том то всё и дело, что Виктория не знает, чем кончится такая остановка. А Гельвард знает – он был в «прошлом». Остановка – гибель.

Дело оказывается совсем не в «секретности и гнёте», не в системе гильдий, не в узурпаторстве Совета к навигаторов. Это Гельвард знает, Виктория – нет. И мы постепенно наблюдаем развёртывание «революции» в Городе. Революции, победа которой, мы знаем вместе с Гельвардом Манном, будет означать гибель Города и людей. Но это знают и другие навигаторы, однако...

Вот диалог Гельварда с разведчиком Блейном:

« – Значит, Гельвард, ты окончательно утратил объективность? Ты считаешь, что на свете есть лишь одна точка зрения – твоя?

– Нет, не считаю. Но тут не может быть никаких споров. Они: неправы, и ты знаешь это не хуже, чем я.

– Из того, что человек неправ, ещё не следует, что он дурак.

– Послушай, – взмолился я, – ты же побывал в прошлом. Тебе известно, что довольно Городу остановиться – и его неизбежно снесёт туда движением почвы. Какие же могут быть сомнения в том, что нам делать?

– Да, всё это мне известно. Но терминаторов поддерживает значительная часть горожан. Мы обязаны хотя бы выслушать их».

На стороне терминаторов оказывается и глава мостостроителей – Леру, потому что оказывается неспособным построить мост через большую реку (на самом-то деле это не река, а Атлантический океан, но об этом ещё никто не знает! – это впереди). Или потому, что среди главарей «революции» его дочь Виктория? Она выступает на митинге терминаторов и Гельвард замечает: «По мне, всё это отдавало дешёвой риторикой, но толпе примитивные приёмчика Виктории пришлось явно по вкусу».

Ещё раз напомним: до сих пор мы, читатели, вместе с Гельвардом Манном знаем: остановка Города – гибель. Поэтому «революция» терминаторов воспринимается как безрассудный и неправый бунт, подкреплённый «дешёвой риторикой», но не знанием! Ибо знание говорит: остановка – гибель. Это революция невежества. Демократия и свобода слова в данном случае, когда нет знания, ведут к гибели.

Но удивительность этого романа в том, что правы всё же оказываются терминаторы! И знание Манна – обман, оптическая иллюзия! Но невозможно и сочувствовать терминаторам, ведь они оказались правы случайно, не в результате прозрения, открытия нового знания. Истина выясняется лишь в самом конце, а до этого терминаторы руководствуются не истиной, а отрицанием истины. И до самого конца романа, до его последних строк наше читательское сочувствие всецело отдано главному герою – Гельварду Манну. Мы уже понимаем, что он неправ, что он заблуждается, что ж! тем больше наше сочувствие ему. Мы понимаем, как он неправ, когда восклицает: «Обман или не обман, а я верю тому, что вижу». Но мы же и помним, что Гельвард – художник. И почему-то никакого сочувствия не вызывают у нас терминаторы, не вызывает его и Виктория. Хотя они и оказываются правы!

Почему так? Почему, несмотря на выяснение истины, которая оказывается не столь угрожающей людям как многолетнее заблуждение, несмотря на хэппи-энд, нас не оставляет ощущение трагедии?

Что такое Город? Это наш с вами мир, читатель. Тот мир, в котором мы живём. Это наша технологическая цивилизация, девиз которой: «Быстрее! Быстрее! Ещё быстрее!» Как в «Алисе»: чтобы только оставаться на месте, нужно бежать изо всех сил. Это мы с вами всё время стремимся к недостижимому «оптимуму», который убегает от нас. Таково свойство технологического прогресса: цель его неуловима. Это движение ради самого движения. Это процесс порождающий сам себя. А каковы опасности нашего стремительного движения, мы все очень хорошо знаем: угроза ядерной войны, кризис экологии, кризис демографии и куча всякого рода других кризисов.

Куда мы стремимся? Мы провозглашаем множество самих прекрасных целей и идеалов. Справедливость! Равенство! Благо человека! Максимальное раскрытие человеческой личности! Расцвет культуры! Всё это чудесно, но на практике лишь одна цель оказывается впереди – выжить, выжить любой ценой. Потому что наш путь не оставляет нам времени и сил на что-то ещё другое. Едва дело доходит до «раскрытия личности», как мы вступаем в противоречие со всей системой нашей цивилизации – с «производственной необходимостью», «дисциплиной труда», «интересами государства», «национальной безопасностью» и прочим, прочим, прочим. Мы говорим, что строим «базу», фундамент для прекрасного здания. Мы строили его и десять, и пятьдесят лет назад, но так дальше фундамента и не продвинулись. Мы закопались в гигантском промышленном котловане. Дойдёт ли дело до возведения стен? Мы всё время лишь подготавливаем почву для последующих поколений, мы отказываем себе, чтобы нашим потомкам жилось лучше. Но так ли это? Не самообман ли тут? Что получают от нас потомки, кроме недостроенного фундамента и гигантской технологии построения фундаментов? Лишая себя, не лишаем ли мы и потомков наших всех тех идеалов, которые мы провозглашаем столь усердно и столь же усердно отодвигаем их в будущее. Наступит ли это будущее? Его ли мы готовим? Мы лепим его по своему образу и подобию. Гонка, гонка, гонка прогресса.

Да, в этом движении есть свой героизм, своё мужество, своя гордость и своя красота. Об этом пишет Кристофер Прист. И

прекратить это движение «просто так», как предлагают многие нынешние и прошлые «терминаторы» («назад в пещеры!»), означает только одно – погибнуть. И всё же этот мир – опрокинутый! Пока мы смотрим на него его же глазами, мы не видим выхода и наши призывы «остановиться» – преступны. Бытие определяет сознание. Но симптомы прозрения уже появляются. Уже можно заметить слабые ростки иной мысли. Скинуть с себя наваждение, попытаться выбраться из кошмара иллюзий призывает Прист. Мы не на другой планете! Мы на Земле – на Земле мыслителей, художников, поэтов, учёных. Не одна только экономика правит миром. Не стала ли наша экономика подобием генератора Дистейна, заставлявшего людей Города двигаться всё время вперёд и вперёд, напрягая все силы, к ускользящему «оптимуму». Оптимум, весь смысл которого только к тому и сводится, что возле него можно немного перевести дух. И Прист предупреждает: наше сознание отравлено побочным действием «генератора Дистейна», может быть мы даже генетически стали уродами.

Никто не против экономики и технологического прогресса, разве только крайние, «терминаторы» – но их то и разоблачает Прист. Им просто «надоело» двигаться и по невежеству они полагают, что достаточно просто сорвать стоп-кран. Не всё так просто, но всё же остановиться нужно, нужно ограничить власть экономических интересов, примат производства над духовным развитием человека. Генераторы Дистейна нужно оставить, они станут «стандартным повсеместно принятым технологический процессом», но не более того. Не идолом и кумиром общества, который в зависимости от принятой терминологии называют «прибылью» или «планом».

О таком развитии намекает и Кристофер Прист: «Пробил час – и запасы горючих ископаемых подошли к концу, и тогда на Земле наступил период, который для краткости стали называть Катастрофой. Развита технологическая цивилизация в том виде, в каком она расцвела до Катастрофы, на части земного шара перестала существовать».

Когда-то развитие производительных сил общества позволило выделить паразитирующую элиту. «Лучшие» люди получили возможность не заботиться о хлебе насущном и заняться науками и искусством. Для поддержания такого порядка пришлось опираться на штыки. Наш век продвинулся гораздо дальше. Откинута теория о прирождённом делении на «высших» и «низших» и восторжествовала

справедливость – по крайней мере в теории. Наука понята не как причуды чудаков-учёных, а как «непосредственная производительная сила общества», искусство ныне не рассматривается как пустая безделица. Что же? Понято наконец значение Культуры и высший смысл жизни как творчество? В теории. А на практике культура поставлена на поток, на конвейер и стала «непосредственно производить». Наш мир перевернут!

Настоящее прозрение всегда трагично. Спадает пелена, но рушится система ценностей общества и каждого отдельного человека. Потому то мы и сочувствуем Гельварду Манну. Подними голову, читатель! Солнце всё ещё четырёхугольное?!...

9. ПЕЛЕНА (вторая редакция)

(Размышления по поводу романа Кристофера Приста
«ОПРОКИНУТЫЙ МИР» – «Иностранная литература»,
1983, №8, перевод и послесловие Олега Битова)

В романе Кристофера Приста «Опрокинутый мир» 89 журнальных страниц. На первых 60 страницах – всё как полагается. С первых же строк окунаешься в уже привычную, но такую захватывающую и каждый раз особенную атмосферу добротной романной фантастики о космических переселенцах, таинственных и невероятных мирах далёких планет. Сразу вспоминаются «Робинзоны космоса» Фрэнсиса Карсака и более современная «робинзонада» Робера Мерля «Мальвиль». можно вспомнить и «Поколение, достигшее цели» Клиффорда Саймака или «Экспедицию тяготение» Хола Клемента.

Так, не спеша, перемещаешься вместе с Городом по поверхности чужой планеты, живя радостями и горестями героев романа, мучаясь его загадками, стремясь к таинственному «оптимуму» сквозь пелену неизвестности. И постепенно вместе с Гельвардом Манном докапываешься до истины. Она оказывается удивительной и страшной. Ещё не всё понятно, но уже поражаешься мужеству и упорству землян, оказавшихся на этой странной планете и вынужденных двигаться со своим Городом за ускользающим от них «оптимумом». У них не остаётся ни сил, ни времени на что-либо другое. Главное – выжить. А помощь с планеты Земля придёт, не может не придти.

Только одно вызывает сомнение, не укладывается в привычную схему. Аборигены! Не то, что они похожи на людей – бывает! Не то, что они, собственно, и есть люди, и от смешанных браков рождаются дети. Может быть, генетический код един во Вселенной? Но не просто загадочно, а необъяснимо другое: они говорят на земных языках! Испанском, английском, французском! И никакого своего языка у них нет! Как же автор выкрутится, как объяснит необъяснимое? Может, они – не аборигены, а тоже пришельцы с Земли, только более ранние? Такое тоже бывало в фантастике. Но нет – у Кристофера Приста приготовлен для читателя сюрприз. Нечто небывалое!

За 19 страниц до конца романа привычная схема начинает рушиться. Неожиданно появляется женщина... из Англии! Разрушение стремительно: оказывается, нет никакой другой планеты. Дело происходит на Земле! А как же Город? Как же четырёхугольное солнце? Как же страшные приключения героя в «прошлом» – далеко к югу от «оптимума»? Ещё надеешься на что-то таинственное и замечательное – какое-нибудь искривление пространства-времени, чёрную дыру, нуль-переход в параллельный мир и тому подобные привычные вещи. Но нет! Автор безжалостно разрушает весь с такой тщательностью и даже с любовью выписанный мир. Никакой другой планеты, никаких чёрных дыр и параллельных миров. Всё – обман, иллюзия, владевшая людьми Города на протяжении двух столетий! И солнце – шарообразное! Конечно, не обошлось без небольшого фантастического изобретения – транслатационного генератора Дистейна, дающего даровую энергию, но вынужденного двигаться за потенциальным её источником – транслатационным окном, постоянно, хотя и медленно, перемещающимся по поверхности Земли. Опрокинутый мир оказывается обычной Землёй, просто генератор создаёт вокруг себя энергетическое поле, побочно влияющее на органы чувств горожан и вызывающее генетические отклонения. Всё – обман! Упорный, мужественный труд многих поколений жителей Города, их двухсотлетнее стоическое сопротивление враждебным силам, да что там – вся их жизнь оказывается ненужной, даже смешной, принесённой в жертву не великой цели выживания рода человеческого, сохранения цивилизации, а всего лишь – оптической иллюзии!

О чём этот роман? Что хочет сообщить нам Кристофер Прист? От чего предостеречь? О чём напомнить?

Читаю послесловие О.Битова. Сначала идёт подсчёт «невозможностей» романа – несоответствий науке. Затем подробно объясняется, что наука здесь ни при чём, что роман этот социальный и отвечает на вопрос «что было бы, если?...» Что вообще дело фантастики «не предсказывать, а предотвращать» (Брэдбери). Но ведь всё это прописные истины! Что с того, что какой-то академик до сих пор считает, что главное в фантастике «полная научная достоверность высказываемых идей». Наверняка найдётся академик, который вообще не читает фантастику и не понимает её. Стоит ли из-за этого доказывать то, что уже давно и неоднократно доказано? Можно было бы понять эти рассуждения О.Битова как краткое «предисловие» к его

послесловию. Но нет: это «предисловие» занимает 123 строки из 167 – три четверти! Что же остаётся на анализ романа? 44 строки, из которых мы узнаём, что Кристофер Прист – последователь и ученик Уэллса, что после «Опрокинутого мира» он ещё написал «Машину пространства», а затем переделывал «Опрокинутый мир». После всего этого о самом романе Битову, конечно, приходится говорить бегло и сжато.

Цитирую: «Если коротко, Город – это выразительный символ научной и социальной безответственности, своего рода самодвижущийся собрат нейтронной бомбы. Любая идея, способная и призванная принести людям ещё более полную власть над природой, – в данном случае идея неиссякаемого источника энергии, транслатационных полей – в обществе, где человек человеку волк, находит себе прежде всего варварские, уродливые воплощения. Город – одно из таких воплощений. Увы, одно из многих».

По Битову, тема «Опрокинутого мира» – «стержневая для всей современной фантастики»: ответственность науки перед человечеством. Скажу сразу: на мой взгляд, О.Битов просто не понял романа, который сам же переводил! Идея совсем в другом и лежит она гораздо глубже. Но ключ к её пониманию содержится в эпиграфе. Удивительно, как О.Битов смог пройти мимо этих красноречивых строк, взятых из Сэмюэла Джонсона:

Как оглянешься окрест,
В мире много странных мест,
А присмотришься сурово –
В мире странном всё не ново:
Труд с восхода дотемна
Да ошибок пелена.

В странном, «опрокинутом» мире движется Город. Но если присмотреться, ни в нём самом, ни в его обитателях ничто не ново. Люди работают, заводят семьи, рожают и растят детей, любят и расходятся. Но лишь немногие знают, почему Город должен постоянно двигаться вслед за «оптимумом», что находится за пределами Города и какая страшная гибель грозит всем, если движение прекратится. Эти люди – гильдиеры – выполняют тяжёлую и опасную в условиях странной планеты работу: прокладывают пути для движения, строят мосты. Есть среди них и разведчики

«будущего», как Гельвард Манн. Городом управляет Совет навигаторов. От остального населения тщательно скрывается тяжёлое положение Города. Гильдиеры опасаются паники и необдуманных действий, ведь за пределами городских стен, особенно в «прошлом», людям грозит гибель. Противостояние «посвящённых» и «непосвящённых» показано Пристом в любовной линии романа: Гельвард – Виктория. Гельварда посылают в «прошлое». И то, что он там видит, чувствует, то, что он чуть не погибает и с большим трудом ему удаётся вернуться в Город, – всё это убеждает его: никакой «несправедливости» нет. Есть трагическая действительность и навигаторы прилагают мужественные усилия, чтобы сохранить город, не дать погибнуть людям. И вот какой диалог состоялся между Гельвардом и Викторией после его возвращения:

« – А знаешь, системе гильдий скоро конец, – заявила она.

– Ну уж, не преувеличивай.

– Система разваливается. И её надо сломать до конца. Да оглянись вокруг – сам видишь, насколько всё изменилось. Каждый волен выйти за пределы Города когда угодно. Ясное дело, навигаторы будут цепляться за старое, потому что живут в-прошлом, но мы...

– Не такие уж они твердолобые, – возразил я.

– Можешь не сомневаться, они постараются восстановить секретность и гнёт.

– Ты ошибаешься, – произнёс я тихо и твёрдо. – Точно знаю, что ошибаешься.

– Допустим, ошибаюсь. И всё равно перемены необходимы. В Городе не осталась никого, кто бы не понимал, что наша жизнь под угрозой. Мы крадёмся по этой земле исподтишка, как воры, и тем самым лишь умножаем угрозу. Пришла пора, наконец, остановиться.

– Виктория, ты просто не...»

Что же Виктория «не»? Дальнейший разговор показывает: Виктория ратует за своего рода «социальную революцию», цель которой – остановить движение Города. Для этого нужно отменить систему гильдий, поскольку она и была создана только ради этого движения. Но в том-то всё и дело, что Виктория не знает, чем кончится такая остановка. А Гельвард знает – он был в «прошлом». Остановка – гибель.

Дело, оказывается, не в «секретности и гнёте», не в системе гильдий, не в узурпаторстве навигаторов. Это Гельвард знает, Виктория – нет. И мы постепенно наблюдаем развёртывание

«революции» в Городе. Её победа будет означать всеобщую гибель. Это знают и другие навигаторы, но...

Вот диалог Гельварда с разведчиком Блейном:

« – Значит, Гельвард, ты окончательно утратил объективность? Ты считаешь, что на свете есть лишь одна точка зрения – твоя?

– Нет, не считаю. Но тут не может быть никаких споров. Они: неправы, и ты знаешь это не хуже, чем я.

– Из того, что человек неправ, ещё не следует, что он дурак.

– Послушай, – взмолился я, – ты же побывал в прошлом. Тебе известно, что довольно Городу остановиться – и его неизбежно снесёт туда движением почвы. Какие же могут быть сомнения в том, что нам делать?

– Да, всё это мне известно. Но терминаторов поддерживает значительная часть горожан. Мы обязаны хотя бы выслушать их».

На стороне терминаторов оказывается. и глава мостостроителей – Деру, потому что оказывается неспособен построить мост через большую реку (на самом-то деле это не река, а Атлантический океан, но об этом ещё никто не знает – это впереди). Или потому, что среди главарей «революции» его дочь Виктория. Она выступает на митинге терминаторов, и Гельвард замечает: «По мне, всё это отдавало дешёвой риторикой, но толпе примитивные приёмчики Виктории пришлись явно по вкусу».

До сих пор мы, читатели, вместе с Гельвардом Манном знаем: остановка Города – гибель. Поэтому «революцию» терминаторов воспринимаем как безрассудный и неправый бунт, подкрепляемый «дешёвой риторикой». Демократия и свобода слова, когда нет знания, ведут к гибели.

Но удивительность повествования Кристофера Приста в том, что правы всё же оказываются терминаторы! Знание Манна – оптическая иллюзия! Но ведь и терминаторы оказались правы лишь чисто случайно – не в результате прозрения и познания. Терминаторы руководствуются не истиной, а её отрицанием. До самых последних строк романа наше читательское сочувствие всецело отдано главному герою – Гельварду Манну. Мы уже понимаем, что он заблуждается, – тем сильнее наше сочувствие ему. «Обман или не обман, а я верю тому, что вижу», – восклицает он, и мы остаёмся с ним. Совсем не случайно Прист сделал своего героя ещё и художником – не для того

ли, чтобы на последней странице романа Гельвард Манн сказал: «Солнце спускалось к северо-западному горизонту. Какое же это было прекрасное, своеобразное зрелище! Изящный, загадочный огненный контур, эстетически куда более привлекательный, чем безыскусный шар. Жаль, что мне так ни разу и не удалось удовлетворительно передать красоту этих линий на бумаге».

Что такое Город? Эта наш с вами мир, читатель. Это наша технологическая цивилизация, девиз которой: «Быстрее! Быстрее! Ещё быстрее!» Как в «Алисе»: чтобы только оставаться на месте, нужно бежать изо всех сил. Это мы стремимся к недостижимому «оптимому». Таково свойство прогресса: цель его неуловима. Это движение ради самого движения. Это процесс, порождающий и продолжающий сам себя. А каковы опасности нашего стремительного движения, мы все хорошо знаем: ядерный кризис, кризис экологии, демографии и т.д.

Куда мы стремимся? Провозглашаем множество прекрасных целей и идеалов, но на практике лишь одна цель оказывается доминирующей: выжить, выжить любой ценой. Потому что наш путь не оставляет нам времени и сил на что-то другое. Едва дело доходит до «раскрытия и совершенствования личности», как мы вступаем в противоречие со всей системой цивилизации – с «производственной необходимостью», «дисциплиной труда», «интересами государства», «национальной безопасностью» и прочим, прочим, прочим. Мы говорим, что строим «базу», фундамент для прекрасного здания. Мы строили его и десять, и пятьдесят лет назад, но так дальше фундамента и не продвинулись. Мы закопались в гигантском промышленном котловане. Дойдёт ли дело до возведения стен? Мы всё время лишь подготавливаем почву для последующих поколений, мы отказываем себе, чтобы нашим потомкам жилось лучше. Но так ли это? Не самообман ли тут? Что получают от нас потомки, кроме недостроенного фундамента и гигантской технологии создания фундаментов? Лишая себя, не лишаем ли мы и потомков наших всех тех идеалов, которые мы провозглашаем столь усердно и столь же усердно отодвигаем на будущее? Наступит ли это будущее? Его ли мы готовим? Мы лепим его по своему образу и подобию. Гонка, гонка, гонка прогресса.

В этом движении есть свой героизм, своё мужество, своя гордость и своя красота. Об этом пишет Кристофер Прист. Прекратить это движение «просто так», как предлагают многие нынешние и

прошлые терминаторы («назад в пещеры!»), означает только одно – погибнуть. И всё же этот мир – опрокинутый! Пока мы смотрим на него его же глазами, мы не видим выхода, наши призывы «остановиться» – преступны. Но симптомы прозрения уже появляются. Уже можно заметить слабые ростки иной мысли. Скинуть с себя наваждение, попытаться выбраться из кошмара иллюзий – призывает Прист. Мы не на другой планете! Мы на Земле – на Земле мыслителей, художников, поэтов, учёных. Не стала ли наша экономика подобием генератора Дистейна, заставлявшего людей Города двигаться всё время вперёд и вперёд, напрягая все силы, к ускользающему «оптимому», весь смысл которого сводится к тому, что возле него можно немного перевести дух. Прист предупреждает: наше сознание отравлено побочным действием «генератора Дистейна» – возможно, мы даже генетически стали уродами.

Никто не против экономики и технологического прогресса, разве только крайние «терминаторы» – их-то и разоблачает Прист. Им надоело двигаться и они полагают, что достаточно будет рвануть стоп-кран, чтобы всё встало на свои места. Между тем, всё обстоит далеко не так просто. Остановиться нужно, нужно ограничить власть экономических интересов, примат производства. Но генераторы Дистейна можно оставить, пусть они станут «стандартным повсеместно принятым технологическим процессом» (как это и произошло в романе на остальной части Земли – вне Города) – но только не идиологией и кумиром общества, который в зависимости от принятой терминологии называют «прибылью» или «планом».

Настоящее прозрение всегда трагично. Рушится вся система ценностей общества и отдельного человека. Потому-то мы и сочувствуем Гельварду Манну. Но подними голову, читатель: Солнце всё ещё четырёхугольное?...

10. 1. Кто мы?

25.11.83

Отчаявшиеся, усталые, запутавшиеся люди. Мы запутались в сложной сети взаимосвязей между реальностью и идеалом. Мы устали разматывать этот моток проволоки – жизнь. Мы отчаялись выбраться из паутины «здесь» и «теперь».

Мы – как дети – верим в величие смысла жизни. Испуганные деаи, которые боятся открыться в своей вере. С испуга мы стали циниками, интеллектуалами. Ирония – наш дырявый щит.

Чего мы испугались?

Себя? Мира? Людей?

Неужели есть люди бесстрашные в своём неверии? Смело говорят они себе: – Да, мы те, кто мы есть! – Холодом веет от этих людей, могильным холодом в тёплом уюте их квартир. Мы страшимся их. Мы страшимся быть ими. Мимикрия – наше оружие. Быть как они – чтобы выжить. Но не быть ими – чтобы остаться самими собой. Чтобы не порвать тонкую нить, связующую нас... С чем? Но ведь с чем-то мы связаны! Не может быть, чтобы мы кончались здесь – на границе кожи и воздуха.

Наше оружие обоюдоостро. Мы теряем товарищей. Мы играем в жизнь. Презабавные головоломки встречаются. Как будто есть что-то кроме жизни. Мы играем с огнём, в котором сами же и сгораем. Путники – от слова «путы» и от слова «путь». По лезвию бритвы между реальностью и идеалом. Над пропастью лжи.

Но согласитесь – превосходнейшая вещь – чай с яблоками! Выпив кружку такого чая, надо налить доверху новую кружку и в ожидании, пока чай несколько поостынет, выкурить хорошую сигарету с фильтром. Твёрдо веря, что это на пользу. Замечательное средство для улучшения структуры момента.

Возникает приятная иллюзия ясности мысли (самих мыслей нет!). Повышается быстрота реакции и оживляется речь (говорить нечего!). Человек начинает чувствовать себя интеллектуалом и ему

кажется, что изначальный смысл бытия уже проглядывается в лёгкой дымке (всякий, кто думает, что ему понятны дела рук господних, – глупец).

Будем вести разговоры за чаем. Давайте вашу кружку! Вам без сахара? Настоящий чай пьют без ничего!

Должно же быть величие без обмана. Должны же быть высокие слова – выше самых высоких инстанций. Как Слово, которое было вначале. Ведь с чем-то мы связаны!

В этом цирке, мы – фокусники, жонглёры и клоуны. Не быть нам под куполом! Но ведь с чем-то мы связаны!

Мы не можем претендовать на понимание Божьего Замысла. Поэтому мы будем стремиться достигнуть самых высот. Мы объединим наши усилия в этом безнадёжном предприятии.

ТИХО, ТИХО ПОЛЗИ,
УЛИТКА, ПО СКЛОНУ ФУДЗИ
ВВЕРХ ДО САМЫХ ВЫСОТ...

11. 2. Высшая инстанция дела нашего – ЦЕНТР

25.11.83

Где находится Центр и чем занимается – понять трудно. Это покрыто мраком. Но везде и всюду чувствуется влияние Центра. Истоки его восходят к Большому Взрыву. В устье его гибнет Вселенная. В середине, на гребне волны покачивается наш уютный Мир.

Между Центром и остальными инстанциями никакой явной связи не существует. Но время от времени появляются Директивы Центра. Соблюдение этих Директив строго обязательно, однако подчас бывает совершенно невозможно дать им однозначное толкование. Поэтому появляется много разных Толкований, на основе которых и строится деятельность остальных инстанций. Толкования часто взаимно противоречат и нужны большое умение и изворотливость, чтобы следовать Толкованиям. За всю историю Центр ни разу не пытался разъяснить или истолковать свои Директивы сам. Вместо этого всегда появлялась следующая Директива.

Поскольку в настоящее время существует Деревня, то имеется особое Управление по делам Деревни. Деятельность Управления, в отличие от Центра, всегда конкретна. Управление ведает всеми деревенскими делами, разрешает все споры между жителями Деревни, организует Сходки, разрабатывает программы развития Деревни на очередной период и организует претворение их в жизнь. Однако стратегические цели Управления никому не известны, потому что восходят к Центру. Поэтому иногда те или иные действия Управления остаются непонятными для жителей Деревни, которые могут судить об этих действиях лишь по их последствиям для деревенской жизни. Часто весьма отдалённым.

Управление располагается в Ратуше. Это совсем небольшое здание – всего в два этажа – сложенное из серого камня, увенчанное тремя башенками и обременённое тремя балконами. Парадный вход с фальшивыми колоннами и мраморными ступенями наглухо зацементирован. Из двух боковых входов открыт всегда один. Но какой именно – угадать невозможно. Есть ещё задний вход, но он настолько мал, что в него пролезает – и то с трудом – только Леший. Леший – чёрно-белый, лохматый терьер. Характер у него

исключительно нервический, а нрав переменчивый. Его любимые занятия – ласкаться и кусаться. И тому и другому он предаётся самозабвенно и при первой возможности.

Ещё в Ратуше живёт Шипун – огромный чёрный кот неопределённого возраста. Но он предпочитает лазить через окно второго этажа, выходящее на крышу одной из башенок. Шипун глуп и простодушен. Мяукать он не умеет, да и шипит редко. Его любимое занятие – лежать на подоконнике и часами наблюдать за перемещениями птиц. За всю свою жизнь он не поймал ни одного воробья.

На первом этаже в углу большой и совершенно пустой комнаты стоит кадка с фикусом. Это мощное дерево уже долгие годы растёт и не шелохнётся.

Больше в Ратуше ничего интересного нет.

12. 3. Наша цель – Процветание в широком смысле

18.12.83

Именно – в ШИРОКОМ! Иначе понимание цели нашего движения будет неверным или извращённым. Движение у нас – центростремительное, мы стремимся к Центру. Центробежники – предатели дела нашего. Их лагерь – за болотом; говорят, у них хвосты вместо носа, и они не умеют разговаривать – всё время визжат.

История движения нашего уходит вглубь времён и там теряется. Во тьме нецентрализованного Хаоса. На первом этапе Процветание понималось как ВСЕМЕРНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ, то есть Становление по всем пунктам. Сначала ничего не было, потом оно начало становиться и постепенно стало. Теперь оно одерживает. Иными словами, в наше время Процветание понимается как Одержжание. ВСЕМЕРНОЕ ОДЕРЖАНИЕ – Одержжание по всем пунктам.

Работа и Центра и Управления происходит по Программе Одержжания. Между Одержжанием Центра и Одержжанием Управления имеется определённая связь, так же как и определённые различия. В зависимости от ситуации Одержжание называется также Удержанием, Воздержанием, Поддержанием и Задержанием. Зависимость эта неясна. Одержжание следует отличать от Недержжания. Судя по всему, Одержжание – это хорошо, а Недержжание – плохо. Но иногда встречается нехорошее Одержжание и полезное Недержжание.

Программа Одержжания хранится в строгом секрете и точно неизвестно, существует ли она вообще в явном виде. Тем не менее в Директивах Центра и Указаниях Управления часто имеются ссылки на Программу Одержжания и иногда цитируются даже целые куски текста Программы. Во всяком случае всякие сомнения предосудительны и центробежны.

Сходки жителей Деревни происходят как по Указанию Управления, так и стихийно. В последнем случае Указание поступает от Управления после Сходки. На Сходках жители Деревни общаются между собой. Конечная цель Общения изложена в Программе

Одержания. Отдельные стороны порядка проведения и назначения Сходок освещены в Директивах Центра и Указаниях Управления. Вообще говоря, при внимательном наблюдении между Общением и Одержанием можно усмотреть некоторую связь. Так например, часто говорят, что происходит Общение в целях Одержания. Общение в некоторых случаях приводит к Слиянию. Слияние как таковое не равнозначно Одержанию, но представляет собой более решительный шаг к Одержанию, чем простое Общение. Следует, однако, отметить, что довольно часто встречаются Нежелательное Общение и, соответственно, Предосудительное Слияние. Они играют на руку Недержанию.

Сходки происходят на центральной площади. Некоторые вновь прибывшие думают, что центральная площадь находится в центре Деревни и безуспешно ищут её там. Между прочим, это небезопасно – в центре Деревни располагается Тёмная Чаща и там что-то водится. На самом деле центральная площадь – это площадь перед Ратушей, а Ратуша расположена на самом краю Деревни. Дальше – Незарастающий Пустырь, за которым сразу начинается Дремучий Лес.

Рядом с Ратушей проходит Колея – старый железнодорожный путь, который, как говорят, ведёт в Центр. Колея проходит по краю Деревни и углубляется в Дремучий Лес. Раз в год с великим грохотом и лязгом, в облаках пара и дыма, сыпля рыжими искрами и оглашая окрестности мощным трубным рёвом по Колее мчится Поезд. По Указанию Управления этот день объявляется праздником и специальный духовой оркестр, составленный из жителей Деревни, должен встречать Поезд около Ратуши, исполняя деревенский гимн "Расцвели розовые звёзды на хрустальном куполе небес". Однако заранее никогда не бывает известно, в какой день промчится Поезд, и в какое время суток. Его гудок застаёт музыкантов в самых разнообразных местах. Каждый спешит домой за своим инструментом и, закинув за плечо трубу или барабан, бегом направляется к Ратуше. Если кто успевает добежать вовремя – пока Поезд ещё не прошёл – он начинает сразу играть, не дожидаясь остальных. Обычно это бывает Старый Барабанщик, который живёт недалеко от центральной площади и всё время копается в своём огороде рядом с домом. Запыхавшийся, он подбегает к Ратуше в тот момент, когда паровоз уже подходит к зданию, и в облаках пара и дыма едва держась на ногах под напором ветра, начинает бить в свой барабан. Конечно, его совсем не слышно.

Поезд мчится на страшной скорости, не сбавляя хода, и мимо Старого Барабанщика мелькают бесчисленные вагоны и цистерны. С лесом, машинами, нефтью, цементом, песком, рудой, металлом, бетонными плитами и контейнерами с чем-то ещё. Когда хвост поезда уже скрывается в Дремучем Лесу, подбегают остальные оркестранты и общими усилиями бодро заканчивают гимн. Потом возвращаются все вместе, заходят в деревенскую чайную и пьют чай до вечера, обсуждая событие и споря до хрипоты, сколько было вагонов и что в них везли.

Некоторые считают, что когда-то Ратуша была просто Вокзалом. Там продавали пиво, бутерброды с сыром и билеты на проходящие поезда – тогда они ещё останавливались. В то время можно было совсем просто сесть на поезд и доехать до Центра.

Но это, конечно, только красивая легенда, сказка и миф. Всем известно, что к Центру можно только стремиться, но попасть туда невозможно. Это противоречило бы законам природы.

13. Важная вестъ

3-4.12.83

Странно уже то, что из моего окна не видно горных вершин, сияющих необычайным светом. И ветер не доносит до меня дыхания вечных снегов. И взгляд не уносится в бесконечные дали за линией горных хребтов.

Я живу не в центре великой пустыни. Где днём раскалённое солнце опускается на барханы и трудно идти сквозь белое небо, и любая вода – живая. И ночью я не дрожу от холода под чёрным Космосом и звёздные лучи не достигают меня.

Не ищите меня и на берегах великой реки. Среди развалин древнего города, укрытых в могучих джунглях во влажной полутьме растений. Старые камни, хранящие ушедшую мудрость, не разговаривают со мной.

Я – как и вы. В Европе на окраине многолюдного города стоит мой дом. Двенадцать этажей и двести квартир, лифт, электричество, водопровод и центральное отопление. Телефон – но об этом позже. В моём окне — точно такой же дом – огромная стена с правильными рядами квадратных застеклённых отверстий. По утрам я вижу солнце отражённое в окнах чужих квартир.

И всё же я хочу сообщить вам важную вестъ. Я призываю вас обрести веру. Не усмехайтесь моему призыву. Честное слово, нам всем грозит гибель!

На планете Трандагор давно распознали опасность. Поначалу думали – будет Оледенение. Солнце остынет, наши леса и поля покроются снегом, дома засыпят сугробы – большие как горы. Замёрзнут реки и океаны. И жизнь остановится. Дело шло к тому. Но это – ещё не большая беда. На Трандагоре умеют изготавливать искусственные солнца и готовы были поделиться ими с землянами. Но последние расчёты показали иное.

Большой огонь пройдёт по Земле. Сгорят леса и поля, сгорят дома. От жара треснут горы. Сама вода начнёт гореть и запылают океаны. Раскалённый ветер развеет пепел и долго будут стоять

сумерки под серым небом. Наконец прольётся смертельный дождь и всё, что осталось живым, станет мёртвым, испив ядовитой влаги.

Такое уже случилось во Вселенной. Трандагорцы знают. Люди обречённых планет теряли веру. И помощь была бессильна.

В незапамятные времена приняли трандагорцы первые сигналы с Земли. Слабые сигналы просыпающегося сознания. Заряд мысли так же невидим и неосязаем как заряд электричества. И так же бесконечно распространяется его влияние. Волны сознания пронизывают Вселенную. На Трандагоре научились чувствовать биение этих волн и много удивительного и поучительного узнали о других мирах. С радостью внимали они эволюции земной жизни.

Путь разума труден — по горным кручам к сияющим вершинам. Но чем выше проходит тропа мысли, тем ближе подступают к ней бездонные пропасти. В долинах безмыслия оступившийся отделяется лёгким ушибом, в высоких горах ошибка приводит к гибели.

Трандагорцы встревожились, когда возникли помехи. В стройную мелодию восходящей мысли ворвались скрежет и визг и глухие удары. Зло есть болезнь разума. Невежество и эгоизм, ненависть, корысть и глупость, тщеславие и лицемерие, ложь и презрение к мысли — вот её симптомы.

Безмерно далеки расстояния Вселенной. Скорость света кладёт предел для протянутой руки друга. Зов о помощи, несомый лучом света, будет долго сверлить пространство, когда пославшие его уже погибнут. Но мысль не имеет предела, ибо движется не в тёмных пустынях космоса, а в ясном сознании людей. Мысль рождает отзвук. Если душа ваша не спит. Если чувства ваши не огрубели. Если ваше сознание настроено по высокому камертону Вселенной. Тогда нет пределов для вас, ваш разум открыт для контакта. Вы сами услышите голоса живущих и свободно шлите ваш зов — он будет услышан.

Трандагорцы знали этот Закон Вселенной. Лучшие люди Трандагора неустанно думали о судьбах Земли. Их высокие мысли рождали отзвук. По дорогам земных материков шли пророки грядущего. Мученики истины, добра и красоты принимали смерть от невежественных толп. Мудрецы уединялись в пещерах высоких гор,

чтобы без усталости слать свой призыв к свету. Герои вставали на борьбу со злом, вели за собой людей и погибали в бою.

Но были ли они простыми ретрансляторами чужого сознания? Нет! Ибо Закон Вселенной гласит: «Да услышат высокие мысли лишь высшие души! Низкие духом да не увидят пути, хотя бы они стояли на его обочине. Зло не должно пройти по нему». Подвижники Земли слышали голоса Трандагора, потому что их собственный голос звенел на той же высокой ноте. Так рождалось великое Учение: в тысячах видах, миллионах оттенков. Великие религии несли миру веру в него. Высокая наука разъясняла его положения. Прекрасное искусство вдохновлялось им и открывало людям его красоту.

Путь разума труден и долг. Шло время. Пророчества не сбывались так быстро, как хотелось бы. И пророков побивали камнями и отворачивались от них. Возглашённая истина не приводила к немедленному переустройству мира, но люди не понимали, что истина должна заново рождаться в сердце каждого, появляющегося на свет. И люди не признавали истину и горели костры Инквизиции. Плотные волны света лились с высоких гор из уединения мудрецов, но они проходили без задержки, как сквозь пустоту, через разреженное эгоизмом и невежеством сознание людей. И люди смеялись над отшельниками и презирали их как бездельников. Герои одерживали победы, но всякая победа – лишь часть пути, а людям хотелось всё сразу. И когда герои терпели поражение, их ближайшие сподвижники переходили на сторону врага.

Путь разума труден и долг. Шло время. Великие религии погибали в церквях, священнослужители погрязли в корысти и лжи. Именем великого Учения они набивали свои желудки. И многие потеряли веру. Выросла мощь науки и люди увидели пользу её. Достижения науки поставили на службу потребностям людей. Но была утеряна цель и потребности не стали высокими и наука перестала различать добро и зло, без разбору творя средства для того и другого. И многие разуверились в научном прогрессе. Совершенствовалось прекрасное искусство и лучшие образцы его сияли как высокие, и чистые вершины. Но у подножия копилась грязь и отбросы и красота стала не целью, но средством украшения пошлостей жизни. Её покупали и продавали. И многие отвернулись от бессильного искусства. Великие идеалы справедливости гении человечества и сила народа воплощали в жизнь. Но воплощение шло

через кровь и слёзы, огнём и мечом. На развалинах построили новые храмы, но не забыли и тюрьмы. Насилие воина сменилось насилием соглядая. Идеалы забросили за горы будущего и реальность жизни лишь сменила вывеску. И многие утратили веру.

Лицо религии искажено гримасой лжи и суеверия. Бесстрастно и холодно омертвевшее лицо науки. Вдохновенное лицо искусства улыбается улыбкой юродивого. Благородное лицо справедливости лоснится от жира.

Что же вы, люди?! Отчего в суете повседневности вы равнодушны к происходящему? Разве вы не видите, что топчетесь на месте у края пропасти, тогда как путь продолжается дальше и выше? За что ненавидите сами себя? Как хорошо вы научились воевать, но для какой битвы вы копите оружие? Во имя чего вы хотите сражаться? Кто ваш враг? Вы не знаете? Вы презираете и боитесь сами себя. Вы идёте к самоубийству. Почему?

Вы утратили веру. Нынче никто ни во что не верит. Каждый ищет веру. Но ищет её для себя. Он обречён на неудачу. Есть только общая вера. Не «я», но «мы»! Но разве можно верить в богатство и насилие? Не различаю лица человечества.

На Трандагора идёт напряжённая работа мысли. Мощный призыв готов прозвучать здесь, на Земле. Но найдётся ли высокий голос среди бессвязного бормотания потерявших веру?

Я – как и вы. Я не верил. Годы мои как плохо обработанные камни слагались в шаткую и бессмысленную постройку. Я был не только плохим архитектором, но и никудышным каменщиком, потому что не было у меня ни великой цели, ни великого плана. Жизнь проходила в неясной тоске и безотчётной тревоге.

Свет истины был возвещён мне по телефону. Ну, что ж, вполне в духе времени. Какой-нибудь чудесной и возвышенной форме я бы тогда, пожалуй, и не поверил. Что же заставило меня верить этому тихому голосу в пластмассовой телефонной трубке? Я не знаю. Наверное, мы способны внимать лишь тому, кто верит сам. Разум чувствует истину, как сердце чувствует любовь.

Кто это был? Я не знаю. Если вы верите, такие детали становятся несущественными. Вы ждёте от меня рассказа. Рассказа о чудесных явлениях и таинственной мудрости древнего Учения. О

великой эволюции Жизни. О далёкой планете Трандагор. О единстве сознания Вселенной. Вы хотите получить всё в готовом виде. Вы хотите слушать, но не мыслить. Но нет этого готового вида. Что могу сказать я? То, что я думаю и чувствую, – истина ли это для вас? Здесь ведь нет даже ничего оригинального. Я не придумывал свою веру. И я ничего не помню из того, что говорил мне тихий голос. Выходит, я обманываю вас? Пусть так. Когда вы найдёте свою веру, вы поймёте меня и мы увидим, что у нас одна общая вера.

Для чего же тогда мой призыв? Какую весть я хотел сообщить вам? Только одно: не отчаивайтесь! Вера существует, она жива и ждёт вас. Это вера в будущее. В то, что оно будет. В то, что путь продолжится и поведёт к сияющим вершинам. В то, что смерти нет, ибо мысль бессмертна. В то, что дорога эволюции не была напрасной, вы стоите на её вершине и время ждёт от вас движения дальше и выше. В то, что судьбы мира целиком зависят от вас.

Трандагор с вами. Вы можете не верить в инопланетян, но люди всех планет Вселенной – с вами. Вы можете не верить в себя, в человечество, в бессмертную мысль Вселенной, но эта вера существует. Она была, есть и будет. Не пройдите, мимо неё слепо и глухо. Откройте душу свою для радости познания и творчества. Не отказывайтесь от сотворения мира. Творцы Вселенной – люди всех планет – уже работают вместе с вами.

А телефон... может быть, это будет что-то другое, У меня есть пёс и раньше я не понимал его настойчивого взгляда. Я думал – он просит есть или гулять. Теперь я верю и, когда мой пёс радуется свежему воздуху и зелени леса, я радуюсь вместе с ним. Маленький клочок леса у подножия огромных стен с застеклёнными отверстиями. Его красота творит нас – меня и моего пса. И мы не отказываемся от радости и творим красоту леса: белых стволов берёз и тёмных стволов дубов, зелёных ветвей, травы и земли, синего неба и белых облаков и солнечных лучей света.

В моём окне – огромная стена с правильными рядами квадратных застеклённых отверстий. По утрам я вижу восходящее солнце отражённое в окнах чужих квартир. Быть может, на закате вы видите солнце отражённое от моего окна. Встретимся взглядом!

14. Повсеместно сушится живое начало

7.12.83

Повсеместно сушится живое начало.

Я видел людей – засохших как осенний лист. Хрупкие, лёгкие, твёрдые, послушные воле ветров, без капли влаги, с характерным скрипом в суставах души. Вонь страшная — они смазывают суставы рыбьим жиром. Тройки сидят на них как мундиры – снимают ли их на ночь? Галстуки – высушенные змеи на шеях шаманов. Когда они камланят на совещаниях, я перестаю понимать русскую речь.

Это какая-то особая форма жизни.

Буйство красок и звуков? Мудрость веков? Идеалы будущего? Чувство единения с миром? Радость познания? Экстаз красоты?

Неведомы эти понятия. Иерархия, структура и система. Точно рассчитана сеть ячеек. Сложные взаимосвязи. Регламент. Субординация. Координация. Иван Иванович сердится.

Не память былого – архивы пыли. Не будущее мечты – сетевой график исполнения. Не радость творчества – согласованное реагирование. Не праздник победы – отчёт о выполнении. Не призыв живущим – циркуляр вышестоящей инстанции. Не жизнь – автоматическое регулирование.

Против бюрократии, как таковой, не имею что возразить. Эта деятельность может развиваться сама в себе, не губя живого. Всякое «исходящее» – оно же туда же и «входящее». Вспомним «тёмные века» средневековья – схоластику и схоластов, Не количество чертей на кончике булавы они вычисляли. Чеканилась логика – та самая научная логика – блестящая и точная как клинок – которая ныне оплот науки. Её фантастические плоды мы наблюдаем и ими пользуемся. Телефон – справа на моем столе, электрическая лампа – слева на моём столе.

И всё ж Возрождение ворвалось свежим и сильным ветром. Возрождение – великий итог и великое отрицание средневековья.

Жажду свежего ветра!

Бюрократия – порождение трусости и способ существования трусов. Правитель боится своего народа и даёт законы. Учитель пугается зарождающейся мысли своих учеников и изобретает методики. Хозяйственник страшится своего дела и прячется за планы, подписанные начальством. Человек боится себя самого и живёт по инструкции.

Может быть бюрократическое искусство точит новую логику. Но дело зашло слишком далеко. Придёт ли Возрождение?

15. О НРАВСТВЕННОМ АНТРОПОЦЕНТРИЗМЕ

10.12.83

«Всё во имя человека. Всё для блага человека»!

Это называется гуманизмом.

Это можно назвать нравственным антропоцентризмом.

Иерархия любви. По-настоящему человек любит лишь самого себя. Любовь к другому человеку лишь потому, что он – тоже человек. Как и ты сам. Но уже здесь возникают свои сложности – расизм, национализм. С этой дискриминацией в любви мы боремся. Гуманизм провозглашает равенство людей в любви. Общечеловечность, Мы дошли до понимания этого. В теории – далеко не в практике.

Следующий уровень – братья наши меньшие. Во-первых, любовь к наиболее приближенным к нам существам – домашним животным. Мы знаем поразительные примеры любви к своему коню, своему псу, своему коту, своей корове. Правда, обычно принято говорить не о нашей любви к животным, а об их любви к нам. Привязанность, верность. Призывают не столько любить собаку, сколько жалеть её. Беззащитность и зависимость от нас – это вдохновляет нас на жалость. Но если собака начинает бросаться на детей – её надо усыпить.

Дикие звери. Можно ли любить тигра? Восхищаться его красотой, ловкостью, интересоваться образом жизни, удивляться – это пожалуй. А любить? Есть и тут поразительные примеры. Но уже меньше. И уж, конечно, никак нельзя любить жабу! Понятное дело, тигр – млекопитающее, а жаба – пресмыкающееся. А пауки? А черви? Муравьи – санитары леса. Не разоряйте муравейники! Это понятно. Но любить муравьев? Дельфин – другое дело, у него мозг большой, он людей спасает. Вот его ещё можно любить.

Странная любовь получается. На корысть смахивает, на бездушный расчёт: «Ты похож на нас, ты к нам хорошо относишься – за это мы тебя немножко любить будем».

О растениях я уж не говорю. Нам может быть жалко старый дуб, который срубают при прокладке шоссе. Почему? Мы чувствуем его красоту и её нам жалко. В его тени было бы приятно отдохнуть и нам его жалко. Во время прогулок на нём радуется глаз и нам его жалко.

Эстетическое чувство наше намного шире чувства нравственного. Мы чувствуем и восхищаемся красотой таких вещей, к которым по нашим понятиям нравственность вообще смешно применять. Например, северное сияние. «Любить природу!» – это чувство этическое или эстетическое?

И всё же, и всё же... Мы говорим ведь: – Безнравственно мучить лягушку! Безнравственно сломать ветку дерева! – Правда, редко говорим. И не каждый ли раз добавляем – Сегодня лягушка – завтра жестокость к людям. Нехорошо ломать дерево «от нечего делать». – А если доброта к людям и жестокость к лягушкам, то это ничего? А если дерево нужно для хозяйственных нужд в порядке «плановых вырубок», то это нравственно?

Робость, неуверенность нравственного чувства.

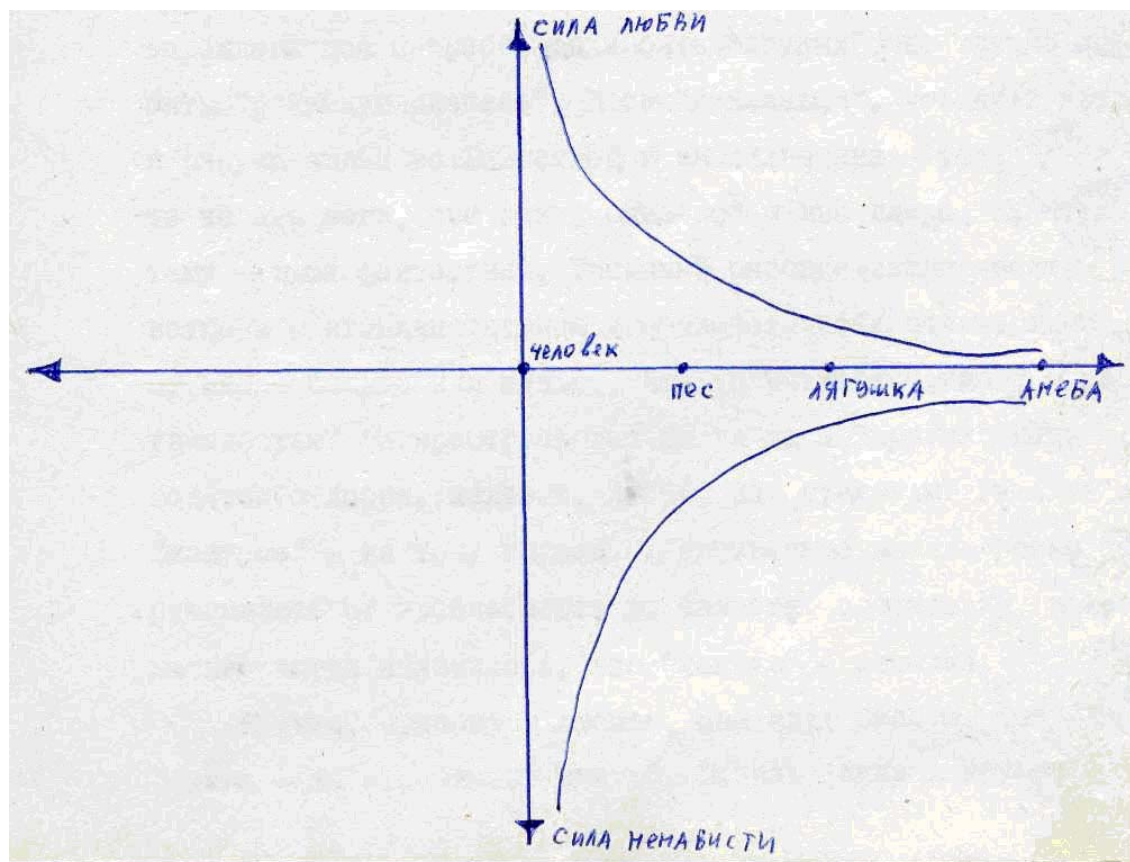
Красота гор, красота пустынь, даже красота болот. Горы любят, пустыни – реже, но бывает, а болото?

Можно ли любить электрон? Или планету Марс? Или Крабовидную туманность? Или донные отложения? Или теорему Пифагора? Но говорят ведь: – Я люблю математику! – Это уже совсем не этическое чувство, и даже не чувство красоты, хотя красота в науке – вещь важная. Но здесь прежде всего речь об Истине. Любопытство, познание, научный поиск, труд разума. Истина ещё шире Красоты.

Иерархия любви. Перевернутая пирамида – чем выше к человеку, тем больше область нравственности. Чем дальше от человека, от нас самих – тем меньше любви.

Ну, хорошо: любить электрон нельзя. А ненавидеть? Можно ли испытывать чувство ненависти к лягушке или болоту или дубу или тигру? К тигру – можно, сразу скажете вы. К лягушке – нельзя. Но что можно ненавидеть больше всего? Не что, а кого – человека.

Иерархия ненависти. И иерархия любви. Вот как на этом рисунке:

Область нравственности сужается по мере удаления от человека. Человек – точка отсчёта. «Мерило всех вещей». «Человек – это звучит гордо!» А лягушка – нет.

И всё же, и всё же... «Белый Бим, Чёрное Ухо». Откуда эта «сентиментальность»? Откуда многочисленные табу – «не убий», нет, не человека, а например, корову, как в Индии? Лев Толстой со своими «тварями божьими». Индусы со своим перевоплощением, быть может, в ту же лягушку. Наконец, современные «зелёные» партии. Только ли забота о самих себе? Или всё же хоть чуточку просыпающаяся любовь к жизни вообще? А общества охраны животных? Откуда эта наша заочная любовь к «братьям по разуму»? Правда, желательно, чтоб они были похожи на нас. Д.Биленкин, «Снегурочка». Трудно всё же любить «разумную плесень». То ли дело «Великое Кольцо»! Чувствовал Ефремов настоящую нарождавшуюся потребность любить «других», но трудно любить «разумную плесень». И он «доказывал», что пути жизни и разума едины во Вселенной и инопланетяне – те же люди, те же две ноги, две руки, один нос и два глаза. На эту тему – тьма фантастики.

Типичный рассказ-эксперимент: встреча с инопланетянином (инопланетянкой) отличающимся от нас — больше или меньше. Что получается с нашей нравственностью? Распространяются ли на «других» наши понятия о добре, жалости, любви, наш гуманизм? Рассказ о «кактусе» — на тему морали. Общественное мнение резко переменялось от враждебности до жалости, сочувствия, даже любви, когда выяснилось, что «кактус» — женщина.

Истина, красота и любовь. Они идут вместе. Сначала Истина — мы стремимся «знать». Познав, даже в процессе познания, мы начинаем чувствовать красоту познаваемого. Красота вызывает любовь — через восхищение, стремление сохранить, защитить, сочувствие, жалость. Таков путь человека. Путь к «другому», который становится «своим».

Красота математической теории! Не собой: ли мы любимся? Не своим ли умением, творчеством? Я не против эгоизма — нельзя любить другого, не любя себя. Я не против гуманизма — нельзя любить «нелюдей», не любя людей. Я против антропоцентризма, который ставит «рамки», «границы», «пределы».

Как характерно мнение о литературе, как «человековедении»! Лягушки нас не интересуют! Пусть ими занимается наука!

Пусть человек — мерила всех вещей. Но нельзя же расстояния мерить в килограммах! «Мерило» должно быть соразмерно измеряемому. Что это значит? Не «других» подгонять под себя, не судить тигра судом человеческим. Но уметь понять «другого». Человек должен «дорасти» до лягушки. Сначала хотя бы до понимания, что и лягушка чувствует боль, когда ей отрывают лапку.

Литература изучает не человека, но мир глазами человека. Наука старается абстрагироваться от этих «глаз», от наблюдателя. Но вспомним «принцип дополнительности»! Это в физике. А важность «приёмника информации» в кибернетике? Тем более в искусстве — не абстрагироваться от человека я призываю. Но смотреть на мир, приближаться к этому миру. Если литература будет воспитывать человека лишь в духе гуманизма, то есть любви к человеку же, получится замкнутый круг. Порочный круг. Чтобы его разорвать, нужно «повернуть глаза наружу». Человек должен идти к миру. Рерих употребляет термин «вмещение» — нужно уметь вместить в себя и лягушку и «разумную плесень» и северное сияние.

Таким мироощущением навеяны мои стихи, написанные год назад, но полностью осознанные лишь теперь.

Как могу я любить эту Землю?
Ведь она лишь частица пыли
На долгом Млечном Пути.
Это было бы несправедливо
В отношении других частиц.
Как могу я любить Вселенную?
Это значит любить всё сразу,
Не деля на добро и зло,
Не имея точки опоры,
Не смея ненавидеть,
Не чувствуя ничего.

Это не парадокс и не красное словцо. Я действительно думаю, что «несправедливо». Но вот «скачок» совершить невозможно,. Нельзя вдруг полюбить всё – теряется точка опоры, в безвоздушном пространстве абстракций исчезает чувство, пропадают ориентиры. Надо, чтобы «земля» всегда была под ногами, чтобы всегда была твёрдая точка опоры. Но пусть эта «точка» будет вершиной горы. Горы понимания, понимания истины, красоты, горы любви, горы «вмещения». И пусть гора эта растёт бесконечно...

Нельзя полюбить «другую» Землю, не любя «эту». Но нельзя по-настоящему, не эгоистично, не корыстно, не вслепую любить «эту» Землю и только «эту». Нужно стремиться к «другим» Землям. Стремиться понять их, почувствовать их красоту, и полюбить их. Вселенная едина. И она одна. Не потому нельзя мучить лягушку, что это воспитывает жестокость к людям, а потому, что жестокость – одна.

Но как же быть с «хозяйственными парубками» леса и каменоломнями в горах и медицинскими опытами на собаках?

Не знаю... Но знаю, что нельзя успокаиваться. Совесть человеческая спать не должна. Если миллионы людей курят, наверное, нельзя запретить производство табака. Я сам курю, к сожалению. Но можно запретить рекламу сигарет и папирос. И ещё можно рекламировать и выпускать безникотиновый табак.

Наверное всегда нам придётся рубить дерево. Ведь и молния ударяет в ствол. Но научимся хотя бы не калечить! И не будем успокаиваться. Если мы рубим дерево «на благо человека» – это не оправдание и не предмет гордости. Разум есть совесть Вселенной, и нам навечно суждена любовь. Радость и боль любви.

16. Я вышел в парк

7-11.1.84

Я вышел в парк.

Истекало небо синью.

Как открытый нерв.

Деревья тонкими ветвями едва касаются его. И кажется, дрожь проходит по ветвям, в глубине стволов и исчезает в почерневшем снеге.

Какие чистые краски! Какие точные линии! И для чего? Без всякой цели, без вознаграждения, без мук бессонными ночами, без вдохновенья, бездумной волей случая игра природы. И такая красота!

Всего лишь небо, деревья и снег. По дну оврага чёрной щелью петляет речка. Сквозь безлистный лес просвечивают застеклённые громады моего микрорайона.

Зима кончается, подумал я. Зима кончается. И поскользнулся на обледенелой тропке и свалился в колкий снег.

За время прогулки вскипел чайник.

Пью чай и смотрю в окно. Отсюда особенно хорошо видны застеклённые громады. Собственно, ничего больше и не видно: только в левом верхнем углу маленький треугольник неба. Удивительно всё же убоги творения рук человеческих. Но поражает масштаб, огромность этих искусственных гор. Наверное, нам нравится быть трудолюбивыми муравьями у подножия своих муравейников. Убогость в сочетании с гигантизмом, индустриально тиражируемая в столь крупных формах – это уже какое-то новое качество. Солнце отразилось от окон соседнего дома и солнечные зайчики пробежали по кухне. Пора на работу.

В метро читаю утреннюю газету.

«В бассейне Амазонки идут обширнейшие вырубки лесов. Как считают эксперты, это может в скором времени на три четверти сократить количество рыбы, а в конце концов свести на нет один из главных продуктов питания населения бассейна Амазонки».

Как это у Киплинга?

«На далёкой Амазонке не бывал я никогда».

Серая дублёнка передо мной хватается за край газеты:

– Молодой человек! Уступили бы место бабушке. За газетой спрятался!

В самом деле старушка. Приходится вставать. Отхожу в сторону. Держась за поручень, зависаю над каким-то пионером в голубой куртке.

«В настоящее время Каракумский, Аму-Бухарский и Каршинский каналы перехватывают больше половины стока Амударьи. В будущем эта река, как и Сырдарья, вовсе перестанет питать Аральское море, и мощный природный водоём может превратиться в небольшое озеро, а то и вовсе исчезнет с лица земли».

– Станция Курская. Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Таганская.

«В США в результате добычи полезных ископаемых ежегодно становятся бесплодными около 500.000 га почвы».

Опять серая дублёнка беспокоится:

– Как не стыдно! женщина с ребёнком ~~стоит~~ на руках, а он развалился и сидит. С таких-то лет!

Но я же стою! Ага, это пионера сгоняют.

«В полутора милях от побережья Бретани (Франция) потерпел крушение японский супертанкер «Амоко Кадис». В море выброшено 223.000 тонн нефти. На протяжении нескольких километров от места крушения погибло всё живое на литорали. Общая протяженность загрязнений по побережью – 300 километров».

– Станция Таганская. Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Павелецкая.

«Горький дым над Жигулями. Гибнут сосновые леса в окрестностях города Тольятти. Причина – атмосферные выбросы предприятий большой химии».

– Станция Павелецкая. Осторожно, двери закрываются, следующая станция Добрынинская.

Вваливается толпа народа. Меня зажимают между серой дублёнкой, чёрным пальто и красной шубой из искусственного меха.

«Атмосфера Арктики загрязнена газовыми выбросами промышленных предприятий Северной Европы».

«В воздухе Антарктики обнаружены частицы сажи».

«При существующих темпах загрязнения атмосферы аэрозолями средняя температура приземного слоя воздуха понизится на 0,6 С, что может компенсировать повышение температуры вследствие загрязнения атмосферы углекислым газом».

Размышляя о компенсации, пробираюсь к выходу. Серая дублёнка ворчит, что я наступил ей на ногу. И тыкает меня в бок острым кулачком.

– Станция Добрынинская. Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Октябрьская.

День начинается с совещания.

В длинной, как пенал, комнате почти впритык уставлены шесть столов. ~~Пять стульев~~ Четыре стула. Пятнадцать человек сотрудников.

Обсуждаем план-график ввода в строй пусковой установки. Всем очевидно – сроки будут сорваны. Но другие сроки принять нельзя – нужно закончить ~~работу~~ тему к празднику. Так полагается. Обсуждаем, что можно сделать по минимуму. Чтобы устроить демонстрацию ~~работы~~ установки. По-настоящему она будет работать в лучшем случае ещё через год.

Все курят. Женщины жалуются на дым. Проветриваем комнату.

От крика у всех пересохло в горле. Делаем чай.

Не хватает чашек. Толкотня, суета и отпихивание локтями. Первым достаётся хорошая заварка.

Заходит пожарник. Прячем чайник и убеждаем его, что чай налит из термоса. Не верит. Выслушиваем поучения. Пожарник уходит, продолжаем пить чай.

Тут дело не только в чае. Нужно ещё обсудить много мелких вопросов. Разбиваемся на группы и обсуждаем.

Мы программисты. Это означает, что одну треть времени мы пишем программы, другую – общаемся с ЭВМ, третью – кричим и ругаемся друг на друга.

После обеда утыкаюсь в экран дисплея и веду диалог с машиной. Иногда устраиваю перерыв на отдых – играю с ЭВМ в разные игры. Особенно мне нравится игра «Тест». Машина задаёт вопросы, я отвечаю, а в конце она говорит всё, что обо мне думает. Например:

– Нравится ли Вам дарить любимой женщине букеты полевых цветов?

– Да.

– Какое топливо лучше всего для туристского костра: сосна, ель, берёза или ива?

– Сосна.

– Мечтали ли Вы в юности стать покорителем гор и врубить свой альпеншток в вершину Эвереста?

– Да.

– Какая рыба Вам больше ~~нравится~~ по вкусу: морская или речная?

– Речная.

– Считаете ли Вы, что красота природы выше красоты искусства?

– Да.

– Вы любите, природу. Если Вы ещё не вступили в партию «зелёных», то вполне способны на это. Вы возмущаетесь, читая статьи о браконьерах и загрязнении окружающей среды. Но по натуре Вы – губитель всего живого. Вам особенно досадно, что на Земле так много людей – это лишает Вас возможности быть первым и поганить места, где ещё не ступала нога человека. Вы завидуете героям космической фантастики, имеющим возможность пакостить на девственных планетах далёких звёзд.

Когда я вышел с работы, в небе горели звёзды. Все они были переменные и пульсирующие. Это дым из нашей трубы, тёмно-грязного цвета, незаметный на фоне тёмно-грязного городского неба, создавал подобные астрономические эффекты. Пусковая установка нуждалась в ежедневной продувке двигателей.

Коллеги потащили меня в пивбар – пропустить по паре кружек.

После второй кружки пластмассовый стол перестал липнуть и пачкать рукава наших пиджаков, резкий электрический свет смягчился, рассеялся и поглотил крикливый обслуживающий персонал, соседи отделились на приличное расстояние и в нашей уютной компании разговор перешёл с работы на женщин.

– Ребята, – весело крикну А. – а от меня вчера жена ушла! Ну её к богу, давай ещё по паре кружек.

– Нет, ты меня не уговаривай. Если она тебе так нравится – бери. Не возражаю.

– Понимаешь, надоело терпеть. Сколько можно? Тянуть и тянуть. Домой приходишь – как будто тебя в какой мешок душный засовывают. Или нет, – в смирительную рубашку. А говорить бесполезно, давно понял. Сразу слёзы, «к маме уйду». Вот не поверишь, даже дышать легче стало. Как будто курить бросил.

– Это просто такой тип женщин. Как фикус. Сидит себе в кадке, и ствол вроде есть и листья зелёные, а всё кажется, что пластмассовый. Не шелохнётся. Или как искусственная ёлка – наряди в игрушки, красиво вроде. А как с ней жить?

– Да не нужно ей ничего! Ну пусть и так – не заметил, не понял, не попытался, не оценил. Чужая душа потёмки – вот пусть кто другой дней с огнём разглядывает. Чего теперь говорить? Есть вещи, которые необратимы. Наверное, человека нельзя понять, если хорошо его знаешь.

– Ну, всё! давай ещё по одной. Тебе одному скажу – дело такое – если только один раз в месяц, как думаешь? А зачем тогда всё, если любовницу заводить? У кого ещё сигареты есть? В общем, тухлякое дело. Сейчас хорошо, а завтра... завтра видно будет. Сначала проспаться надо.

– Ну, по последней! И давай про другое. Я сколько хочешь могу выпить. Вот он сейчас из туалета вернётся – скажет. Мы с ним в Воронеже, прошлым летом... Вот командировка была... Давай просыпайся...

...Средь облачных причудливых пейзажей, залитых щедрым солнечным лучом, под купол безупречной синевы подведены дыханием ветров панели стен, несущие контрфорсы, высокий взлёт коринфской колоннады и тихие аркады по бокам – классических и строгих очертаний. Так выглядят небесные чертоги.

Целительное свойство здешних мест – легко рассеивать туман пивного хмеля, и утишать затылочную боль. Тут как всегда внушительно и бодро из анфилады лёгких облаков явился бог. И мы продолжили степенные беседы, гуляя предвечернею порой.

– Ну, как дела на грешнице Земле?

– Прекрасно, бог! Вот только грязновато. Вы слышали о страшных катастрофах и загрязнении жизненной среды?

– Сиё прискорбно. Но, я полагаю, подобные издержки неизбежны. Не возвращать же снова вас в пещеры! Вы так привыкли к

тёплому уюту и комфортабельности собственных квартир. Промышленный прогресс не остановишь.

– Но как же звери, птицы, травы, воды? За что они страдают? Божьей тварью ведь называют даже червяка!

– Да, тварью. Что вам до неё?

– Мне кажется, что мы без них не можем. Нам тесно в наших городах, мы задыхаемся в бензиновых парах, душа стремится к девственной природе, дарующей покой и утешенье, мерцанье истины и чудо красоты...

– Послушай, человеке, слишком сложно ты рассуждаешь. Дело-то ведь проще. Современный уровень развития производительных сил вынуждает искать альтернативные пути развития, поскольку, вступая в конфликт со средой обитания, ваша цивилизация начинает противоречить сама себе. Короче, минусов становится больше, чем плюсов. Уже делаются определённые шаги в нужном направлении: замкнутая технология, утилизация отходов, экологизация сельского хозяйства и тому подобное.

– Значит, всё в порядке?

Господь задумался, следя туманным взором за ~~дальним~~ реактивным самолётом в синем небе рисующим китайский иероглиф.

– Ну, разумеется. Будь счастлив, человек!

Бог удалился славною походкой и тихо прозвучали, как дальний гром, последние слова:

– Любить весь мир могу лишь только я.

Гром приближался, заикаясь и хрипя:

– Конечная остановка! Автобус дальше не пойдёт! Просьба освободить салон!

Я вывалился из автобуса, вдохнул ночную свежесть и, протрезвев, пришёл домой уже совсем в рабочем настроении.

Положил на стол бумагу и перо, и приступил к вычислениям. Я искал Новую Формулу.

В чарующих мирах математических абстракций даже профессионалы могут путешествовать лишь в свободное от работы время. В промышленности они занимаются программированием, в академических НИИ – «прикладывают» математику к инородным задачам, на кафедрах вузов – преподают. Прочим людям пути математической мысли так же недоступны, как и «тропинки далёких планет». Потому что для общества математика – что-то вроде железной дороги: все мы охотно пользуемся её услугами как пассажиры, немногие выполняют текущий ремонт и водят составы. Но даже самый скорый поезд на может набрать первую космическую скорость, не говоря уже о третьей – ведущей к далёким планетам.

Как известно, свою главную работу математики делают до 25 лет, в 30 им уже пора на пенсию, но по закону они, как и все, трудятся до 60. Юные гении совершают открытия непредсказуемо и случайно, от незнания жизни, даже безнравственно – во вполне трудоспособном возрасте они развлекаются в идеальных мирах, тогда как все остальные должны нести бремя реальности.

17. Выписки из СМИ

1982

Беременным женщинам противопоказан приём аспирина. (Агентство «Рейтер», Бостон, 6 октября 1982 г.).

Беременным женщинам следует ограничивать потребление кофе (Ньюсуик, 1982, т.100, ЖЗ).

В США в результате добычи полезных ископаемых ежегодно стано вятся бесплодными около 500 тыс. га почвы.

За период с 1975 по 1980 год московские вороны стали вдвое менее пугливыми («Зоологический журнал»).

При существующих темпах загрязнения атмосферы аэрозолями средняя температура приземного слоя воздуха понизится на 0,6°C, что может компенсировать повышение температуры вследствие загрязнения атмосферы углекислым газом.

Аспирин не рекомендуется давать детям моложе 16 лет.

10% рыб, обитающих в прибрежных морских водах содержат избыточные количества кадмия и свинца, а 1,5% - меди.

В воздухе Антарктики обнаружены частицы сажи.

650 млн. лет назад на Земле происходила массовая гибель растений и животных.

За последнее столетие человечество израсходовало такое количество ископаемого топлива, какое образовалось за миллион лет.

В настоящее время в почках человека содержится в 47 раз больше кадмия, чем в прошлом веке.

В бассейне Амазонки идут сейчас обширнейшие вырубки лесав, освобождаются площади для новых ферм, рисовых и джутовых посадок. Как считают эксперты-экологи, сведение лесов в этом районе может в скором времени почти на три четверти сократить количество рыбы, а в конце концов свести на нет один из главных продуктов питания населения бассейна Амазонки.

В настоящее время Каракумский, Аму-Бухарский и Каршинский каналы перехватывают больше половины стока Амударьи. А по мере продвижения Каракумского канала к Небит-Дагу и Кызыл-Атреку потребление воды из Амударьи ещё возрастет. В будущем, как полагают, эта река, как и Сырдарья, вовсе перестанет питать

Аральское море, и мощный природный водоём может превратиться в небольшое озеро, а то и вообще исчезнет с лица земли.

Ежедневно умирают 40.000 детей, которых можно было бы спасти.

В 1970 году в Средиземное море было сброшено около 300.000 тонн нефтяных остатков.

В марте 1978 г. в 1,5 милях от побережья Бретани (Франция) потерпел крушение японский супертанкер «Амоко Кадис». Разлилось 223 тыс. т нефти. «Катастрофа века». «На протяжении нескольких километров от места крушения погибло всё живое на литорали. Первоначальная протяжённость загрязнений – 300 км. Через полтора года – 50 км. Некоторые районы побережья, возможно, будут загрязнены в течение 10 лет.

На территорию резиденции постоянного представительства СССР при ООН в г.Гленков близ Нью-Йорка брошено взрывное устройство с зажигательной смесью. В результате взрыва и возникшего пожара причинён материальный ущерб.

По сообщениям из Сент-Джорджеса, оккупационные власти продолжают широкую охоту за гренадскими патриотами, проводят по всей стране массовые облавы и аресты.

В ходе проведённых в период этого года частями Народных вооружённых сил освобождения Анголы операций по ликвидации банд УНИТА выведено из строя более 160 бандитов.

По согласованию с правительствами ГДР и ЧССР ускорены подготовительные работы по размещению на территории этих стран оперативно-тактических ракет повышенной дальности.

Атомная подлодка «Куинфиш» пришвартовалась к причалу военно-морской базы США в Йокосука. По сообщению агентства Киодо Цусин, лодка оснащена крылатыми ракетами «Томагавк».

78 человек погибли, свыше 20 ранены в результате пожара, возникшего в одной из дискотек Мадрида.

Девять человек погибли, около 80 ранены в результате взрыва бомбы, которая была подложена неизвестными в автомашину, припаркованную у входа в один из крупнейших универмагов Лондона.

Вновь подвергли обстрелу ряд районов горной части Ливана американские корабли 6-го флота, курсирующие у побережья.

На днях в Нджамену с военной базы в Центральноафриканской Республике переброшена очередная группа французских парашютистов из иностранного легиона, сообщает ливийское информационное агентство ДЖАНА.

26 октября 1983 года посольство СССР в Сент-Джорджесе было под вергнуто обстрелу самолётами американских вооружённых сил.

30% людей умирает не от старости, а от болезней.

На нейтронных звёздах могут происходить ядерные взрывы.

Местность Севезо вблизи Милана. Здесь в результате аварии на химическом заводе произошёл выброс 2,3,7,8-тетрахлордибензо-п-диоксина (или просто диоксина, как его называют для краткости), побочного продукта, образующегося в ходе синтеза одного из самых распространённых гербицидов – 2,4,5-трихлорфеноксиуксусной кислоты (2,4,5-Т). Диоксин – одно из самых ядовитых небелковых соединений искусственного происхождения. Сотни человек погибли, среди оставшихся в живых невиданно (в 7 раз!) возросла заболеваемость раком. Диоксин обладает к тому же и сильным тератогенным действием, то есть способностью вызывать нарушения внутриутробного развития плода. Долго ещё будут жить рождённые в Севезо люди с заячьей губой и волчьим нёбом, с недоразвитыми конечностями, с тяжёлыми нарушениями нервной деятельности. Угроза для будущего поколения была столь велика и реальна, что сам папа римский разрешил аборт женщинам, ставшим жертвами катастрофы – беспрецедентный случай в католической Италии.

За 2-3 года, прошедшие от начала широкого применения талидомида до его запрещения, родилось 7-10 тысяч детей с тяжелейшими пороками развития.

Атмосфера Арктики загрязнена газовыми выбросами промышленных предприятий Северной Европы.

Гибнут сосновые леса в окрестностях города Тольятти. Город расположен в прекрасном сосновом лесу рядом с жемчужной Волги – Жигулёвскими горами. Причина – атмосферные выбросы предприятий большой химии. Горький дым над Жигулями.

Близ посёлка Ибреси, окружённого великолепными лесами, создана новая крупная лесосеменная плантация сосны.

На Новый год во Франкфурте-на-Майне около 500 американских военнослужащих учинили между собой кровавое побоище. Ранено не менее 30 человек, в том числе и полицейские.

В результате варварской бомбардировки израильской авиацией города Баальбека в ливанской долине Бекаа более ста человек погибли, свыше трёхсот ранены, многие пропали без вести. Городу причинён значительный материальный ущерб.

По сообщению агентства Киодо Дусин, высокопоставленный представитель военного ведомства заявил, что «силы самообороны» планируют запуск разведывательных спутников японского производства, предназначенных для сбора военной информации, и в частности «для внимательного наблюдения из космоса за Советскими Вооружёнными Силами на Дальнем Востоке».

Моторизованные части регулярной армии ЮАР при поддержке танков, артиллерии и авиации вновь углубились в южные районы Анголы. Многие населённые пункты этой страны подвергаются массированным ракетно-бомбовым ударам и артиллерийским обстрелам, в результате чего имеются многочисленные жертвы среди мирного населения, разрушены жилые дома, больницы, школы.

Иракские ВВС и ВМС атаковали и уничтожили 5 иранских судов, направлявшихся в порт Бендер-Хомейни в районе Ормузского пролива. В ходе морского и воздушного боя над проливом был сбит один иранский вертолёт. Иранские истребители сбили два иракских боевых самолёта, вторгшихся в воздушное пространство Ирана. Сообщается также об уничтожении иракской ракетной установки в районе порта Фао.

Сальвадорские патриоты совершили одну из самых смелых операций с начала вооружённой борьбы против диктаторского режима. На рассвете они атаковали и захватили армейские казармы четвёртой пехотной бригады правительственной армии на севере департамента Чалатенанго.

Военный переворот произошёл в Нигерии. В стране создано военное правительство. Международный аэропорт Лагоса закрыт. Связь с Нигерией прервана.

Первая батарея американских ракет «Першинг-2» в количестве девяти единиц, дислоцирующихся в районе Мутланген (под Штутгартом) приведена в боевую готовность.

Никарагуанские войска за последние 10 дней уничтожили около 100 сомосовцев.

Ещё три успешные операции провели в течение минувших суток ливанские патриоты против израильских оккупантов на юге страны и в западной части долины Бекаа. В Набатии партизаны

забросали гранатами израильский военный патруль. Несколько интервентов ранены, выведены из строя два бронетранспортёра. В окрестностях города Сайда и в районе озера Карун оккупантам также нанесены потери в живой силе и технике. В районы действий партизан были срочно брошены отряды израильских карателей. Они устроили повальные обыски и облавы. За тюремную решётку брошены десятки людей. В горных районах Ливана возобновились вооружённые столкновения на межобщинной основе.

Гватемала. Озверевшая солдатня стёрла с лица земли деревню Асуль вместе с населением. Десятки обезображенных трупов мужчин, женщин, детей и стариков.

Гайана. Раскрыт заговор, ставящий целью свержение законного правительства. По обвинению в причастности к заговору арестованы восемь человек, в том числе один американец, которые готовили убийство президента Гайаны Ф.Бернхэма и некоторых министров его кабинета. Захвачен арсенал заговорщиков: 28 пулемётов, 6 гранатомётов, 20 автоматических пистолетов.

Более двух тысяч бывших сомосовцев, проникших при поддержке ЦРУ США с территории Гондураса в северные районы Никарагуа, продолжают чинить разбой, терроризируют население. Бандиты убили более 40 мирных жителей.

Парламент Шри Ланки одобрил президентский указ о продлении срока действия чрезвычайного положения в стране на один месяц. Премьер-министр Р.Премадаса заявил, что эта мера вызвана непрекращающейся деятельностью экстремистов в северной и восточной провинциях.

В Сальвадоре продолжают свирепствовать «звкдраоны смерти», состоящие на службе у диктаторского режима Маганьи. Как сообщает агентство ЮПИ из Сан-Сальвадора, только в текущем году от их рук погибли почти пять тысяч человек.

Более 110 баз и других военных объектов использует Пентагон на территории Японии.

Государство Лесото информировало Организацию Объединённых Наций о том, что режим Претории готовит на него нападение для свержения существующего правительства.

Двадцать два южнокорейских студента приговорены к различным срокам тюремного заключения по обвинению в «подстрекательстве» и организации антиправительственных выступлений.

Главный военный администратор Бангладеш генерал-лейтенант Х.М.Эршад объявил себя президентом и распустил правительство.

Сильные взрыв произошёл сегодня на территории посольства США в Кувейте. Обрушилась часть здания посольства, возник пожар. Взрывы произошли также у здания французского посольства, в башне управления полётами кувейтского международного аэропорта, в некоторых других районах города. По предварительным данным, несколько человек погибли, более 50 ранено. Ответственность за взрывы в Кувейте взяла на себя организация «Аль-Джихад аль-Ислами».

18. Отчего так? Душа переполнена

25.4.84.

Отчего так? Душа переполнена... чем?... ощущением, пониманием, предчувствием мысли. Невыразимым. Мучительно подбирать слова. Да и... зачем? Всё не то, не то. Для чего это: сюжет, герои, характеры, сцены, диалоги, описания... Всё вокруг, около. Мимо. Не оттого ли писатели вообще пишут? Не оттого ли, что всё написанное – не то. Что ж остаётся? Молчание? Но можно ли отличить одно молчание от другого? Телепатия, существуй она, убила бы искусство. Мне кажется, само понятие истины существует лишь потому, что люди не могут непосредственно передать друг другу своё ощущение мира.

Но ведь мир существует только в явлениях, через детали. Что же тогда это Невыразимое? Оно нерасчленимо, едино, и всё объясняет! Иллюзия? Самосознание – это иллюзия? А истина – в деталях, сюжетах, характерах, диалогах, сценах, действиях? В творчестве? Но это мучительно – писать о частности, когда душа переполнена ЕДИНЫМ!

Ведь это несправедливо: после человека остаются две-три вещи, сделанные им, а сам-то он – равный миру! – сам-то он? Да разве помещается он в этих вещах? В двух-трёх, может быть и оставшихся-то случайно. И сделанных походя. Да покажите человеку итог его жизни, покажите, разложите на столе в две-три стопки, покажите в начале жизни – да захочет ли он жить? Поверит ли вам? Не поверит! Потому, что – вот ведь перед глазами, примеры, тысячи, миллиарды примеров – он что – первый на Земле? А ведь не верит? Думает, что он – иное! Или – согласен? Говорит, что согласен? Обманывает! Не хочет, чтобы над ним смеялись, а сам-то, сам-то в глубине души – надеется...

Чуждое существо – человек! Как высоко взлетает! Как низко падает! Какие наивные надежды! Может быть разум – это наивность? Несогласие с очевидным?

Нет, видно человеку следовало бы быть бессмертным. Если он один. Но если есть люди. Если есть люди планеты Земля – тогда... А ведь и впрямь, самосознание – иллюзия! Не себя одного я сознаю. Но и не винтик в сложной механике общества! О нет! Человечество живо до тех пор, пока каждый из нас мнит себя его полномочным представителем!

Может быть это и не так уж банально: один за всех и все за одного?

19. О, ТРАНДАГОР!

12-13.5.84.

Двор довольно большой. В середине – хоккейная площадка, оборудованная по всем правилам. Рядом песочница, детские «грибки», место для развешивания белья. Со всех сторон двор окружают громады жилых домов из унифицированных деталей. У стеклянных подъездов лавочки со старушками. Под окнами газоны с мини-клумбами, мини-грядками и мини-деревьями. Микрорайону нет ещё и пяти лет.

Идёт снег, крупный, редкий. На дорогах снег сразу тает – 2 градуса выше нуля. У бойлерной очередь к телефонным автоматам, рядом толстая тётка продаёт молоко из бочки. «Перед употреблением – прокипятить». По тропинке, пересекающей двор, идут женщины с сумками, возвращаются домой из универсама. Мальчишка стоит, лепит снежок и не знает, куда его кинуть. Скучно одному. Пробежала мелкая собачонка, тьявая и вспугивая голубей.

Инженеру Сомову сверху, с третьего этажа хорошо видно и можно пофантазировать. Небо молочного цвета – из него, как из тумана, должен медленно появиться инопланетный корабль. Зависает над хоккейной площадкой. Никакого грохота или там огня не надо. Всё должно быть тихо и аккуратно. Повисел в воздухе и опустился на землю, лишь снег слегка взбил. Но снег липкий – сразу осел.

Ну, тут, конечно, люди стали внимание обращать, что-то кричат, окна открываются. Может быть, даже милиционер появился – тут около сберкасы дежурит один всё время. Мальчишка побежал прямо к инопланетному кораблю – интересно! Мать кричит ему из окна испуганно, грозит. Милиционер рацию достал, говорит в неё что-то, сердится на непонимание и плохую слышимость. Кто-то догадался, к автоматам побежал звонить. Куда же он звонить будет? Народ стоит в отдалении, переговаривается, жестикулирует. Ближе никто подходить не хочет, мальчишку того за ухо оттащили, мать его домой загнала. Он теперь из окна высовывается, бинокль раздобыл – смотрит не отрываясь. Вскоре конечно милиция приехала, пожарная машина, скорая помощь. Аварийка зачем-то из Мосгаза. Потом «волги» подкатили, люди в штатском вышли. Появился человек с мегафоном, кричит, чтобы разошлись, не подходили, не мешали, без паники чтобы. Наконец, грузовики армейские приехали. Солдаты быстро оцепили весь двор, командиры распоряжения отдают, бегают,

докладывают что-то начальству в штатском. Репортёры тут как тут, на крышу бойлерной забрались, их оттуда милиция разгоняет. Ругаются из-за фотоаппаратов. Закрутилось всё, завертелось, так всё слаженно, чётко, будто каждый день инопланетные корабли приземляются, отрепетировано уж всё давно. Вот только на этот раз осечка вышла – не там сел, в жилой микрорайон угодил. Может, сломалось что, неисправность какая. Разберёмся, главное – без паники.

А корабль стоит себе тихо, ничего в нём не двигается, люки не открываются, антенны не вращаются, прожектора не светят. Небольшой корабль, как раз до Сомовского третьего этажа доходит. Может быть посадочная шлюпка, а звездолёт на орбите остался? В общем, постоял, постоял, потом вдруг раз – и подниматься начал. Медленно, осторожно. Метров на сто поднялся, повисел минуту и сразу вверх, с ускорением, скрылся в молочном тумане. Как будто и не было его.

Во дворе потом неделю оцепление не снимали. Учёные приезжали со спецмашинами, всё снег на месте стоянки изучали, пробы брали, приборами разными измеряли что-то. Наверное, и на радиоактивность проверяли. Потом уехали все, солдат увезли на грузовиках. Жители ещё долго ходили на хоккейную площадку, смотрели на снег, хоть он и новый выпал. Очевидцы объясняли всем желающим, как дело было, мальчишка тот заводилой стал, ребята за ним табуном ходят. Сначала он им всё рассказывал, потом игру новую затеяли – в космических пришельцев: шапки по-чудному завязывали, на манер шлемов от скафандров, стреляли из деревянных бластеров. В газетах ничего не было – Сомов тщательно просматривал. По «голосам» передавали, будто у русских появилась новая сверхракета, с большим количеством боеголовок. Врали, что во время испытаний одна ракета упала на окраине Москвы и наделала больших разрушений с человеческими жертвами. В Америке конгресс утвердил рекордный военный бюджет, на совещаниях по разоружению западные делегации обвиняли Советский Союз в нарушении военного равновесия. Но шум скоро утих: ТАСС в «Правде» опровержение поместило, «Литературка» политический фельетон напечатала.

Весна уже наступила, снег на хоккейной площадке растаял, доминошники появились во дворе. Мальчишки теперь в шпионов играют. А инженер Сомов каждое утро стоит у окна на своём третьем этаже, смотрит во двор, как машины грязь разбрызгивают, пожилые дамы собак выгуливают, синицы появились, летают, небо уже синее, облака на нём молочные, солнце светит. Стоит и думает: зачем он

прилетал, инопланетный корабль этот? Автоматический он был или сидели в нём инопланетяне, смотрели на нас в иллюминаторы? Когда ещё прилетят? К какой звезде направились? Случайно ли к нам попали или со специальными намерениями: посмотреть, как мы тут живём, не пора ли дружбу заводить? Много у Сомова вопросов, да задать их некому...

Никак Сомов не успокоится, никак не забудет того дня. Да оно и понятно: в тот день, едва скрылся инопланетный корабль в молочных облаках, почувствовал Сомов ужасную головную боль, и одновременно мучительно захотелось ему спать. Вот никогда так у Сомова не было, чтобы голова болела, и в то же время глаза слипались. Свалился он на кровать и проспал до следующего утра. А на следующее утро, лишь только открыл глаза, как сразу и явилось ему знание, что он, инженер Сомов, теперь инопланетный пришелец. Почему так получилось, что корабль улетел, а он остался, и почему вообще инопланетный пришелец, если он всё тот же инженер Сомов, этого он объяснить не мог. Но только знал уже наверняка, что вовсе он теперь не землянин, а родом с далёкой звезда Трандагор. Как-то так получалось, что до того дня он был инженер Сомов – человек, а теперь он инженер Сомов – трандагорец. Странно, конечно, что внешне Сомов совсем никак не изменился: был так же низок ростом, так же остренько выпирало начинающееся брюшко, и так же обозначалась в светлых, будто вылинявших волосах, небольшая плешь. Только бесцветные глаза его смотрели ещё более грустно, да мелкие уши покраснели ещё чаще.

Ничего необычного не заметили и домашние Сомова. По-прежнему была весёлой, ласковой и заботливой жена по утрам, и усталой, раздражительной и скандальной по вечерам. По-прежнему ворчала и хлопала дверью тёща. По-прежнему безобразничали дети, в раннем детстве привыкшие кататься верхом на «папочке-лошадочке», да так и не повзрослевшие в школе. Всё так же в субботу гоняли Сомова по магазинам, а в воскресенье разрешали сходить в баню и выпить пару кружек пива «с лёгкого пара».

Никаких перемен не заметили в инженере Сомове и на службе. Как обычно, был недоволен и двусмысленно хмыкал начальник. Посмеивались машинистки. Не отвечала на приветствия красавица-секретарша Ниночка. Тайно вздыхала некрасивая бухгалтерша – ровесница Сомова. Как обычно подшучивали коллеги, пытались собрать с непьющего и неучаствующего инженера трёшник на сабантуйчик – лишь для того, чтобы подсунуть ему часть своей работы, как расплату за неучастие. Как обычно, подстраивал разные

пакости злобный Гардонов. Как обычно хвалили Сомова за исполнительность и дисциплинированность, ругали за безынициативность и неучастие в общественной жизни, и не повышали в должности и окладе.

Одним словом, по-прежнему инженер Сомов оставался тюфяком, подкаблучником и «лошадочкой». Ничем не замечательная личность, столь распространившаяся в наше эмансипированное время, видимо, для создания надлежащего фона для людей замечательных, смелых, оригинальных и весёлых.

Ради справедливости, следует сказать, что не всегда Сомов был таким непримечательным. В юности, а более того в детстве, он отличался безудержной фантазией и склонностью к самым романтическим мечтаниям. В мыслях своих он покорял пространство и время как космонавт из фантастических романов, совершал великие открытия как гениальный учёный, повергал в изумление и восторг весь мир как живой классик литературы. Он покорял также самые неприступные женские сердца – тоже в мыслях. В душе юного Сомова бушевали бури и совершались подвиги, велись учёные споры о тайнах мироздания, разверзались бездонные пропасти и возносились сверкающие вершины, добро боролось со злом и побеждало его. Словом, когда-то Сомов жил жизнью яркой, необычайной, наполненной глубокими чувствами, высокими помыслами и тайным смыслом. Но это была внутренняя жизнь, не видимая и не замечаемая окружающими. Сомов инстинктивно страшился столкновения этих двух миров: внутреннего и внешнего. Но такая двойная жизнь не могла продолжаться вечно. Его закупоренный внутренний мир перегорел, задымился и потух. Сомов закончил вуз, стал инженером и женился.

И всё-таки остатки того духовного пламени, видимо, ещё тлели под слоем пепла разочарований и золы из бытовых, семейных и служебных забот и сует. Инопланетный корабль оказался струёй чистого кислорода. Инженер Сомов снова начал разгораться изнутри. К тому же он стал космическим пришельцем.

Поначалу действительно все перемены в Сомове были только внутренними, душевными. За некоторым смятением в чувствах и мыслях доследовала стадия прозрения. Сомов глядел на окружающий мир и свою собственную теперешнюю жизнь глазами инопланетянина. Многие вещи, в том числе самые обычные, стали его удивлять, а подчас и возмущать. В середине мая Сомов неожиданно для себя дал подзатыльник сыну-пятикласснику, стащившему рубль на кино. Чем поверг в изумление жену и тещу и внушил им

необоснованные надежды. В конце мая Сомов сдал трёшник на сабантуйчик, выпил три рюмки водки и назвал Гардонова «нечестным человеком».

В июне инженер Сомов перешёл к решительным действиям на всех фронтах. Секретарше Ниночке «по случаю солнечной погоды» был преподнесён букет тюльпанов. Когда она всплеснула руками от удивления, Сомов ловко и галантно приложился к её пальчикам, чем поверг бедную девушку уже не в изумление, а прямо-таки в остолбенение, продолжавшееся минут пять и закончившееся стаканом воды в дрожащих пальчиках. Начальнику было подано заявление с требованием повысить инженеру Сомову оклад с переводом его на должность старшего инженера, которое начальник от неожиданности подписал, после чего в задумчивом одиночестве прохмыкал весь оставшийся день. На профсоюзном собрании Сомов выступил с нелюбезной критикой работы всего отдела вообще, и группы машинописи, в частности. Говорил целых полчаса с необыкновенным красноречием и цитатами из классиков и античных мыслителей и закончил предложением своей кандидатуры на пост председателя жилищной комиссии. Высказал Гардонову всё, что о нём думал. Отказался тратить субботы на магазины. Запретил теще хлопать дверью. Занялся по утрам йогой. Сходил в школу на родительское собрание. Устроил разорительный приём по случаю своего дня рождения. Подарил жене комплект французского белья, чем сильно напугал её.

Но стоит ли перечислять все изменения, происходившие с инженером Сомовым, и округлявшие глаза его знакомых, близких и коллег? В общем-то, ничего особенного не происходило. Сомов становился тем замечательным, смелым, оригинальным и весёлым человеком, которых у нас предостаточно. Необычным было лишь то, что таким человеком становился Сомов. Но ведь никто не знал, что он теперь инопланетный пришелец!

А между тем в душе инженера Сомова нарастала тревога и зарождалась какая-то необыкновенная ностальгия. Вдруг пробудилась тяга к знаниям, уснувшая ещё в студенческие годы. Сомов записался сразу в несколько библиотек и начал тратить премиальные на сочинения древних мыслителей. Он изучал философию, генетику, историю, астрофизику, офтальмологию, сфрагистику, алгебраическую топологию, эмбриологию, картографию, фольклористику, металлургию и международное право. Выучил японский язык и подписался на газету «Асахи». Написал статью «К вопросу о возможном несуществовании предков племени туцзюэсцев

до XII в. до н.э.», опубликованную в 6-ом номере «Учёных записок Самаркандского Университета». Сделал доклад в Московском математическом обществе «О ненужности некоторых простых чисел вида $2^n - 1$ ». Изобрёл и смастерил для домашних нужд электрический отбиватель антрекотов, превращавший мясо в розовые простыни. И, наконец, доказал Великую теорему Ферма.

Последнее, впрочем, недостоверно, поскольку в одну несчастную (для науки) ночь Сомов сжёг свою рукопись на газовой плите, сильно волнуясь и беспрерывно повторяя: «Об этом ещё рано знать человечеству!» жена и тёща дрожали от страха. Но наутро Сомов проснулся тихим, задумчивым, рассеянно пил чай и не прочитал газету «Асахи». Приступ познания закончился и Сомов перешёл к следующей стадии. Древние мыслители были снесены женой втихомолку в букинистический магазин.

Об этом, довольно длительном, этапе эволюции инженера Сомова ничего определённого мы сказать не можем. Внешне он снова стал тихим и задумчивым. Разве что слишком задумчивым и даже иногда рассеянным. Но окружающие чувствовали, что лучше Сомова не трогать и неизвестно ещё какой Сомов опаснее: весёлый или тихий. Когда однажды злобный Гардонов, решивший, что всё возвратилось на круги своя, шутки ради приколол к чертежу инженера Сомова большого таракана, наш герой, молча и грустно покачивая головой, осторожно взял рыжего прусака и вдруг неожиданным и решительным выпадом приколол его... ко лбу злобного Гардонова.

Но это был, так сказать, один из немногих эпизодов. Сомов снова начал ходить по магазинам в субботу, забросил йогу и вышел из состава жилищной комиссии. По утрам он подходил к окну, смотрел на хоккейную площадку, вздыхал и изредка загадочно восклицал: «О, Трандагор!». Инженер Сомов сильно грустил и тосковал по своей родине – далёкой звезде Трандагор. Это было довольно странно, ведь Сомов даже не знал, в какой стороне неба находится эта звезда. Название «Трандагор» было не земное, а трандагорское. Да и совсем ничего не знал Сомов про эту свою родину. Какое там небо? и какие леса? и есть ли там вообще леса? жарко там или холодно? идут ли дожди? стоят ли города? курсируют ли автобусы? учатся ли дети в школе? имеются ли жёны и тёщи? или размножаются почкованием? или, может быть, опылением? какие они, кстати, жители Традагора? две руки или больше? и есть ли у них руки, или, может быть, щупальца, или крылья или вообще неизвестно что? ходят они, летают или плавают? а может быть, ползают? или вообще стоят на месте, как

кусты или деревья? читают ли книги? смотрят ли телевизор? добрые они или злые? есть ли на Трандагоре злобные Гардоновы и секретарши-красавицы?

Ничего, совсем ничего не знал Сомов о Трандагоре! А между тем чувствовал себя постоянно трандагорцем, тянулся душою к этому далёкому и неизвестному миру и тосковал. Земная жизнь представилась вдруг Сомову скучной, чужой, неправильной и несправедливой. О, Трандагор! – вздыхал инженер Сомов. И хотя, повторяем, ничего не знал он об этом далёком мире, но в мыслях своих часто обращался к Трандагору, и Трандагор представлялся Сомову сказочно прекрасным. Там царило вечное ласковое лето, повсюду цветы и красивые женщины, а люди все добрые, умные, и он, Сомов, среди них такой же добрый, умный и весёлый. Он идёт по широкой аллее, обсаженной розовыми кустами, раскланивается вежливо и приветливо со знакомыми и ведёт учёные беседы с трандагорскими философами, прогуливаясь туда и обратно, подобно древним мыслителям. А к вечеру он возвращается к себе домой, в свою трёхэтажную виллу из красного трандагорского дерева и синего трандагорского стекла, проходит мимо бассейна, обложенного изящными трандагорскими камнями причудливых очертаний, мимо бассейна, в котором плескаются его чистенькие, радостные и любящие его дети, которые кричат ему «Здравствуй, папочка!». А на крыльце с резными колоннами его встречает красивая и молодая жена, и улыбается ему, хотя лицо её в несколько неопределённо и напоминает то лицо его здешней, земной жены, то лицо секретарши Ниночки, то какое-то ещё красивое лицо, может быть артистки, а может быть дикторши телевидения, а из кухни тянется аромат чудесных трандагорских кушаний, и ожидаются гости, его лучшие трандагорские друзья, которые придут поздравить Сомова с очередным великим открытием из области фольклористики и эмбриологии, и наступает вечер, золотое трандагорское солнце опускается к вершинам далёких белоснежных гор, звучит неземная трандагорская музыка, тёплый ветер долетает к веранде, ароматы цветов, приятные звуки трандагорской речи, звёзды, деревья, улыбки, мелодии...

О, Трандагор! – вскрикивал инженер Сомов внутренним голосом. И вздыхал. И после таких мечтаний и унесения мыслями и всеми чувствами на далёкую звезду Трандагор, когда Сомов возвращался обратно на Землю, возникала у него и мучила одна мысль: Зачем он здесь?! Почему инженер Сомов оказался на Земле? И почему вообще инженер Сомов? Может быть, он здесь со

специальным заданием? Как разведчик и космический исследователь загадочной земной цивилизации? Может ли это быть? Но нет! Не чувствовал Сомов в себе никакого специального задания. Не знал ни шифров, ни паролей, ни явок! Что ему следовало изучать? куда проникнуть? какую собрать информацию? Ничего не знал Сомов, а, значит, и не было никакого такого задания. Но почему же тогда, почему Сомов на Земле?

И закрадывалось в его душу страшное подозрение. Поначалу Сомов отгонял эту дикую и ни с чем несоразмерную мысль, даже находил её смешной. Но она снова возвращалась и упорно лезла, и приводила аргументы. Сомов расстраивался, плохо спал, мучился, и подозревал, подозревал... Его подозрения росли, и он всё больше убеждался в справедливости своей догадки. От этой догадки Сомов становился всё грустнее. Даже мрачнее. Даже раздражительнее. Почти заболел. Инженер Сомов подозревал, что оказался на Земле случайно, что он просто потерялся в необъятных просторах Космоса, что его забыли на Земле, а инопланетный трандагорский корабль улетел без него к далёким звёздам и без него возвратится в сказочный Трандагор. Он, инженер Сомов, оказался на Земле по ошибке, никто не знает об этом на далёком Трандагоре, и теперь ему всю оставшуюся жизнь придётся мучиться на Земле, тосковать и страдать...

От этих мыслей Сомов совсем расстраивался. Всё его окружавшее: и люди, и вещи и явления земные, – всё казалось ужасным, неправильным, ни с чем несообразным и не соответствующим его, Сомова, трандагорской природе. Он иногда даже начинал задыхаться, когда в голову приходила мысль: А вдруг на Трандагоре другой состав атмосферного воздуха? И воздух земной для Сомова вреден и ядовит? Вдруг излучение жёлтого земного Солнца смертельно для Сомова? И он уже болен какой-нибудь неизлечимой радиационной болезнью? Никто ему не поможет! Земная медицина бессильна для его, Сомова, трандагорского организма. А то ещё учёные медики возьмутся за его изучение, и посадят в клетку, как кролика, и начнут проводить всякие физиологические эксперименты. Ужас! Сомов бежал солнечного света, потерял аппетит и сон. По ночам он вдруг просыпался, лежал неподвижно в своей кровати с широко открытыми глазами. Потом не выдерживал, одевался и шёл бродить по пустынным улицам. Заходил в парк, и там, на большой поляне, на вершине холма долго-долго всматривался в звёздное небо. И искал, искал звезду Трандагор! Он надеялся найти её инстинктивно, вдруг чувствовал иногда, что вот эта,

синенькая звёздочка, наверное, и есть желанный Трандагор. Но звёздочка мигала раз, другой, и Сомов понимал: нет, не то, не Трандагор! И снова всматривался в звёздное небо, до рези в глазах, до затекания шеи. И слал в открытый Космос свой молчаливый призыв, крик воспалённой души своей:

О, Трандагор!

О, трандагорцы-соотечественники!

О! Заберите меня отсюда!

И однажды этот призыв был услышан. (Все трандагорцы, не исключая и Сомова, обладают удивительными телепатическими способностями в дециметровом диапазоне.) Однажды на ночном небе появилась новая синяя звёздочка; мигнула раз, мигнула другой, скользнула к земле мелким метеоритом и опустилась рядом с Сомовым на поляну трандагорским космическим кораблём. На этот раз сразу открылись люки и выбежали встревоженные трандагорцы. Они бежали к Сомову, размахивали надкрыльями, трещали заушными трещотками и что-то лопотали по-трандагорски.

А Сомов стоял со слезами на глазах, не в силах сделать ни шага, и лишь протягивал к кораблю дрожащие руки. А трандагорцы всё лопотали и лопотали.

– Ах, инженер Сомов! – говорили они. – Ах ты, боже мой, инженер Сомов! Ах, как нехорошо получилось! Ах, какая вышла ошибочка! Ах, какой, так сказать, прокольчик получился! Ах, извиняемся, инженер Сомов! Ах, мы сейчас всё поправим! Ах, не беспокойтесь, инженер Сомов! Ах, кончились ваши страдания, инженер Сомов! Ах, мы сейчас живенько устраним дефект! Ах, мы сейчас всё восстановим! Ах, вы случайно попали под наше поле, инженер Сомов! Ах, извиняемся и ликвидируем последствия!

И трандагорцы с космического корабля действительно быстро устранили дефект, восстановили, и ликвидировали последствия. Даже немножко почистили Сомову память, чтобы он не мучился непонятными для себя воспоминаниями. А потом сели в свой инопланетный корабль, захлопнули лыки и улетели на Трандагор.

А инженер Сомов остался опять обыкновенным, земным инженером Сомовым. Ведь трандагорцем и космическим пришельцем он был по ошибке, в результате неисправности несовершенной трандагорской техники.

Вот теперь уже всё, действительно, вернулось на круги своя. И первым почувствовал это злобный Гардонов, почувствовал и разрисовал готовый Сомовский чертёж рожицами и фигурками. И

возмездия не последовало. По-прежнему инженер Сомов ходил в баню по воскресеньям, хлопала дверью тёща, была недовольна жена, воровал рубли сын-шестиклассник, хмыкал начальник, посмеивались машинистки, не отвечала на приветствия секретарша Ниночка, по-прежнему Сомова хвалили за исполнительность и дисциплинированность и ругали за безынициативность и неучастие в общественной жизни, и не повышали в должности и окладе.

Немного осталось на Земле следов от трандагорских космических пришельцев. Собственно, ровно три. Во-первых, инженер Сомов так и остался старшим инженером. Во-вторых, пристрастился к сабантуйчикам. Да ещё, то ли в спешке, то ли в силу несовершенства трандагорской техники, но только не удалось до конца вытравить из памяти Сомова само это слово «Трандагор». Правда, употреблял его инженер Сомов очень редко: в исключительно стрессовых ситуациях или после третьей рюмки на сабантуйчике. И употреблял всегда в отрицательном смысле. Он говорил, например, «А иди ты в Трандагор!» Иди «Трандагор тебя возьми!» Или даже «Трандагор твою мать!».

И только жена инженера Сомова могла бы засвидетельствовать, что иногда среди ночи Сомову снился какой-то странный сон, он ворочался, шевелил губами, причмокивал и тихо вздыхал под конец «О, Трандагор!». Но жена спала крепко, а сам инженер Сомов наутро не помнил своих снов.

20. Литературная импровизация

1984.

Когда человека тянет к музыке, он может поставить пластинку или сходить на концерт. Но иногда этого мало: хочется не только слушать, хочется самому говорить.

Можно научиться играть на музыкальном инструменте. Это активнее.

А бывает так, что душа переполняется чем-то невыразимым, и это требует выражения. Звуки уже звучат в груди, и это собственные звуки, не имеющие прототипа. Может быть, они и похожи на ту или иную музыкальную фразу, уже сочинённую кем-то когда-то. Но не совпадают в точности, и несколько фраз подчас перепутываются вместе, а ещё прорезывается и что-то своё, не бывалое ранее.

Есть ли это композиция?

Вряд ли, слишком много заимствований, да и возникает всё без расчёта, как бы без труда, само собой, как дышится.

Или это всё же простое исполнение?

Нет, иначе придётся признать, что исполняется сразу несколько произведений, да ещё и фальшиво.

В музыке для подобного творчества есть название – импровизация. Создание музыки в момент её исполнения.

Иногда импровизируют в стихах, но это обычно как бы в шутку, и получающиеся строки за поэзию считать не принято.

Вас не тянет к перу?

Мне кажется, писать – одна из самых естественных потребностей человека. Как способ общения с себе подобными, она восходит к тому далёкому времени, когда наши предки оставляли красноречивые метки на деревьях и камнях, подобно ныне живущим диким зверям.

Но что писать? Как писать?

Если подумать, то можно увидеть, насколько искусственна литература – не только современная, но и с самого момента своего возникновения. Содержание (что писать) и форма (как писать) прозы регламентированы очень жёстко при всём кажущемся разнообразии.

Положите перед собой чистый лист бумаги и возьмите в руки перо. О чём вы задумались, если только что душа ваша была переполнена и, казалось бы, только и ждала случая двинуть руку с пером по бумаге?

Сразу видно, что вы много читали: закону построения прочитанного тяготеют над вами. Вы не можете (боитесь) писать незаконно.

Собственно, всё это разнообразие жёстко регламентированной прозы лишь подчёркивает разграничительную маркировку. Необъятное и вечно изменчивое море кажется на первый взгляд скучно однообразным, поскольку не разграфлено на жанры.

И всё же попробуйте импровизировать в прозе.

На мой взгляд, это увлекательнейшее занятие. Берёте тему и пишете – «вслед за пером».

Вот и возникла аналогия: есть в японской литературе уже такой жанр – дзуйхицу – «вслед за кистью». Японцы, конечно, пишут кистью.

В X веке придворная дама Сэй Сёнагон написала в этом жанре знаменитые «Записки у изголовья».

Иногда говорят: эссе.

Или: записные книжки, дневники.

Закройте глаза и попытайтесь забыть о существовании жанров. Даже таких экзотичных (или естественных?) как дзуйхицу.

Импровизируйте!

И если вы будете писать с в о ё , ваш жанр обязательно будет отличаться от уже существующих. Хотя бы так, как «вслед за кистью» отличается от «вслед за пером».. Японцы, конечно, пишут кистью.

Я пишу импровизацию о литературных импровизациях.

Столь естественная и непосредственная связь души с бумагой, конечно, налагает строгие ограничения на то, что выходит из-под пера. У вас не получится ничего длинного. Максимум – две-три страницы. Потом вы можете собрать много таких записок вместе – получится (если получится...) книга. Как «Записки у изголовья» у Сэй Сёнагон.

И ничего нельзя исправлять.

Во всяком случае, мало.

Чем меньше вы будете исправлять, тем лучше.

Иначе это уже не импровизация. А вы умеете писать не импровизации? Запутаетесь и всё запутаете. Лучше уж и не исправляйте вовсе!

И ещё вам потребуется предельная отточенность и точность стиля. Нельзя же, в самом деле, допускать неряшливость в таком маленьком (две-три страницы) произведении искусства.

Поэтому думайте перед тем, как написать слово. Но думайте чуть-чуть. Иначе это не будет импровизацией, или вы уже ничего не напишете, а только будете думать и думать...

Может быть, будущее – за импровизацией.

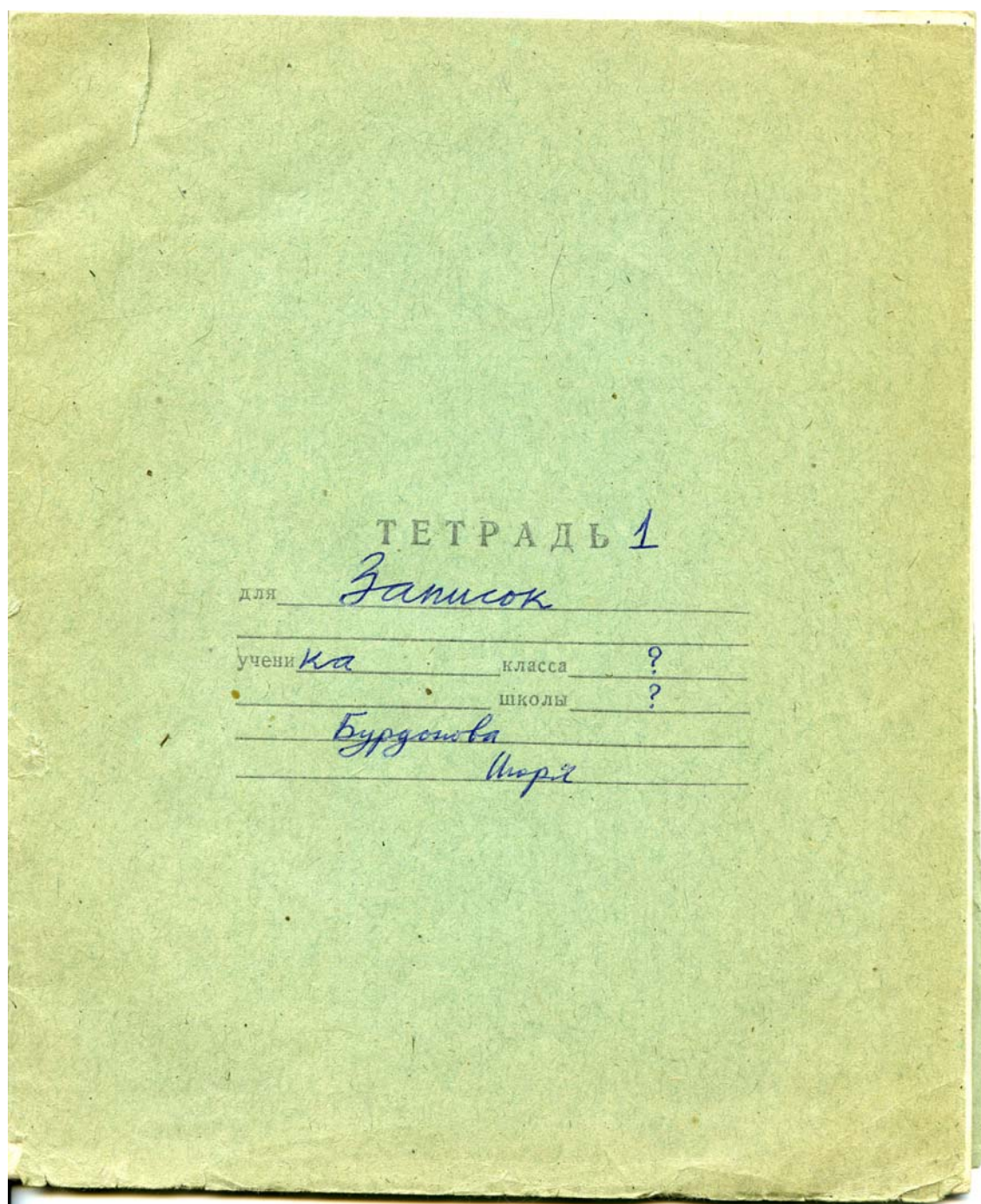
Придёт время, и люди поймут, как важна в жизни импровизация. И не будет глупого спора между дилетантами и профессионалами.

Придёт время, к люди поймут, что право на творчество – естественное неотчуждаемое право человека.

Импровизация есть творчество в процессе жизни.

И заканчивайте свои «дзуйхицу» так же сразу, как начинаете.

21. ТЕТРАДЬ ДЛЯ ЗАПИСОК

1.1
27.9.84

Нужно писать.
Нужно писать каждый день. Как дошито.
Иногда ничего не пишется: мысли и чувства,
наблюдения, итоги и проблемы предвечия, — всё
внутрь.
Иногда не пишется жизнь.
Сейчас читаю Виктора Шкловского "О теории
прозы". Последний из поэтов.
Наверное, поэту каждое предложение хочется
начинать с красной строки.
Как пишет Виктор Шкловский — не пишет
никто. Как-то в "15" он заметил: сейчас
никто не пишет так, как надо писать. Никто
не умеет писать. Шкловский тоже не умеет
писать прозу — поэту он пишет заметки "О".
Но он знает, что пишет надо иначе.

Писать надо иначе.
В этом вся суть.
Начиная с того, что будем писать, а не
печатать на машинке. Хотя бы эти заметки.
Но прежде всего нужно писать каждый день.
Это далеко войти в привычку. Это далеко стать
ритмиком. Прекрасно пишет Шкловский о задержке,
замедлении, остановке — как основе ритма:
в поэзии и в прозе. Так и в жизни.
Художественная письменная речь отличается,
прежде всего, ритмом. Так и жизнь — бывает
разная. Художник обязан вести художественную жизнь.
Иногда он ничего не делает. Иногда обязан быть
художником. Иногда он ничего не делает.
Повторение — это тоже остановка, по Шкловскому.
Каждый день эти заметки нужно начинать с прощаль-
ного напора странный день, напора странный и данный.
Это повторяющийся элемент.

1.2.
27. 984.

Садясь за стол, раскрывая эту тетрадь, я буду
оставлять жизнь. Нельзя думать на бегу. Но даже
если вы ваша жизнь - точка и без за усложненной
точной равновесия, даже и это нужно делать
ритмически. Глубокое ритмическое дыхание, как
говорит йог. ~~Человек~~

Чтобы ваши ритмы резонировали с ритмами
вселенной и вы стали независимы. Регулярно оста-
навливайтесь и думайте.

Я начал писать эти записки уже того,
чтобы Руслану не было скучно вести свой
дневник наблюдений.

За кампаниями.

Многие почти все делают за кампанию. Вот много
кампаний бывает разными. И меняется во времени.

Мои записки имеют адресата. Будем считать
моего адресата идеальным образом, изданным
моим воображением и мечтой о себе.

В первый раз хочется писать сразу обо всем.
Но - терпение. Вспомню свое время.

И еще: обязательно дописывать до конца
спрашивая. Нужно уметь победить себя при
помощи разных хитрых приспособлений - дописывать
до конца спрашивая. Кто-то сказал: тот, кто
не ищет сил в вас, должен всемогущество,
силы.

С утра мне дождь.

Но в парк с собакой я вышел уже после дождя.
После дождя нет ничего лучше, как медленно
идти по осенним листьям. Воздух свеж до небыва-
тельности. Улицы кричат, маленькие улочки, освещенные за-
метно. Не падают они в котлох края, оставшихся в
каком-нибудь незамерзавшем пруду. Небо шевелится, блещет.

2.3.
28.9.84

Итак, сегодня дважды валил доты без табака. А курить тогда хотелось так, как будто послышно сигарету выдохнул газ назад.

Но то, что такой кризис никотинового голода очень легко подавить. Никотинозное усилие вали и отвлечение на другие предметы. К сожалению, одновременно подавляется желание работать и думать с работой отвлекаются на посторонние предметы. Это все оттого, что сам кризис вызывает защиткой в работе, защиткой, которая предвещает концентрации мысли. Обычно я закуривал сигарету. И так как бы делалась остановка, тогда получался на проблему с иной стороны, или просто более спокойно, обрести более ясный взгляд. Собственно, это и есть концентрация мысли, внимания.

Вспомнил условный рефлекс: защита в работе — желание курить — удовлетворение галател — концентрация мысли — связь с мертвой мыслью. Наверное, какую-то роль тут играло и физиологическое действие никотина.

А теперь пишу новые концентраторы. Глоток крепчайшего горячего чая. Или хвачка, но от этой гадости сиди вонюх и в голове шумит. Можно еще глоток вина, но хрен рожки не слаще.

Наверное, лучше всего было бы сделать несколько глубоких ритмичных дыханий. Но тут купно усилие вали для расслабления мозгового спазма. Бросание курить предвещает крепких нервов, которые вонюх расслабляются.

Глотать практикующим. Но это временно, потому как гадость и противостоит концентрации. Лучше всего, конечно, холодной дури и йог.

Весь сентябрь на упрямые споры у меня уходило 2,5-3 часа: вставать, вставать на, ушибов, кричать дури, йог, завтрак, чтение Русалки вух мавн из "Гайоваты", прочесть Пушкина.

2.4
28.9.84.

Однако, хватит о курении.
Нужно.

Сегодня с утра жутко не хотел работать,
но всё же превозмочь себя. Коробочка.
Ходил в цирк в "Будущем" на "Блестящий
мир". Это не зря. Немного.

Но мне всё кажется: у нас девашизировали
рационализм. Такие как и сапир.

Также рационализм вымывался и ополчался,
а сапир сама стала пошлой и достойна вышней-
ваться.

Это происходит потому — и в этом я уже
давно убедился, — что не признаются альтернативы
для самой главной мечты: социальной.

Считается известным, куда движется челове-
чество, какова цель. Это — коммунизм. ~~Какая~~

Конечно, нам неизвестны детали, ноансы,
формы как пути, так и цели. Можно, пожалуй, бы,
варьировать, спорить, мечтать.

Ах, нет! Ведь предельная наука. А всё
остальное — даже и вредные мечты. Именно
потому в языке фантастика, даже сама, что
ни на есть онтологическая.

А за наукой, в свою очередь, не признаётся
права на мечту. Считается так: когда придёт
время, тогда и можно будет сделать научной
аргументации, обосновать и предложить научно
обоснованный вывод и программу развития.

Мечта в науке называется гипотезой. Без
гипотез нет науки. Без мечты наука превра-
щается в слепой эмпиризм и его
противоположность — вальтизм. Крайности
сходятся.

Какие есть гипотезы в Науке? Какие
мечты? Какие есть конкурирующие гипотезы?

Говорят, это зависит лишь от круга, от
сегодняшних проблем.

Но без мечты нет порока, и мечта — вина.

3.5.
29. 9.84.
4.5.
30. 9.84.

Всера не пишу.
не знаю почему.
Всера всера у нас была Мода Вилленкова. Подарила нам альбом Кудрявца. Она была в Болгарии в турпоезде.

Мне "Будакони" и "Мно".
Житие Шкловского.
Жушко москвито.
И погода сегодня, с утра москвитая.
Всера пишу в "Дизмиссионный словарь". Оказывает, что Шкловский вовсе не Шло, а Шосюр. И отсюда у нас не Вилленков, а Салунков. А я-то всегда думал, что сын.

Шкловский пишет:

"Моем в искусстве не одиноким.
Одиночество в искусстве нам же грустно,
как игра с мячиком против одного сына — сего
проигрывает, и мы не отменяем."
Моем в искусстве желаний или выходов заперо."

А в жизни?

За ведь это одно и то же: искусство и жизнь.
Во всяком случае, там, где есть жизнь.
Одинокие мыши.

Какое странное новое время!

Никто не читает стихов друг другу.

А были друг без друга не могут. Вот и наливает
друг другу вино вместе стихов.

Отменяет вместе вдохновение.

Трудовая дисциплина вместе перестала.

Не в этом ли суть нашего времени?

5.6.

1.10.84.

А может быть еще тысяч ~~тысяч~~ книг о П.Н.?
В этой книге будет Интер Блю. И, может быть, Андрей с
Александром.

В этой книге буду я. Но герой ее — П.Н.

Никак не могу кратко сформулировать
свое отношение к миру.

Может быть, прав Толстой насчет "существования
миров" и "страшного потемнения" жизни одичавшей?
Может быть, не формулировать надо (да еще кратко!),
а писать книгу? Толстого как "Война и мир".

Сегодня в "Правде" статья Кирилла Боголюбового
о ВИА. Показ статьи.

Почти фашистская.

Везде "держат" и не пушают" — это фашизм?

Боголюбовый не прав по двум причинам.

Во-первых, он считал таланты с дружбой.

Во-вторых, его послушание, так не профессиональ-
ные композиторы не имеют права писать музыку.
А не профессиональные поэты не имеют права писать
стихи.

Творить — дело избранных (и официально
признанных). Внимать (потреблять) — дело народа.

А потом еще удивляться, откуда у нас
берется потребительство!

Потребительство — одорентная сторона профессио-
нализма.

И разве нам сознательной целью — это не
общество, где каждый живет и должен мирно
музыка и поэзия?

Да возможно ли потребовать поэзии,
чувствовать поэзию — и не писать стихов?!

Невозможно!

Могут сказать — или в снах. Или же
восстановить?

Но впадать про отношения чужих...

6.7.
2.10.84.

Что ж мне делать с моей работой?

Мне стало физически тяжело работать.

Да, я учал большую ошибку, став начальником сектора. Мне не имело лишних 70 руб., но зато не имело и стресса.

А сейчас, во-первых, трудно отойти от 70 руб., которые уже имелись. А, во-вторых, и это главное — вернуть просто вернуться назад. Неграмотность врачей. К разговору о медицине отнюдь не так, как к обывателю, создавая.

Но я поты орто, и намерен твердо продолжать этого поты орто своего пути.

Главное — спокойствие.

Еще другим асимметрии прилепано на работе — живая на работу. Даю себе я буду делать, но — спокойно. Карьера имеет более абстрактно не иммерсует. Делать — тоже.

Нали — в этом случае издало издать еще года четыре ~~или~~ назад. Им даже имело.

Собственно, всего этого всего после университета я считал, что карьера и делом делом было всего лишь подготовкой продуктам моего труда. Но, видимо, перепутались. Быть начальником — это малой подготовкой продукт труда, который оказывает фактическое действие и меряет характер самого труда.

О господи!

Скажи же ерунду и беспроблемной ту-ности вокруг нормальной работы!

Бюрократизм и формализм, канцеляризм и казенщина, безразличное административное мышление и деурядность деловых...

Всё это, я убежден, не изобретено, не просто недомыслие или изобретение.

Всё это вновь и вновь порождается и воспроизводится существующим социальным устройством общества. Механический прогресс, к тому же производству. Бытие определяет сознание. Но и наоборот тоже.

Б.Б.
2.10.84.

А с нашими идеалами что-то не в порядке.
Человек, отнесённый к перечню обожательных "наложни-
ческих", "камуришечных" войнв характера, инстинк-
тивный человек... не имеет души.

Он правдив и честен... Как ординарный
словарь.

Конечно, мне возражат, что даю совсем не в
этом, и что какое-то отвлечённое качество — это не
может возбудить против меня?

Возбудит только глупость.

Но идеал — это нечто иное.

Идеал — это не то, что ныне считается
правильным и хорошим.

Идеал, прежде всего, есть невозможное!

Христианство, в своё время, хорошо понимало
это, когда пошлывало в ветхир — идею! Мил, а не
просто мило. Святой совершал невозможные подвиги
и был невозможной жизнью.

Это в наше прагматическое время требуется
резко снизиться.

Есть камуришечный мир, это то, как
продвигать "ударники камуришечной тузы", или
избитые менты...

Реализм доводит до прагматизма.

Что за идиотская идея о "всё возматомых
потребностях людей"?

Не возматомы данные потребности, а
умножающиеся! Извешиваемыми иррациональными
глагол, а откровенно.

Хотя бы во имя здоровой потребности не
данных возматомых.

Что не касалось духа, то... духовная пот-
ребность — это всё же от слова "пожелание".

А нукаго — творить.

7.9.
3.10.84.

Сегодня в ИТМ Блюв на семинаре рассуждал
о системе, которую делает наш лабораторный в ИТМ ВТ.
Интересно...

Остальную часть дня на работе занимаюсь
администрированием: распределяю аккорды, одобряю
план на IV квартал и сов. обязательства.
Жуть...

Стихи не пишу.
Скучно.
Курить хочется.

8.9.
4.10.84.

Прочитал в ИЛ "Мертвую зону" Стивена Кинга
(N 123 84).

Немногой рана.

Но...

Вот я представил себе, что мне приходит в голову
идея такого романа, напечатанная стопом, чужеземное право,
характеры, эгоизм, каинизм, перманент, мания, дилемма.
Стихи бы я писал?

Увы, нет. Писать такой роман неинтересно.

А поэту?

Не поэту ли, что писать вообще "неинтересно",
ч. е. художественно?

Или - это все не то, Шкловское "интересно"?

Начал читать "Балетного осяза".

Можно и восторг...

Забуду Пушкина - от восторга в себя.

Мудрое это искусство - уметь быть самим собой.

Естественность - вот что более всего поражает меня
в Пушкине.

Естественность это поэзия?

Адекватность слова и жизни - правда.

В некоторых строках Пушкина правда тоже есть.

*Играть, играть, возомыть играть..."
Маленькой абсолютной истины.

8.10
4.10.84.

Справно, на ~~французском~~ приходях стихи китайской классической поэзии.

Мои тогда естественность — бездурная естественность. Инстинктивная точность. Благость рога, ветер года...

Последние недели преследует мысль "Лили" на стихи Рабиндраната Тагора (испечен, "испеченный хлеб" — утка не). Мои еще играют — я их воспринимал как вместе с матерью — всего несколько строк.

Справка удивительной, странной силы.

Они, кстати, не слова "заветные".

Они ближе к источнику флуктуирующих разрушений, чем к непосредственной губе.

Милый-образ. Это удивительно.

Как-то ~~П.К.~~ П.К. говорил, что у меня это есть: соединение любви и порока.

Я это иногда губе.

Так трудно писать.

Нужно найти свой способ писать.

Освободиться от удовольствий — это, пожалуй, самое главное. Победить, одолеть в себе редактора и критика.

Естественность — это удержание в своей собственной, неповторимой ритме.

Никто внешне не содействует с этого ритма.

Нельзя независимости.

и в то же время ощущая этот свой ритм как пульс вселенной.

Вселенная для меня изобретена в ритме моего дыхания.

В литературе нужно уметь жить.

9.10.
5.10.84.

Сегодня забавлялся шашками и не пошёл на работу.
Оказалось, что это ещё не причина для творческого
вдохновения.

Далю я не пишу.
Маленьким братишкой купил себе обложечку?
Мне же сын сестры отнёс для приговора злого пастора.
В эти моменты я счастливый. Счастливы нервные и злые.
Мне, купив оторванную сторону.

12.10.84.

6.10.84. праздновали мой день рождения.
Никого хорошего.
Подарили доброту купленного котёнка.
Были: Каминский, Лихачёв с женой, Козырев, Щурин,
Моя - на вечер в Башкирии живёт, Бродяков, Мав.

7.10.84. Возвращение.
Возили в поход за какашавую горку Востановилась.
Б. гав. думала прощайка.
Купили.
Бродяков дом с огнём и призывом с разговорами
к Ване Бродяков. Совсем её заливает.

10.10.84. Среда.
Купили с Иваном Ивановичем.
И заодно ую. Итого купили со Смирновым, Курдюмовым.
Вопрос у нас был Бродяков, Купили и т.д.

11.10.84. Четверг.
Купили Курдюкову сестру рук. много денег
много.
И т.д.
Ночь парализована. А ещё, впрочем, являюсь много.

Вечером купили с Кадрией за 70 руб.
Тихо купили и встали 28. нива.
Ещё купили с Востановил - тайная война и война.

11
12.10.84

„Муромца давай работать и прошивать по ширде.“

Нескільки неохайливо.

Сьогодні не можеш на роботу.
Урабатувати далі не буру — не могу.

Вечером піди і зник в розп.

Тепер нічого решити: як жити з роботою?

Можливо, не буде мене ніколи. Попав я в ловушку і вилезти не можу. Сьогодні тільки зайнятий нещом. Можеш вийти, сьогодні спокійно. Нездарність от окуриваючий дим? Інше слово — німоту на всі і закінчення його.

Німоту на всі — це хорошо, бо як при так роботі?

Нічого...

І навіть — нест мене поздравляти ти з такою стороною.

Здорово в нашому об'єкті всі задоволені — не менше.

Хуже всего то, що тільки розсміється далі на самих дитках людей.
Ми в цей.

Сьогодні класичного індійського мислення.

Как Бессимильна и жесткая наша система разделения труда.

Мир на нас надевает каждый профессионал.

Любая наша деятельность — почти катастрофа, ибо чередой детей, престарелых, потопляющих людей и т. п.

12
13.10.84.
Судьба

У каждого из нас свой "бременный край".

Сегодня вернулись из командировки в Казань Зина Ершобродина и привезла книгу стихов Фаризы Рахмиевой. Называется "Край". На обложке книга - это розетки и свеча. Всего около 70 стихотворений. Большинство из них я читал раньше.

Саму Фаризу Ершобродина не видела. Книжку купила в магазине.

Я подсчитал: книга стоит 25 коп и при тираже 2.000 экземпляров всё вместе стоит 700 рублей.

Скажи же купила Фариза?

При такой цене не проще ли не покупать авторам годины, а разделение издательства за содвинутый сайт?

Не людям у нас авторов.

Настроение плохое. Мочка.

За что вы возмущены, кажется, — книгу 250 не купили. Стоит ли драмать?

Какая книга "Заметки у издателя". Книга стоит 250 коп, депозит?

Никак не могу понять: если сейчас компания почти бросит таких "Заметки", это будет высокая литература или нет? Если нет, то тем не менее хорошо оригинал? Если оригинал, какова отсылка от книги, тем тогда книга?

13

15.10.84.

Понедельник

Читаю "Заметки у ираковца": Работники овальной
Базы не могут сосчитать японские танки и любоваться
цветущей веткой сакуры. К тому же, они ругаются маман
и злятся наусу.

Был на овальной базе. Наблюд.

16.10.84.

Вторник

19.10.84.

Пятница

22. ГОЛОС В ТИШИНЕ

13.10.84

Найду ли отклика в твоей душе?

Сегодня ночь.

За окном мрак и бесчисленные огни.

А лампа зелёная и ваза, в которой стоят засохшие цветы, - вьетнамская. Засохшие цветы изящнее живых. В этом есть что-то вьетнамское. А из напитков – только чай. Но прекрасный свежий благоухающий чай. «Самый лучший в мире чай».

Познакомились.

Пожалуй, я начну с мелкого этюда, я вытащу его из пыли архива, отряхну. Сам не знаю, почему мне приходит в голову этот этюд. Тем более, что, строго говоря, он и не мой. Он принадлежит человеку по имени... но об этом позже.

– Мальчик, – говорю я ему, – повернись боком.

Он доверчиво повернулся. Я ему раз! – по затылку. У него кепка слетела и он едва не упал. Потом отбежал шагов на пять и кричит: – Дяденька, а дяденька!

Я уж было уходить хотел, не поворачиваясь, но повернулся всё же. А он мне булыжником по лбу как заедет! В глазах у меня чёртики забегали, серебряные точки заскользили по-броуновски. Всё так стало нереально и чудно...

– Что же ты мальчик, – прошептал я, погружаясь в темноту, – как-то ты так...

И я без чувств скатился в канаву.

Как это печально – одиночество.

Нет, это и в самом деле грустно.

Тот человек спился. Или просто утратил поэтический дар. Кстати, он никогда не писал стихов. Но зато он придумал Андрея и Александра.

Этот Андрей всегда гоняется за Александром и его шайкой. Всё время стреляют, масса трупов. Но сами без единой царапинки. Неизвестно, зачем Андрей гоняется за Александром. Таковы правила игры, и они знают об этом. И выпить не дураки.

В общем-то они свои парни. Простые такие. С юмором. Мне кажется, тот человек антураж взял из комиксов, а героев списал с себя.

Простой такой парень. С юмором. И выпить не дурак.

А я дурак. Дурак, что вспомнил об этом. Стало грустно. Давно это было и пути наши разошлись...

Долой воспоминания!

Будем писать лишь о том, чего не было и быть не может.

Вот только вспомню ещё одного человека, который, умер.
Вспомню молча...

Ну-с, а теперь продолжим. Или, вернее, начнём заново.

Бесчисленные огни за окном – это чужие окна.

23. Возлюби ближнего своего

1984

Возлюби ближнего своего.

Конечно, прежде всего, это значит: не убий!

Никого не убий: ни ближнего, ни дальнего.

Но ещё это значит: ищи себе подобных!

Поиск братьев по разуму каждый из нас ведёт здесь, на Земле.
Одиночество – вот что такое смерть для человека разумного.

Протяни руку мне.

Пусть грязь на дорогах, и бетон с четырёх сторон, и огни бесчисленные – не звёзды, но окна чужих домов, и сквозняк вместо свежего ветра, и время – не вечность, но звонок будильника, и за поворотом – остановка автобуса, а не тайна и загадка, пусть суетливо и сиротливо скручивается нить судьбы, а кругом шум, гам, дым коромыслом и светопляска.

Протяни руку мне сквозь это.

Ищите себе подобных. Людей так много на земле.

Во вселенной бесчисленных звёзд столетия свет летящий не встречает никого, лишь пустоту. Как грустно тому, кто пролетает жизнь свою одиноко, и, даже умирая, не может сгореть – как сгорают порой метеориты в атмосфере встречных планет. Существует космологическая загадка: если звёзд светящихся бесконечно много, отчего не взрывается вечным светом ночное небо? Как на Земле бесконечно много разумных миров – ведь каждый человек это целый мир не правда ли? Отчего же темнеет в глазах у тебя от одиночества?

Не каждому дано почувствовать вкус одиночества. Некоторые глотают его, не разжёвывая, или заливают водкой, чтобы отбить этот вкус. Вообще, есть масса способов. Например, говорят: работа – вот смысл жизни.

Остановитесь на миг – почувствуйте вкус.

Как радоваться встрече, не постигнув разлуки? Случайной встрече и чудесному созвучию душ.

Разгляди ближнего за мельканием дней.

Разгляди идущих рядом.

24. Первый снег жёстко стелет землю

16.10.84

Первый снег жёстко стелет землю.

Это ещё не зима. Просто очень холодно, вода замерзает и ветер колет лицо. Кругом серый свет.

~~Сердце ожесточается и твердеет.~~ Становишься спокойным и чёрствым, как сухая замёрзшая корка. ~~Только внутри какая-то последняя точка бунтует и жгёт.~~

Хочется тепла, уюта и старинной музыки.

Хочется отогреться у огня.

А если ещё подадут горячего глинтвейна, то можно послать всё к чёрту. И сразу снег за окном повалит гуще, земля забелеет, начнётся зима, ~~и это значит, что сердце смягчается.~~ И сам становишься мягким и рушистым, как снег или шуба.

Только тогда понимаешь тщету суетливых устремлений и спокойное мудрое постоянство извечных ценностей. Нет, не от сложного бежишь к простому, это было бы глупо, ненадёжно и безуспешно. Бежишь от сложности нагромождения к сложной утончённости.

Разве культура не есть утончение?

Разве красота не есть внутренняя сущность каждой вещи? А польза – лишь форма проявления прекрасного?

Поэтому, когда ветер крутит первый снег в каменной воронке многоэтажных зданий и соскальзывает с асфальтовой земли, – это ещё не зима.

Почему город противопоставляют лесу? Не потому, что лес прекрасен, а город нет. А потому, что лес всегда прекрасен, а город бывает и безобразен. И ещё потому, что город может наступать на лес и убивать его, а лес – не может. Лес наступает лишь на мёртвые города. А город наступает на живой лес.

Для того, чтобы город не был безобразен, люди должны прекратить гонку. И гонку вооружений тоже.

Безобразное – от торопливости.

Красота спокойна даже в стремительности.

Так водопад соединяет в себе движение с неподвижностью, падение с оцепенением. Это совсем не то же самое, что одноразовый плевок.

Чудесная погода

20.10.84

Чудесная погода.

Солнце — я вижу его отражение, сверкающее в окнах домов напротив. В каменный колодец нашего двора заглядывает голубое небо. И даже клочки растений у подножия домов кажутся не такими жалкими, как они есть на самом деле. И даже наблюдается что-то вроде игры осенних красок: жёлтого, красного и зелёного. Хотя, конечно, бельё на балконах гораздо ярче.

От хорошей погоды становится хорошее настроение.

В этом, как говорит один человек, есть какая-то подлость. Что ж, при плохой погоде надлежит скучать? Или, к примеру, у меня нет причин для хорошего настроения: всё из рук вон плохо. Что ж я радуюсь, как идиот?

От того, что светит солнце? И небо голубое?

Или оттого, что ещё светит солнце и небо по-прежнему голубое?

В хорошую погоду тянет помечтать, а плохая погода навевает воспоминания. Будущее и прошлое. Свет и тьма.

А вот ещё говорят: нет ничего лучше плохой погоды.

Это, конечно, от неуверенности в завтрашнем дне.

В прошлом, особенно в детстве, всегда была хорошая погода. А если покопаться и с трудом вспомнить какой-нибудь свой плохонький поступок — согласитесь, в тот момент погода была не ахти.

Йога основана на естественном понимании человеческой психологии. Думайте о чём-нибудь светлом, например, о голубом небе и белых облаках, не пускайте в сознание своё ничего плохого, будь то плохая погода или плохое «я».

Мысль о единстве этики и здоровья — верна.

Но человек европейской цивилизации или, как говорит один человек, белый человек воспринимает эту идею, как, впрочем, и многое другое, несколько односторонне: в здоровом теле здоровый дух. А вот, что без нравственного усовершенствования и очищения нельзя достичь физического здоровья, и что и то и другое необходимо

именно для движения к другим людям, – сиё, конечно, не понято. Белый человек эгоист до мозга костей.

И развитие европейской цивилизации идёт от высокого эгоизма человека разумного к низменному эгоизму рвача и мещанина.

И если светит яркое солнце и небо голубое и краски деревьев и кустов живые, как никогда, если всё это есть, а на душе тоскливо и нет причин для хорошего настроения, то – пусть скроется солнце и мрак окутает землю, а ещё лучше – серый беспросветный дождь и холод.

И – нет ничего лучше плохой погоды.

Вот так доигрались в собственную разумность и исключительность. Вот так перестали понимать мир вокруг нас.

Цивилизация начинает напоминать подвал, в котором с младенческих лет держат человека, чтобы проверить, может ли он прожить без солнца?

А может ли солнце прожить без человека? Вот тема для дальнейших размышлений.

25. ПУТЬ НА РАБОТУ

1984

Утра ещё раннее и сто метров до остановки автобуса – вдоль ограды парка – тоскую. Там – за оградой – роса на траве и тропинках, туман в низинах и небо над ветвями деревьев.

Стаи ворон городской популяции, но среди них угляжу чёрную спину ворона. Он сидит спиной ко мне. Смотрит одним глазом вниз – на течение и завихрение ручейка в травяных берегах, а другим глазом – вверх. Вверх – если вам случалось поднимать голову в столь ранний час – облака плывут по небу. Осень.

Чёрному ворону заведу чёрной завистью, к тому же живёт он триста лет, и ускоряю шаг, к тому же автобус подходит к остановке.

По простуженным улицам промозглых кварталов, а проще говоря, по направлению к метро мчится автобус. Видно, что дома ещё спят – задёрнуты шторы на окнах, да и солнце ещё не взошло и ничто не отражается в стёклах. А люди выпрыгивают из подъездов и уже бегут к остановкам, семят деловито до изумления. И все они вроде меня.

Когда сидишь в автобусе у окна, пригревшись, и из этого окна наблюдаешь жизнь, она кажется несколько странной.

Как будто кто-то так долго трудится над своей работой, что уже и забыл – для чего он её делает.

Однажды из окна автобуса увидел я телегу с сеном, плетущуюся по улицам города. Окно было открыто, и я почувствовал запах сушёной травы. А сверху синело небо.

И все дома ещё на проснулись, лишь только хлопали двери подъездов. Это было чудесно.

Почти как ворон на ветке дерева, который живёт триста лет. Ему некуда торопиться.

Метро – в сущности, подземелье. Ярко освещенное. Для горожан это место почти святое – здесь не курят, не плюют и не сорят. Здесь назначаются свидания. В нашем парке (где чёрный ворон) гораздо грязнее.

Я в метро всегда читаю газету. Две остановки на первую полосу, пять – на последнюю. Пересадка. Третья страница – три

остановки, ~~пятая — две остановки. Пересадка. Четвёртая полоса на~~
~~четыре остановки.~~ Вторую страницу я не читаю и выхожу.

В метро меня несёт человеческий поток — по лестницам, переходам и эскалаторам. Здесь действуют гидравлические законы.

В метро от того кажется так тихо, что постоянно шумят поезда.

На поверхности солнце в небе совершает сложные маневры между облаками. Крыши административных зданий подпирают небо.

Шагаем по асфальту.

Здание поглощает входящих сотрудников. За стеклом подъезда пересекаю холл и предъявляю пропуск ~~человеку, который~~
~~всегда в костюме, при галстуке, тщательно выбрит, пострижен и~~
~~причёсан, сзади пиджак оттопыривается, потому что там — кобура, а в~~
~~ней пистолет.~~

Я похож на свою фотографию и меня пускают.

Уже здороваюсь на ходу.

На лифте — вверх.

Из окна комнаты можно увидеть город.

А также небо.

Птицы на такой высоте уже не летают.

Ну-с, приступим...

26. Старинные вещи

22.10.84

Старинные вещи всегда прекрасны.

Старинная музыка полна очарования.

Не слишком быстра и не слишком медленна. Звуки чисты. Мелодия обворожительна.

Мелодия всегда знакома. Как будто услышал вдруг нечто давнее, слышанное ещё в детстве, но забытое. Силишься вспомнить и никак не можешь.

Это, видимо, потому так происходит, что в старинной музыке звучат те первоначальные мелодии, которые впоследствии веками использовались, обрабатывались, переиначивались поколениями музыкантов.

Мелодий и вообще-то на свете не очень много.

Как рифм в стихах.

Есть в старинных вещах несуетность и умудрённость. Простота? Нет, так может показаться лишь на первый, поверхностный взгляд. Старинные вещи совсем не просты. Напротив, они утончённо сложны. Но вот эта утончённость, доведённая до совершенства и кажется простотой.

А ведь казалось бы старинные вещи, сохранившиеся до наших дней, случайны. Вовсе не всегда сохраняется самое лучшее, самое прекрасное. Говорят, что время – лучший судья, и то, что плохо, предаётся забвению, и лишь лучшее и прекрасное сохраняется и передаётся по наследству. Но откуда сие следует? Эта самоутрадительная формула призвана снять с нас ответственность и превратить нас из судей в сторонних наблюдателей. Но это другая тема.

Я осматриваюсь – меня окружает масса вещей. Что из этого сохранится? Что будет восхищать наших далёких потомков? А что канет в Лету?

Я думаю, выбор случаен. Или почти случаен.

И всё же я продолжаю утверждать: старинные вещи всегда прекрасны, старинная музыка полна очарования.

Само время шлифует случайно сохранившиеся вещи в своём потоке и делает их прекрасными. Вместе с уходящими годами, десятилетиями и веками уходит, остаётся в прошлом всё лишнее, грубое, и вещь шлифуется, утончается, обнажая душу. А душа вещи всегда прекрасна.

Время – великий художник.

И музыкант – старинная музыка полна очарования.

27. Кондратий Михайлович и его живот

23.10.84

У Кондратия Михайловича рос живот.

Поначалу ничего не было заметно.

Потом стало похоже на небольшое вспучивание.

Далее в животе появилась «тяжесть». Возникло урчание. Пришлось сменить дырку на брючном ремне. Слабительные не помогли. И наконец, стало совершенно очевидно и наглядно: живот растёт.

Лёгкая припухлость превращалась в матёрое полушарие, кожа залоснилась, пупок исчез в глубокой воронке.

Кондратий Михайлович переживал.

На работе шутили.

Жена изумлённо восклицала.

О прочем умолчим.

Было испробовано: сыроедение, конный спорт, иглоукалывание, пять форм голодания, заговор, столоверчение, хатха-йога, бег трусцой, карате, три вида мистицизма и четыре диетические революции, лёд на пятки, голову и живот, горячий песок туда же, хождение босиком, табакокурение, аэробика, анаэробика и кукарекия.

Помог аутотренинг: Кондратий Михайлович смирился со своей участью.

Лишь по ночам в кошмарных сновидениях являлись ему развивающиеся народы Африки и Латинской Америки и, укоризненно качая головами, говорили:

— Гад ты, Кондратий, и буржуин! В то время как мы боремся за независимость и массово недоедаем, ты, Кондратий, отращиваешь живот!

И ещё заглядывал периодически рыжий красанец —известный космический пришелец — и тоже говорил:

— Что ж это вы, товарищ Кондратий, со своим животом портите весь космический вид вашей гуманоидной цивилизации и

тем самым препятствуете установлению скорейшего контакта с человечеством в масштабе всей галактики?

А ещё являлся костлявый мальчишка с злыми глазами, который утверждал, что он – Кондратий в детстве, требовал рубль на кино, плевался и кричал:

– Ты мне всю жизнь испортил!

И ещё... но о прочем умолчим.

Вот так у Кондратия Михайловича рос живот.

И вырос.

А потом Кондратий Михайлович помер и его похоронили.

28. Итальянские песни несут тоску

25.10.84

Итальянские песни несут тоску.

Не ту тоску, которая от скуки, а ту, которая есть «такое сложное, несформулированное желание, к которому и слов то не подберёшь» (Анчаров).

Или, лучше сказать, они пытаются формулировать это сложное желание. На языке музыки.

Итальянские песни возрождают приоритет голоса над аккомпанементом.

Новый голос звучит удивлённо.

Да, мир не таков, каким он видится в мгновения вдохновения.

Отсюда тоска.

Удивление, призыв, вдохновение, печаль и тоска.

Под небом Италии – оно ведь общее для всей планеты? – танцуйте все!

29. Есть женщины

26.10.84

...Сосуд, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий: в сосуде

Многие женщины напоминают потухший, светильник. В них есть всё и... нет ничего, ибо нет огня, нет жизни, и блеск их глаз как блеск натёртого паркета или сверкание драгоценного камня, или что угодно, что светит отражённым светом, что не имеет внутреннего огня. Но потухший светильник кто-то ведь потушил, и было, значит, иное время...

Иные женщины загораются ответным огнём, но отойди и пламя умолкает, и лишь угли тлеют под золой.

Есть женщины, в глазах которых огонь, мерцающий в сосуде. Они живут по собственным законам, в особом измареньи, где только боги и они. Ты их узнаешь по бескорыстию, вводящему в отчаянье их близких. Или по смелости, с какой они свой мир несут в наш мир, не пряча как обычно, не замечая взглядов и толчков. Или по той, наивной простоте, с которой лишь они умеют жить так, будто этой мудрости глубокой уже давно обучен мир. Иль по безумному огню, по отблеску безумия в глазах, что означает, что они сгорели, что их душа была не тугоплавкой, не выдержала собственного пламени. Беги от них, жалея их и беги...

30. Это здание – в виде раскрытой книги

3.11.84

Это здание — в виде раскрытой книги.

Последний раз я там был тринадцать, нет, четырнадцать лет назад. Честное слово, стояли солнечные дни в то время! Я был молод и почти всё время мне было хорошо.

Конечно, не храм науки – я был не настолько молод. Храмы остались позади.

Но всё же мастерская науки, и я надеялся стать работником в ней.

Путь к зданию от станции метро лежал по грязи новостроек – строили институты – мимо бетонного шара реактора, мимо котлована, мимо ёлочек у подъезда уже готовых мастерских.

Я и сегодня пошёл этим старым, вспомнившимся путём. Всё та же грязь, опять что-то строят, у ямы застыл с раскрытой пастью экскаватор. Имеется и шар реактора. Пасмурно. И глупо было идти этим путём – с другой стороны прямой, короткий, чистый путь в ёлочках.

Интересно, что все эти годы я часто бывал неподалёку и очень часто видел это здание в виде раскрытой книги.

Сегодня не солнечный день. Я разочарован и крест мой мне не в радость. Я иду с деловым визитом.

Уже и не мастерская. Просто контора.

Что изменилось?

Мир?

Я?

Угол зрения или острота взгляда?

Что тому виной?

Новые цели?

Или новые причины?

Мне бы хотелось вернуться в храм науки. Но нынче не строят храмов. А двери контор трещат без умолку и хлопают по спине зазевавшихся.

31. НЕНУЖНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

16.12.84

Последнее дело – писать комментарии к собственным стихам: после драки кулаками не машут. Но очень хочется.

Во-вторых, никуда не годится автор, который не различает в своей работе хорошего от плохого, не может отобрать лучшее, и не способен сжечь худшее. Но очень жалко сжигать.

Поэт должен обладать изрядным мужеством и непомерной гордыней, чтобы недрогнувшей рукой предавать казни свои творения и, закутавшись в плащ, молчать, не вымолвить ни слова в защиту или оправдание. Поэт должен стойко переносить хулу и не расслабляться от похвалы. Лучше, если он и на ночь не будет снимать доспехов. Желательно также, чтобы умер он не своей смертью.

Я с трудом преодолеваю этот стереотип.

Во-первых, я откровенно жду похвалы, хотя критика мне тоже нужна. Поясню примером.

Хула: – Скажу откровенно: Ваши стихи мне не понравились! Конечно, есть у Вас отдельные находки. Например, совсем неплоха строчка «Как мимолётное виденье». Но Вы тут же всё портите следующей строкой: какой ещё «гений»? к чему эта архаика? перезвон «н» в «виденье» и «гений» Вас не спасает – это чисто формальный приём. И что за «чистая красота»? Бывает разве «грязная красота»? Наконец, рифма «ты – красоты» это избито, грубо, слишком прямолинейно, в лоб. Собственно, здесь у Вас хороша по-настоящему только первая строка: «Я помню чудное мгновенье». Дальше Вы уже ничего нового не говорите, а лишь разводите какую-то слюнявую сентиментальность, извините за откровенность! Мне кажется, Вам нужно ещё работать и работать над словом. Но самое главное, Вы должны честно попытаться ответить на главный вопрос: А можете ли Вы не писать? И если можете, не пишите!

Хвала: – Скажу откровенно: Ваши стихи мне в целом понравились! Например, прекрасная строчка «Как мимолётное виденье»! Правда, слово «гений» в следующей строке мне показалось несколько архаичным. Как Вы сами считаете? Хотя, здесь интересный перезвон «н» в «виденье» и «гений», очень интересный. И вообще хорошо : «Как гений чистой красоты». Не знаю, правда, бывает ли «грязная красота», но это не имеет значения, это же не словарь, а

поэзия! И какая чудесная рифма «явилась ты – красоты»! Очень точная, какая-то даже привычная, но посмотрите – она совсем не так проста: обратите, внимание на предупредное «с» – сразу и не различишь эту тонкую перекличку звуков. Наконец, первая Ваша строка «Я помню чудное мгновенье» просто превосходна, она как мощный начальный аккорд, который вводит тему и эта тема разрабатывается в дальнейших строках. Вы знаете, я скажу прямо: мне это нынешнее «буханье», этот крик с эстрады, эта монотонная и занудная «гражданственность» уже осточертели! И поэтому особенно приятно было читать Вашу чистую и такую тонкую лирику! Мне кажется, Вам нужно работать и работать, не бросайте, поэзию. И самое главное, Вы должны честно попытаться ответить на главный вопрос: А можете ли Вы писать лучше? И если можете, пишите!

Когда-то некоторые мои стихи один человек сильно разругал (назовём этого человека – П.). В конце концов я согласился, и свылся с тем, что это был у меня заскок и сбой вкуса. Теперь другой человек (назовём его – В.) пытается убедить меня, что эти стихи хороши или, во всяком случае, они хорошо выполняют свою функцию, и зря я послушался П.

Имею ли я сам своё мнение об этих своих стихах?

Разумеется – нет!

Или лучше сказать, я имею такое сложное и противоречивое мнение (особенно после всех разносов и восхвалений – я человек восприимчивый), что лучше его и не высказывать!

Мне всё же пришлось некоторые стихи в эту подборку не включать: либо они уж слишком плохи, либо есть аналогичные, но лучшие.

Один человек (назовём его – К.) считает, что это просто безобразие: включать в подборку такие стихи, которые вообще надо бы сжечь! Но они мне нужны, либо тем, что имеют в себе нечто такое, что утеряно и не воспроизведено в других, более поздних и лучших стихах. Либо тем, что более, точно обозначают некую тему, настроение, мысль и т.п., хотя и более, «коряво», чем последующие стихи на ту же тему, настроение, мысль и т.п. Вообще, «корявость» мне иногда начинает казаться скорее, достоинством, чем недостатком. В. со мной соглашается, а К. – нет.

Иногда мне приходит в голову такая мысль: некоторые свои стихи я люблю не за их достоинства, а за их недостатки. Потому что они мои?

Есть стихи, которые безусловно должны быть оценены знаком «+»: с этим соглашаются все: я, П., В., К. Есть такие, которые безусловно «–» – они не включены в подборку. Некоторые стихи я включил в подборку главным образом потому, что некоторые оценивают их как «большой +», а другие как «–». В этом противоречии есть что-то притягательное: правда, вопрос: сами ли стихи вызывают это притяжение? Во всяком случае, несколько стихов я включил в подборку, хотя сам оцениваю их как «–» (а при плохом настроении как «очень большой –»).

Иногда мне кажется, что это очень глупо: распределять свои стихи по шкале термометра. У меня внутри, конечно, какая-то шкала, наверное, есть – где-то там, в подсознании – только сдаётся мне, что она не одномерная.

Предыдущие рассуждения я намеренно сделал абстрактными, без конкретных примеров, дабы не связывать ваше свободное мнениеизъявление.

Для меня ещё более мучительный вопрос: в каком порядке расположить стихи в подборке? по какому принципу их группировать?

Отчаявшись, я оставил всё как есть: хронология написания .

И всё же некоторые циклы явно просматриваются и надо бы их обозначить.

Конечно, следовало бы указать, какое стихотворение к какому циклу относится. Я уж было начал разложение по полочкам, да спохватился: всё-таки автор не должен сам оценивать и классифицировать то, что создал. Я имею ввиду не внутренние оценки и классификации, а высказанные, реализованные. Мысль изречённая есть ложь! Эта отравка для меня вредна, хотя мне очень нравится, когда другие меня оценивают и классифицируют: на чужие мысли у людей иммунитет.

Поэтому я просто перечислю некоторые явно просматриваемые циклы.

О война и мире. Здесь есть даже явные моральные эксперименты, дабы расшатать закоснелость патриотизма. Хотя, работа «под примитивизм» может быть не лучший способ сделать это.

Сюда близко примыкает Исторический цикл.

С тем и другим связана тема Отношение к чуждому.

Очень много того, что можно назвать Тоска и Нитьё. Это, видимо, крест, который, каждый тащит и никак не может с себя сбросить. Хотя «идиотический оптимизм» был бы, наверное, не лучше. Видимо, я отношусь к тем людям, которые всю жизнь ищут золотую середину.

Есть стихи, которые я называю Английскими. Не знаю, почему. Видимо, за определённое состояние души. Чтобы был понятно, назову явный пример: «В парке пустынном опавшие листья". В чистом виде у меня сиё редко получается, хотя и хотелось бы, но, наверное, как оттенок присутствует во многих вещах.

Есть стихи Про собаку и есть стихи Про кошку. Иногда в таком стихотворении нет ни собаки, ни кошки.

Есть Китайские стихи. Опять же по состоянию души и, что тоже важно, по форме. Но это ещё менее явно, чем английские, может быть даже, не стихотворения, а именно отдельные стихи.

Иронические стихи, Восток и Запад, Город и Лес, Женщины, Воспоминания детства, Стихи-Мысли, Стихи-Этюды, Цикл «Стихи на рисунках»,...

Кажется, дальше уже бессмысленно перечислять...

Иногда мне кажется: А имеет ли всё это смысл?

И я ничего не делаю, и становится страшно скучно. Вот почему мне нужно, чтобы меня хвалили, или ругали, в общем-то не так уж важно, но читали...

Я понимаю, как я неоригинален!

32. Древние греки знали, что корни сущего свисают в хаос

17.4.83 – 19.12.84

Древние греки знали, что корни сущего свисают в Хаос. Наш мир создала Любовь. Её можно представлять себе в виде очень сложной генетической программы, записанной иероглифами, высеченными на гладкой поверхности протонов и нейтронов. Когда Вселенная была горячей и тяжёлой, быстробегущие нейтрино всё время сталкивались с веществом и оставляли эти насечки. Теперь мир стал холодным и лёгким, и нейтрино летят беспрепятственно и бесцельно. А вокруг иероглифов кружатся и кружатся электроны, считывают и считывают информацию, и долгоиграющая пластинка жизни нескончаемо звучит на электрофоне времени.

Вначале были созданы боги. Они много любили и ссорились. И низвергали друг друга в Тартар. Тартар – почти то же самое, что Хаос, только несколько более упорядоченный. Потом появились люди. Складывается впечатление, что ныне должно появиться что-то ещё. Мы, люди, готовы низвергнуть в Тартар весь мир, причём не единожды, а несколько раз подряд. Нам тоже нравится любить и ссориться.

Здание Института величественно и ужасно. Можно лишь догадываться, что оно уходит за облака и земля под ним прогибается. Потому что видевшие его вблизи умирали на месте. Вокруг – до самого горизонта – простирается каменистая пустыня. Ветра здесь ходят кругами, скрежещут камнями на виражах и гонят сморщенные от страха перекати-поле. Лишь выживший из ума старик бродит по этой пустыне, тыкает палкой в камни и выковыривает полумёртвых жуков из трещин. Он почти слеп и потому не чувствует страха. А может быть он просто привык. Он был здесь всегда и неизвестно, кто он такой и откуда взялся. Из окна сотого этажа он кажется мелкой букашкой.

В приёмной у Шефа сидела девчонка и плакала. Она жаловалась, что ей неправильно запрограммировали жизнь. От слёз у неё намокли щёки и к ним прилипли тонкие нити золотистых длинных волос. Она сидела на стуле скрючившись, сложив вместе ладони рук и засунув их между колен. А колени у неё были розовые.

Секретарши, отодвинув машинки, пили чай. Над дверью в кабинет Шефа, на табло весело бежали зелёные буквы: «...ВОСПРЕЩАЕТСЯ! ИДЁТ СОВЕЩАНИЕ! НЕ ВХОДИТЬ! НЕ ЗВОНИТЬ! НЕ СТУЧАТЬ! НЕ СОРИТЬ! НЕ...»

Я взял девчонку за руку и увёл её в Лифт. Двери захлопнулись, загерметизировались и Лифт тронулся с места с ускорением. Ускорением разгона, ускорением торможения, вращения, кувыркания, движения по параболе, по замкнутым и незамкнутым, выпуклым и вогнутым траекториям в трёхмерном пространстве Вселенной. На световом указателе замелькали номера этажей, названия улиц, городов, стран, горных пиков, лесов, морей и океанов.

Я говорил:

– Ну, кто же в наше время верит в программирование? В наше время нужно верить в судьбу, таинственные знамения, белую магию, загробное биополе и бабушкины приметы. И не обращай внимания на Институт. Те, кто работает в Институте, ничего не смыслят в жизни. Я знаю, что говорю, – я сам работаю в Институте. У тебя есть хотя бы предрассудки? Как тебя зовут?

– Тина.

– Куда мы с тобой поедem, Тина?

– Я люблю цветы.

На солнечном лугу точно выпавший снег белели тысячи ромашек. На опушке леса в полутени щемяще пахло сосной. Колотилось сердце. Хотелось сесть на пенёк и долго жевать горькую хвоинку.

Но девчонка Тина уже бежала через луг, подпрыгивая и поднимая руки, точно это были крылья в небе или щупальца в море. Каждая секунда длилась несколько секунд – такое редко бывает со временем – и я побежал следом.

Я догнал девчонку на середине луга и мы упали в ромашки. Небо вспыхнуло белым светом, как вспыхивает сверхновая звезда, или зарница в августе, или атомная бомба. Девчонка была горячей и сильно пахла ромашками. Земля оказалась наклонной и скользкой – мы всё время скатывались с неё. Волосы Тины замусорились белыми лепестками, а колени желтели от пылицы как жёлтые предупреждающие сигналы светофора...

Тина плела длинные косы венков и беззвучно шевелила губами, подсчитывая число цветов. А я смотрел в облака – чудесное создание генетической программы. Облака плыли и изменялись, то

сливаясь почти воедино, то удаляясь в разные стороны. Потом мы видели, как течёт ручей. Дрожали камни на дне, дрожали белые лепестки ромашек на поверхности. Дрожали плечи девчонки Тины, потому что становилось прохладно. И я накинул на эти плечи свою куртку.

Мы шли по лесной дороге. И мы были маленькими, а деревья большими. Кукушка куковала нам сотню лет.

– Запрограммируй мне счастье, – сказала Тина.

Кому она это сказала? Кукушке или мне, который работает в Институте?

Этот день длился долго и пролетел в одно мгновение.

Я стоял на краю поля – выпуклого, как выпукла планета Земля, – и смотрел как уходит Тина – к домишкам на другом краю. Тина шла через поле и заходящее солнце мелькало у её ног. А небо со всех сторон стремительно темнело, превращаясь в звёздный Космос.

Я возвращался под этим звёздным Космосом как инопланетный путешественник и чёрная туманность Земли пружинила под моими ногами. Я опоздал на последний автобус: он проплыл вдалеке, светясь жёлтыми иллюминаторами окон и красными бортовыми сигналами. Пришлось ехать в такси, утопая в мягком сиденье при перегрузках, прислушиваясь к перестуку счётчика. Мне повезло: водитель попался неразговорчивый. Он неподвижно возвышался на переднем сиденье, спокойный и уверенный, как автопилот. Мы въезжали в город. Со всех сторон сверкали огни, скачками двигались очертания зданий, невесомо взлетали мосты и тревожно шуршали подземные тоннели. Я смотрел с удивлением, радостью, недоумением – первыми ощущениями путешественника, столкнувшегося с иной цивилизацией. Где-то далеко-далеко осталась Тина. Там моя планета?

– Стройка... пых-пых... пятилетки. Крупнейший хим... пых-пых.. комбинат в Европе... пых-пых... Задание... пых-пых... государственной... пых-пых... пых-пых... важности... пых-пых-пых-пых. Пых-пых, – Шеф раскурил, наконец, свою трубку, окутал себя синим облаком и, возвышаясь над ним подобно Зевсу, продолжал уже без препинаний:

– На одной научной организации труда и валютных кредитах такую стройку, сами понимаете, не поднять. Нужен массовый энтузиазм. Кто будет программировать?

– Вы же знаете, Шеф, – сказал Первый Программист, – это не мой профиль. Мои клиенты: жулики, взяточники, бухгалтера, торговцы, завскладами, завбазами и государственные чиновники. Мы программируем только Честность, и дел у нас по горло!

– А мне один чёрт! – сказал Второй Программист. – Могу и энтузиазм. Только окончание программы «Любовь к родной земле в Нечерноземье» придётся отложить. На соответствующее время.

– Вас, Третий, я не спрашиваю, – сказал Шеф. – У Вас в следующем квартале сдача программы Братской Помощи в квадрате С. Это спецзадание и, если Вы сорвёте сроки, мне голову открутят! – Шеф покачал головой, парящей над облаками синего дыма: – А я Вам!

– Значит, опять я, – мрачно сказал я.

– Что поделаешь, дорогой мой. Программирование Счастья – это, конечно, наша общая и, так сказать, конечная цель, но Вы же понимаете: дело это совершенно безнадёжное! Здесь вашим внукам работы хватит! К тому же, какое может быть счастье без, так сказать, материального благосостояния? А какое может быть благосостояние без химкомбината? А?

– Между прочим, Шеф, я уже год прошу помощника.

– Ищем. Ищем, дорогой мой. Вы же понимаете, хорошие Программисты на дороге не валяются. Вам нужен плохой помощник? Не нужен... Пых-пых... пых-пых.., – Шеф яростно запыхтел своей трубкой и совершенно скрылся в облаках.

Придётся согласиться, думал я, не то сейчас начнёт молнии метать.

– Полный доступ к процессорам ТРИСКА, – нагло потребовал я: – И базам данных.

– Пых-пых... пых-пых.., – облака собрались в грозовые тучи, но тут в окно дунул ветер, и Шеф выплыл из дыма. – Дорогой мой, Вы же знаете, что за полный доступ к процессорам Самого Скоростного Супер-Компьютера, или, как Вы его фамильярно называете, ТРИСКА, придётся платить японцам ровно сто тысяч. Откуда, я Вас спрашиваю, у химкомбината сто тысяч? Ежедневно!

Я картинно развёл руками.

– Половинный доступ!... пых-пых...

– И к базам данных.

– ... пых-пых... пых-пых... И к базам данных! И чтобы энтузиазм был массовым и устойчивым. За текучку кадров наш Институт будет

платить штраф, а Вы – персонально – лишитесь премии и зарубежных командировок.

– Согласен, – сказал я.

Жизнь человека узкой змейкой причудливо извивается в тысячемерном пространстве возможностей. Если бы время имело тысячу измерений – по измерению на возможность – человек стал бы деревом, растущим вверх и в стороны, и широкая крона ветвилась и прорастала в тысячи завтрашних дней.

Когда-то я решил, что стихи могут быть только хорошими, а программы даже плохие всё же способны выполнять свою функцию. И я перестал писать стихи. Это называется свободой выбора: вы обрубаετε одну ветвь с нераспустившимися зелёными почками и карабкаетесь по оставшейся. Человек подобен дереву с обрубленными ветвями. Из брёвен делают дома, мосты и корабли.

Теоретически запрограммировать можно всё что угодно. Вопрос в том, сколько на это потребуется времени. Современные модели оперируют не одним, а десятками и сотнями тысяч измерений. Нужно учитывать, когда и что следует обрубать. Проходит время, и на обрубленном дереве появляются новые побеги, и это тоже нужно учесть. Чтобы запрограммировать один завтрашний день обыкновенного человека при современных методах требуется год работы самого Скоростного Супер-Компьютера, а один день, как любит повторять наш Шеф, стоит ровно сто тысяч. Желающие могут перемножить в качестве упражнения. Откуда у обыкновенного человека столько денег? И согласится ли кто-нибудь целый год ждать наступления завтрашнего дня?

Поэтому-то в Институте никто не программирует жизнь: у каждого своя узкая специализация. Непосвящённым кажется странным, что мы можем запрограммировать массовый энтузиазм на строительстве химкомбината в совершенно голой степи за тысячу километров от столицы и не способны заставить одного единственного, но очень нужного на строительстве человека проявить свой личный энтузиазм и отправиться в степь. Но всё очень просто. Даже если этот человек согласится просидеть неделю в нашем Отделе Параметризации, облепленный датчиками и замороженный тестами, и мы получим все необходимые исходные данные, даже в этом случае наш распрекрасный ТРИСК будет десять лет вычислять программу индивидуального энтузиазма. И закончит работу как раз к концу строительства!

Мы поступаем гораздо проще. Составляем простенькую программку, которая в девяти случаях из десяти никакого энтузиазма не вызывает, и тиражируем её в ста тысячах экземпляров. Из десяти человек нашу программу воспримет лишь один и вот уже нужные десять тысяч энтузиастов с радостью выезжают в голую степь на стройку пятилетки. Закон больших чисел.

После обеда утыкаюсь в экран дисплея и веду диалог с компьютером. Иногда устраиваю перерыв на отдых – играю с машиной в разные игры. Особенно мне нравится игра «ТЕСТ». Компьютер задаёт вопросы, я отвечаю, а в конце он говорит всё, что обо мне думает.

Например:

– Нравится ли Вам дарить любимой женщине букеты полевых цветов?

– Да.

– Какое топливо лучше всего для туристского костра: сосна, ель, берёза или ива?

– Сосна.

– Мечтали ли Вы в юности стать покорителем гор и врубить свой альпеншток в вершину Эвереста?

– Да.

– Какая рыба Вам больше по вкусу: морская или речная?

– Речная.

– Считаете ли Вы, что красота природы выше красоты искусства?

– Да.

– Вы любите природу. Если Вы ещё не вступили в партию «зелёных», то вполне способны на это. Вы возмущаетесь, читая статьи о браконьерах и загрязнении окружающей среды. Но по натуре Вы – губитель всего живого. Вам особенно досадно, что на Земле так много людей – это лишает Вас возможности быть первым и поганить места, где ещё не ступала нога человека. Вы завидуете героям космической фантастики, имеющим возможность пакостить на девственных планетах далёких звёзд.

На неспециалистов это производит большой эффект. Если машина угадывает, они восторгаются её проницательностью. Если попадает пальцем в небо, задумываются о скрытых свойствах своего

второго «я». А в действительности, это лишь забавная игра. В памяти ТРИСКА на каждый тест записана тысяча различных «диагнозов»; независимо от того, как вы отвечаете на вопросы (машина даже не запоминает ваши ответы), резюмирующий диагноз в конце выбирается произвольным образом, используя генератор случайных чисел.

Но странно: что бы компьютер ни сказал, в его «диагнозе» всегда есть какой-то смысл и он всегда относится и к вам тоже: либо как констатация, либо как предупреждение, либо как пожелание...

Когда я вышел с работы, в небе горели звёзды. Все они были переменные и пульсирующие. Это дым из труб соседнего завода, тёмно-грязного цвета, незаметный на фоне тёмно-грязного городского неба, создавал подобные астрономические эффекты.

Коллеги потащили меня в пивбар – пропустить по паре кружек.

После второй кружки пластмассовый стол перестал липнуть и пачкать рукава наших пиджаков, резкий электрический свет смягчился, рассеялся и поглотил крикливый обслуживающий персонал, соседи отделились на приличное расстояние, и в нашей уютной компании разговор перешёл с работы на женщин.

Ребята, – весело крикнул Первый Программист, – а от меня вчера жена ушла! Ну её к богу, давай ещё по паре кружек.

– Нет, ты меня не уговаривай. Если она тебе так нравится – бери. Не возражаю.

– Понимаешь, надоело терпеть. Сколько можно? Тянуть и тянуть. Домой приходишь – как будто тебя в какой мешок душный засовывают. Или нет – в смирительную рубашку. А говорить бесполезно, давно понял. Сразу в слёзы, «к маме уйду». Вот не поверишь, даже дышать легче стало. Как будто курить бросил.

– Это просто такой тип женщин. Как фикус. Сидит себе в кадке, и ствол вроде ничего, и листья зелёные, а всё кажется, что пластмассовая. Не шелохнётся. Или как искусственная ёлка – наряди в игрушки, красиво вроде. А как с ней жить?

– Да не нужно ей ничего! Ну пусть и так – не заметил, не понял, не попытался, не оценил. Чужая душа потёмки – вот пусть кто другой днём с огнём разглядывает. Чего теперь говорить? Есть вещи, которые необратимы. Наверное, человека нельзя понять, если хорошо его знаешь.

– Ну, всё! Давай ещё по одной. У кого сигареты есть? В общем тухлякое дело. Сейчас хорошо, а завтра... завтра сначала проспаться надо.

– Ну, по последней! И давай про другое. Я сколько хочешь этой жидкости могу выпить – непрерывный процесс устанавливается. Вот он сейчас из туалета вернётся – скажет. Мы с ним в Воронеже, прошлым летом... Вот командировка была... Давай просыпайся...

...Средь облачных причудливых пейзажей, залитых щедрым солнечным лучом, под купол безупречной синевы подведены дыханием ветров панели стен, несущие контрфорсы, высокий взлёт коринфской колоннады и тихие аркады по бокам – классических и строгих очертаний. Так выглядят небесные чертоги.

Целительное свойство здешних мест – легко рассеивать туман пивного хмеля и утишать затылочную боль. Тут как всегда внушительно и бодро из анфилады лёгких облаков явился Бог. И мы продолжили степенные беседы, гуляя предвечернею порой.

– Ну, как дела на грешнице Земле?

– Прекрасно, Бог! Вот только грязновато. Вы слышали о страшных катастрофах и загрязнении жизненной среды?

– Сиё прискорбно. Но, я полагаю, подобные издержки неизбежны? Не возвращать же снова вас в пещеры! Вы так привыкли к тёплому уюту и комфортабельности собственных квартир. Промышленный прогресс не остановишь.

– Но как же звери, птицы, травы, воды? За что они страдают? Божьей тварью ведь называют даже червяка!

– Да, тварью. Что вам до неё?

Мне кажется, что мы без них не можем. Нам тесно в наших городах, мы задыхаемся в бензиновых парах, жуём синтетику! На кой нам чёрт нужны химические эти комбинаты?! Душа стремится к девственной природе, дарующей покой и утешенье, мерцанье истины и чудо красоты...

– Послушай, человеке, слишком сложно ты рассуждаешь. Дело-то ведь проще! Современный уровень развития производительных сил вынуждает искать альтернативные пути развития, поскольку, вступая в конфликт со средой обитания, ваша цивилизация начинает противоречить сама себе. Короче, минусов становится больше, чем плюсов. Уже делаются определённые шаги в нужном направлении: замкнутая технология, утилизация отходов, экологизация сельского хозяйства и тому подобное.

– Значит, всё в порядке?

Господь задумался, следя туманным взором за реактивным самолётом в синем небе, рисуя китайский иероглиф:

– Ну, разумеется. Будь счастлив, человек!

Бог удалился славною походкой, и в ясном мире тихо прозвучали, как дальний гром, последние слова:

– Любить весь мир могу лишь только я.

Гром приближался, заикаясь и хрипя:

– Конечная остановка! Автобус дальше не пойдёт! Просьба освободить салон.

Мне бы хотелось писать о девчонке Тине.

Как я вышел утром в парк.

Истекало небо синью.

Как открытый нерв.

Деревья тонкими ветвями едва касаются его. И кажется, дрожь проходит по ветвям, в глубине стволов и исчезает в почерневшем снеге.

Какие чистые краски! Какие точные линии! И для чего? Без всякой цели, без вознаграждения, без мук бессонными ночами, без вдохновенья, бездумной волей случая игра природы.

И такая красота!

Всего лишь небо, деревья и снег. По дну оврага чёрной щелью петляет речка. Сквозь безлистный лес просвечивают застеклённые громады моего микрорайона.

Зима кончается, подумал я. Зима кончается. И поскользнулся на обледенелой тропке, и свалился в колкий снег.

Здесь встретил я её. Как весело она смеялась! Как покраснелась! Как холодил за шиворотом снег! Как были губы горячи! Как небо побелело, когда в её глазах собралась синь...

Потом опять про лето написать. Потом опять про зиму. И повторять про Тину бесконечно!

Здание Института величественно и ужасно. Можно лишь догадываться, что оно уходит за облака и земля под ним прогибается. Случается и в нашей работе брак, и разные непредвиденные обстоятельства и непредсказуемые побочные эффекты. Например, так называемые, фантомы. Когда вступает в действие сложная и

запутанная программа, иногда возникают несуществующие явления, выдуманные вещи, события и даже люди. Их век недолог: они живут, пока мы верим в них, пока мы думаем о них, пока программа действует на наше сознание.

Древние греки знали, что корни сущего свисают в Хаос. В сущности ничего нет. Если копать очень глубоко, до самых корней – ничего нет. Любовь можно представлять себе в виде очень сложной программы.

Программу Счастья пришлось забросить и заняться вплотную химкомбинатом. Я не смог отыскать того поля – выпуклого, как выпукла планета Земля, и нет домишек на его краю. А если забыться, вдруг оказываешься в голой степи. Но изображение ещё недостаточно устойчивое и на горизонте подобно ядовитым испарениям дрожат и искажаются как в кривом зеркале очертания деталей, из которых сложится в конечном счёте химический комбинат.

О какой, собственно, Тине шла речь?

33. И всё же меня тянет к этим людям

2.1.85

И всё же меня тянет к этим людям.

Это даже хорошо, что произошло разочарование и король оказался голым. Его стало жалко.

Если б они были нашими единомышленниками, то неизбежно возникал бы вопрос: Почему они живут совсем не так, как мы? Может быть, это мы живём неправильно? Гонимся за призраками и упускаем истинные ценности?

Ведь быт есть наилучшее выражение того смысла, который мы вкладываем в жизнь. Потому что это происходит неосознанно – никому не приходит в голову связать свой быт и свои высшие, ценности.

Поначалу, наверное, даже нужно было тешить себя иллюзией. Незнестность и ожидание, даже какая-то тайна. Это вдохновляло и стимулировало.

Наверное, не только люди, но и жизненные ситуации обладают собственным биополем, «подпитывающей» или угнетающей аурой.

Теперь ситуация сменилась.

Но всё-таки приятно, что они оказались не просто нашими не-единомышленниками, а людьми, ограниченность которых стала для нас очевидной. Это, вызывает не столько чувство собственного превосходства (оно нам не очень-то и нужно), сколько уверенность в себе. Я даже как-то испытал облегчение от разочарования; теперь я могу отнестись к ним спокойнее.

Мне кажется, они в общем-то неплохие люди, и их недостатки нам так видны, настолько на виду, что это сразу делает их беззащитными. А их ограниченность даже забавна. Этот их маленький, но небезынтересный мирок, в общем-то творческий и горящий своими огоньками, даже и уютный, ошестинившийся допотопными крепостными стенами и кустарным самодельным рвом от большого мира, мира атомной бомбы и космических кораблей, мира фантастических процессов... забавно.

Если, конечно, они не слишком закоснели в своём «отгорожении». Тогда эта ранимость – такая милая поначалу – может стать докучной, занудной и просто глупой.

Выработали ли они в своём уединении хотя бы в какой-то мере мудрость терпимости, идущую от смирения, происходящего от понимания – хотя бы частичного – собственной ограниченности? Иначе цена, которую они платят за духовную цельность и внутреннее согласие с собой и миром, слишком велика: отказ от реальности.

Эта самая реальность, реальность нашего мира – вот наша – в отличии от них – сила, поскольку мы признаём эту реальность. Это наша опора и наше проклятие, наш идеал и наша грязь, наша радость и наша боль... эта реальность... мы молимся на неё и презираем её, черпаем в ней своё вдохновение и отравляемся её ядами, стремимся к ней как к недостижимой цели и падаем на её дно...

Собственно, и они – часть этой реальности. Любопытно.

Уильям Блейк против Максимилиана Волошина? В этом что-то есть. Блейк был, кажется, космополит?

Но мы не были бы людьми, если бы, признавая – всю! – реальность, не выделяли бы в ней особо близких нам граней. Что это? Вспомним Петю. И сразу – Колыбель для кошки, Чайный Клуб, Лем и Стругацкие, Лиля Трофимова и Астахов, Инверсор и ОСТАП. Понятие игры. «Игра в бисер» прочитана уже после Пети.

Да, у нас тоже есть своя Касталия.

Может быть поэтому нам интересна всё же чужая Касталия и чужая игра в бисер?

К тому же так лучше видно себя. Если, конечно, нам удалось в своём уединении выработать мудрость терпимости.

Да, иллюзии людей, если они достаточно духовны, всё же притягивают к себе. Поживём – увидим.

34. ЛЮДИ И ИГРЫ

4.1.1985-1.9.2009

Иногда кажется, что большинство наших несчастий и разочарований объясняется тем, что мы слишком много внимания уделяем содержанию и игнорируем форму жизни. Разумеется, я имею в виду тех, кто уже перешёл первый рубеж: понял, что содержание жизни важнее внешней мишуры (формы).

Отрицая отрицание, мы должны теперь уделить форме жизни особое внимание. Воплощение в форме менее осознанно, следовательно, вернее. Форма жизни есть игра.

Для этого есть много названий.

Игра в бисер Германа Гессе. Игра в педагогической провинции Касталия. Иерархия и Орден.

Гранфаллон Курта Воннегута. На несчастном острове Сан-Лоренцо. С мечтою о карассе, грациозно вращающемся вокруг вампитера, которым может быть что угодно (!).

Иногда это может быть даже религиозным орденом.

А иногда - это Пиквикский клуб, и только он.

Очень часто это лишь воспоминания о детстве.

Собственно, поиск с в о е й игры есть ни что иное, как поиск своего детства. Де Сент-Экзюпери вёл его всю жизнь, его Игра – на планете маленького Принца. Станислав Лем в «Высоком замке» описал свою мечту о детстве и мечту своего детства о высокой Игре. Брэдбери в «Вине из одуванчиков» не употребляет термин «игра», но ему удаётся играть; отсюда его цикл рассказов о детстве и космосе – «Р – значит ракета»; ведь ясно, что космос его есть игра.

Не является ли Игрой Искусство? В стихосложении есть что-то от комбинаторных головоломок, а в поэзии – высокая игра воображения. Не есть ли математика – игра по правилам логики в бисер математических абстракций? Говорят ведь и о политической игре и об игре на театре военных действий.

Вот здесь мы вторгаемся в область реальной жизни, которая, конечно же, есть тоже Игра. Но... это игра господ Бога, а не наша. Хотя, надо сказать, что игрушки для него поставляем мы сами. Наука как непосредственная производительная сила уже не может быть

игрой (для нас), но когда-то она была игрой: вспомните выражение «учёные чудаки». Вообще «чудак» употребляется часто как синоним слова «игрок».

Нет, не люди вырастают из своих игр, а как раз наоборот: История есть история игр, вырастающих над людьми.

Но история, разумеется, повторяется дважды. И многие игры возвращаются назад к людям в виде пародий. Я сам играл в такую игру под названием ОСТАП – Особая Туристическая Ассоциация Пешеходов. Вся соль была в прилагательном «Особая» – это была пародия на всё.

Когда говорят, что искусство есть отражение, имеют ввиду пародию. Хотя, конечно, главное в искусстве не отражение, а изначальная высокая Игра, творящая будущий мир.

Но сузим нашу тему.

Речь идёт о том, чтобы облечь в подходящую форму наши увлечения – в лучшем смысле этого слова. Необходим Магический Театр (ещё один синоним), в котором каждый играл бы свою роль – выбранную им роль по душе. И каждое дело, будь то сочинённое стихотворение, написанная картина, спетая песня, созданная музыка, рассказ или роман, изобретённая философская теория или литературоведческое изыскание, найденный образ или выстраданная мысль, короче – каждое проявление, каждый момент духа занял бы своё естественное место в мозаике Игры.

Вот о чём мечтается: складывать мозаику Игры, вместе с другими такими же, как ты, а не просто бросать камешки с пустынного обрыва в воду, от чего бывают лишь круги на воде, да и те быстро затухают...

Между прочим, и общение людей много выигрывает, становится точнее, и радостнее, когда ведётся по правилам Игры, когда разыгрываются сцены Магического Театра, когда свершается Ритуал.

Термин «Игра» (как, впрочем, и театр) довольно точно отражает и обратную сторону медали; условность и относительность такой духовной жизни. От этой пустоты бежал в «мир» Магистр игры в бисер. Не нужно забывать об этом. Ирония, самоирония – спасительные круги в море стеклянных бус. Ирония – наш дырявый щит.

Но что бы нам выбрать в качестве Вампитера? Как назвать наш Театр? Какие правила придумать для нашей Игры? Нужна та самая «одинокая гаечка», которая должна оживить рисунок художника.

Согласитесь, это должно быть что-нибудь такое несерьёзное, полупародийное, полудетское (напоминающее о детстве?), полуироническое, полумечтательное, что-нибудь такое, условность чего сразу видна, но достаточно прочна и естественна. Какая-нибудь печка, от которой начинаться должны все танцы.

В отличии от Касталии мы все остаёмся жить «в миру», и «бежать» нам некуда. И пусть наша башня не из слоновой кости и похожа не на «мою крепость», а скорее на тростниковый шалаш, продуваемый всеми ветрами, а всё же давайте попробуем построить эту башню, высокую, как высокий замок, и даже если мы говорим на разных языках, попробуем всё же понимать друг друга, хотя бы с помощью жестов, дабы башня наша не развалилась раньше времени...

И вот мы пришли на вечер Клуба «Подвал#1» [эту фразу я вставил сегодня, 1 сентября 2009].

Ваш ход.